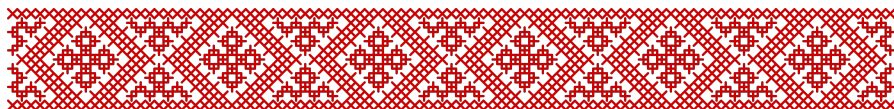
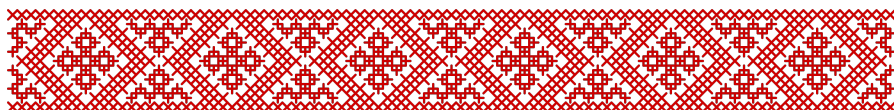

А.А. Соболев

ВЕПССКАЯ ЛЕТОПИСЬ

СБОРНИК ПОВЕСТЕЙ О СПЛАВАХ НА БАЙДАРКЕ
ПО РЕКАМ ГОРЮН, ЛИДЬ, ЧАГОДА, ЧАГОДОЩА, ПЕСЬ

Москва

МАСКА

2023

УДК 0000

ББК 0000

С00

С00

А.А. Соболев

Вепсская летопись

Сборник повестей о сплавах на байдарке

М.: ООО «ИПЦ „Маска“», 2023 — 418 с.

ISBN 0000-0000-0000-0000

УДК 0000

ББК 0000

С00

ISBN 0000-0000-0000-0000

© А.А. Соболев, 2023

В сборник вошли повести о байдарочных сплавах, ежегодно проходивших в период с 2015 по 2019 годы. Каждая повесть представляет собой рассказ-отчёт по одному из водных походов, проведённых на реках Чагодощенского края и оставивших неизгладимые впечатления в душе автора. В каждом рассказе переплетены воедино сведения о подготовке к сплаву, маршруте и его прохождении, а также личные переживания автора и множество сопутствующих отвлечённых рассуждений вместе с элементами автобиографии и различными воспоминаниями.

Оглавление

Благодарности	11
-------------------------	----

Пролог	13
------------------	----

Часть I Лидь—Чагода—Чагодоца 2015

Глава 1 Несколько слов о сплавах	21
--	----

Глава 2 Байдарка	29
----------------------------	----

Глава 3 Маршрут и сборы	37
-----------------------------------	----

Глава 4 Отъезд	43
--------------------------	----

Глава 5 Заброска	49
----------------------------	----

Глава 6 Катастрофа	61
------------------------------	----

Глава 7 Фонтан	75
--------------------------	----

Глава 8 Первая днёвка	83
---------------------------------	----

Глава 9 Чагода	89
--------------------------	----

Глава 10 Долгий переход	99
-----------------------------------	----

Глава 11 Кабаны и удача	105
-----------------------------------	-----

Глава 12 Вторая днёвка	113
----------------------------------	-----

Глава 13 Досрочный антистапель	121
--	-----

Глава 14 Возвращение	129
--------------------------------	-----

Глава 15 Заключение и выводы	133
--	-----

Часть II Горюн—Чагода—Чагодоща 2016

Глава 1	Тихвинская водная система	143
Глава 2	Команда	149
Глава 3	Приготовления	157
Глава 4	Заброска микроавтобусом	163
Глава 5	Мамонты	171
Глава 6	«Есть чё?»	185
Глава 7	Амёбы	213
Глава 8	Кровососы	219
Глава 9	Людей совсем нет	225
Глава 10	Лукобор	233
Глава 11	Потапыч	239
Глава 12	Пороги и Салынь	263
Глава 13	Выброска	269
Глава 14	Заключение и выводы	279

Часть III Лидь 2017 или Vepsän jogi

Глава 1	Отчаяние	289
Глава 2	Авантюра	299
Глава 3	Час быка	305
Глава 4	Радогощь, стапель и Лидское озеро .	321
Глава 5	Тресновская ГЭС	335
Глава 6	Лидь икс-одовая	345
Глава 7	Джиу-джитсу	355
Глава 8	Борщ	367
Глава 9	Дубль два	373
Глава 10	Третий раз под Чагодой	383
Глава 11	Антистапель	389
Глава 12	Автовыброска	391
Глава 13	Заключение и выводы	393

Часть IV Песь 2018 или во все тяжкие

Глава 1 Покрась это в чёрный!	399
---	-----

Часть V Чагодоща 2019 – что такое чилить

Глава 1 Cold as ice	405
Эпилог	407
Приложение. Координаты стоянок	411
Литература	415

Благодарности

- ★ Моей любящей жене Екатерине, которая стала первопричиной моего увлечения водным туризмом и идеальной спутницей не только в походах, но и в жизни.
- ★ Красавину Сергею Юрьевичу — моему наставнику, коллеге и товарищу, за многолетнюю совместную работу, за поддержку, бесценные советы и опыт, за знакомство с миром байдарочной свободы.
- ★ Краузу Павлу Викторовичу — моему коллеге и товарищу, за ежегодное участие в наших авантюрах, абсолютную стойкость в перенесении походных условий и отличную рыбалку.
- ★ Лунёву Сергею Александровичу — моему другу и товарищу, одногруппнику по институту, за многолетнюю дружбу и за то, что ты преодолел тогда боязнь воды.
- ★ Рябкову Кириллу Александровичу — моему другу и товарищу, за неоценимый вклад в психологический баланс в нашей группе; очень жалею, что раньше не узнал о том, что ты тоже байдарочник!
- ★ Горшкову Александру Геннадьевичу — моему другу и товарищу, однопочтнику по институту, за неоценимый вклад в атмосферность путешествия и игру на губной гармошке.
- ★ Голованову Олегу Юрьевичу — моему другу за характер спокойно-размеренный, за шикарную рыбалку, мелодично-красивую игру на гитаре у костра, стоическое перенесение погодных условий.

Пролог

Одиноки ли мы во Вселенной? Мне хочется верить, что нет. Должны, просто обязаны где-то быть подобные нам существа — в далёких-далёких галактиках, мирах. Как человеку осознать, понять всё это, окружающий его мир? Как научиться жить в гармонии с ним? Об этом давно мечтают мыслители, писатели-фантасты. В частности, в детстве на меня неизгладимое впечатление произвёл роман «Туманность Андромеды» [Ефремов(2000)], несмотря на то, что это было тяжело давшееся к прочтению, наверно только раза с 3-го, произведение. Но проникшись им, его идеями, я понял — его нельзя отпускать от себя ни-ко-гда. Это то, к чему должен стремиться каждый человек каждый день, каждый час, каждую секунду своего бытия — постоянно.

Оказываясь в деревне, я часто и подолгу тёмными августовскими вечерами стоял закинув голову к ярчайшему Млечному Пути и внимал к нему. Звёзды, метеоры, туманности... это совершенно непередаваемые минуты тишины, таинства, наслаждения красотой природы. И каждый такой раз мне хотелось буквально раствориться во всей этой красоте окружающего мира — этом звёздном небе, этом влажном ночном холодном воздухе, полном ароматов цветов, скошенной травы и хвойных лесов, окружавших меня... мне было безумно жаль, что не находится слов выразить переполняющие меня чувства.

Слова стали складываться внезапно — после похода 2015 года. Я всегда ощущал, что поход нужен мне, как нечто неотъемлемое, как часть меня, как продолжение моего естества; нужна свобода, пыль дорог и ветра свист, нужен дождь в лицо, нужна штормовка, нужен согревающий костёр,

нужна непременно двускатная палатка... Осуществив в 2015 году свою мечту — сходить небольшой группой в полностью автономный поход, сплав на байдарке, — я вернулся другим человеком и... плотно засел за путевые заметки. Никто мне этого не советовал, не понукал, это поистине было велением очищенной души. Слова будто сами выбивались на клавиатуре, дело спорилось — первая версия была готова меньше чем за 2 недели и... положена «в стол» на долгих 7 лет! Какая-то неуверенность, кажущаяся ненужность и незавершённость каждый раз препятствовала мне вернуться к этим заметкам, придать им форму настоящим образом. Не зря говорят, что всему своё время. Но как понять, что это время *настало*? Должен зазвонить звонок или колокол? Мол — та-дам! — вперё-ё-ёд, действуй?! Конечно же, как все мы не раз убеждались, ничего подобного не происходит. Это всё созревает внутренне. Идея должна, что называется, «вылежаться».

И вот, в 2022 году, овладев системой вёрстки текста \LaTeX ¹, я вдруг понял — время настало! Я оформил с помощью этой разметки первую свою книгу и был сильно воодушевлён результатом. Новый процесс написания текста на \LaTeX в совокупности с использованием системы контроля версий `git`² и автоматизацией сборки `CMake`-ом³ — всё это сразу привело процесс в привычное русло разработчика, положительно сказавшись на конечном результате. Что в итоге получилось из всего этого — судить Вам, дорогие читатели.

Соболев А.А., 2023 г.

¹<https://www.latex-project.org>

²<https://git-scm.com>

³<https://cmake.org>

Жаждающим диких походов посвящается.

*Все имена, названия, события,
время и место действия вымышлены,
а совпадения случайны.*

Часть I

Лидь—Чагода—Чагодоца
2015

В повести рассказывается о первом длительном самостоятельном сплаве автора одной байдаркой по участку маршрута №57 [Рыжавский(1981), Рыжавский(2000)] на границе Ленинградской и Вологодской областей. Даётся развёрнутое описание каждого дня похода с личными ощущениями и переживаниями руководителя, оказавшегося на реке с двумя малознакомыми матросами. На долю путешественников выпадают испытания, которые придётся преодолеть вдали от цивилизации один на один с природой, и с этой задачей они успешно справятся. Также вашему вниманию предлагается предыстория этого похода и множество отвлечённых рассуждений.

Глава 1

Несколько слов о сплавах

*Велик Океан и Земля велика,
Надо бы всё пройти,
Большая Медведица издалека
Желает тебе пути.*

Станислав Пожлаков,
«Баллада о детях Большой Медведицы»
из х/ф «Идущие за горизонт», 1972

Неизвестно, от чего получаешь большее удовольствие — от подготовки к сплаву, от собственно самого сплава или от смакования воспоминаний о нём в кругу друзей, родственников и единомышленников. Каждая часть этого действия хороша по-своему и от каждой остаётся определённый отпечаток, который уже никогда никуда не денется и будет греть душу туриста-водника долгими зимними вечерами.

В широко известной в узких кругах книге «На байдарке» [Квадригин(1985)] есть строки о том, что водниками не становятся — в водный туризм втягивают. И это действительно так. Правда, осознаётся это только после нескольких сплавов. Меня втянула в водный туризм тогда ещё будущая жена, предложив сходить в сплав, сама видимо не вполне осознавая, на что идёт. С тех пор в моей душе поселился огонёк странствий по водным просторам нашей необъятной Родины.

Первый сплав — это всегда особенное действо. После него люди либо безгловито убегают прочь от «этих ненормальных» с рюкзаками и вёслами, так и не поняв, зачем всё это надо, либо в их сердцах поселяется огонь странствий, а в мозгу засекает заноза, не дающая покоя ровно от предыдущего сплава до следующего.

С первым сплавом мне и будущей жене повезло — мы попали на Южный Урал, реку Зили́м. Сплавились около 10 дней, на катамаранах, вместе с огромной компанией в 50 человек, среди которых было 5 или даже больше инструкторов. Река Зилим летом спокойная, но мелковатая в верховьях. Туристы-водники, любящие бурлящую воду и белую пену, безгловито называют такие сплавы матрасными. Что ж, это в какой-то мере справедливо — течение реки спокойное, грести особо не надо, лишь местами могут встретиться быстринки и подобия перекатов*. Но, в конце концов, все виды отдыха хороши. Мне, жене, да и всем тем людям, с кем мы ходили, нравится именно такой вид сплава — без риска для жизни, но со спокойным единением с необычайно красивой природой нашей страны, когда забываешь обо всех проблемах и заботах, тяготящих тебя в обычной жизни. . .

*Мелководный участок русла реки

Инструкторы были заняты на стоянках приготовлением еды на костре, заготовкой дров бензопилами, ну и конечно травлей анекдотов. Фактически, нам, как новичкам, оставалось только поставить палатку, покидать в неё свои вещи, да наслаждаться жизнью, травить байки и ожидать пока поспеет вкуснейшая вечерняя похлёбка от штатного кока, да закипит чай с душистыми травами, собранными на местных лугах.

Нам с будущей женой всё было в новинку — мы никогда не ходили в походы или сплавы. И хотя я много раз порывался выбраться в какой-нибудь поход, каждый раз меня что-то останавливало. Причём перспектива походной жизни меня никогда не страшила — наоборот, мне очень хотелось попасть в настоящий поход и приобщиться к дикому туризму, но всё почему-то не получалось. А тут мы удачно попали в большую команду, нам выдали палатку, снаряжение. Словом, мы упростили себе «порог вхождения» в дикий туризм тем, что вопросы, связанные с маршрутом, заброской и выброской, снаряжением решали не мы, а руководители.

В первом сплаве мы испытали на себе и каменистые отмели, когда острые камни противно трутся о дно катамарана, и быстрые перекаты, когда река ускоряется в скалах Южного Урала и надо активно подгребать веслом, выправляя курс. Было и жаркое палящее солнце, моментально высушивающее намокшую одежду, и ураганный ветер с дождём, порой настигающим совсем не вовремя — на воде или когда ставишь палатку. Была и походная баня. Это изобретение заслуживает отдельного рассказа, а тот, кто её придумал, безусловно, достоин какой-нибудь премии.

Баня в походе — это Баня с Большой Буквы. Помыться, в принципе, можно и в реке, но разве это хоть в какой-то мере сравнится с ощущениями от Бани? Распаренный, вдыхая аромат трав, подстеленных на каменистый берег в роли коврика, хлещешь себя берёзовым, дубовым, еловым, пихтовым веником — любым каким смог сделать. Инструктор, который уже тебе товарищ и друг и с которым выпиваешь по чарке за ужином, обсуждая как классно вообще жить на Земле, плещет воды на каменную печь, и по Бане расходится превосходный пар, обдавая тело волнами колкого тепла. Веники ходят по спинам, раскаляя их докрасна. . . После, Баня открывается и распаренные, будто заново родившиеся, счастливые туристы с визгами восторга бегом мчатся в речку — окунуться с головой, остудиться и проплыть пару метров, а потом обратно — греться и снова париться. Особого шика добавляет то, что если во время этого действия идёт тёплый летний дождик. . .

Сама Баня состоит собственно из печки и палатки, которую ставят потом поверх протопленной печи. Печь складывают из камней, коих имеется неограниченное количество на берегах рек Южного Урала, выбирая при этом такие, чтобы не трескались при нагреве. Как выбирать — эту науку постигли только Инструкторы, ходящие на эти реки как к себе домой по несколько раз каждый год (вернее — эти реки и есть их второй дом. . .). Потом ставится палатка — вроде торговой, представляющая из себя куб или прямоугольный параллелепипед и сверху накрывается дополнительно полиэтиленовой пленкой, чтобы меньше уходило тепло и пар. Далее кто-нибудь снаряжается за травой или папоротником для банного пола и ветками для веников. Всё, потрясающие ощущения гарантированы!

После Бани чистые, обновлённые туристы усаживаются к импровизированному столу вкушать отменный ужин от кока и пить вкуснейший чай с местными травами. Уже начинает темнеть и сытые, чистые, счастливые люди разбредаются кто куда — часть попеть у костра, часть медитировать на берег реки, кто-то подальше от костра и людей смотреть или фотографировать звёзды, а кто по палаткам творить походную романтику. Уверен, что походная романтика создала немало счастливых семей, где Она знает, что Он может добыть дров, развести огонь и вообще, что топор из рук не валится. Он, в свою очередь, знает, что Она может фактически из ничего приготовить вкуснятину к ужину и уж конечно оба они — туристы-водники, всегда готовые прийти на помощь друг другу и поделиться последним, неважно, куском хлеба или сухим спальником.

Стапель* на Зилиме был в Толпáрово, а снимались с маршрута в Имендяшево. Толпарово — прекрасное место! Мост через реку, поросшие соснами склоны горы Карамалы́, сельские домики, сельхозтехника, огороженные пастбища, стога сена... Я смотрел на всю эту красоту и не мог поверить, что всё происходящее — реальность. Мне казалось это какой-то параллельный мир. Какая-то вдруг Швейцария, внезапно. Но нет, это наша страна, это Южный Урал! Всё-таки как велика, необъятна, красива наша Родина!

На маршруте мы побывали около небольшого интересного озера недалеко от берега реки. Вода в нём была прозрачной, небесно-голубого цвета, и очень-очень холодной. Погода в тот момент была прохладной и дождливой, но всё равно среди нашей команды нашлись смельчаки, окунувшиеся в это природное чудо. Потом мы побывали

*Применительно к сплавам — место сборки судна.

в пещере Победа, для чего потребовалось карабкаться вверх в горы по крутым склонам — вход в пещеру находился высоко наверху. Всё это, конечно же, оставило неизгладимые впечатления в наших сердцах! Попасть в такое приключение было настоящей удачей.

Так я изложил общие впечатления человека, втянутого по собственной воле в туристическое братство и в первом же сплаве произнёсшего страшную клятву туристов-водников. После первого сплава был и второй — по Башкирской реке Белая (Агидель) компанией из 10 человек. Этот, более камерный что ли, сплав на катамаранах также нам очень понравился. В перерыве между первым и вторым сплавом моя женщина, спутница-красавица, окончательно и бесповоротно стала моей спутницей жизни, что ещё раз подтверждает вышесказанное про походную романтику. Так что второй раз на воду мы встали уже будучи супругами.

Сплав по Белой, безусловно, отличался от предыдущего — хотя бы внятеро меньшим количеством народа. У нас также были переходы и днёвки, походные Бани и созерцание звёзд, дегустация мёда и медовухи с местной пасеки, рыбалка и фотоохота. Ещё было посещение пещеры Сказка, расположенной на живописнейшем склоне горы около Акбулатово, и Каповой пещеры (пещера Шульгáн-Таш), в которой раньше жили доисторические люди. Впечатлений также хватало, мы набирались опыта — благо есть у кого — наши руководители на всех реках Южного Урала были как родные.

Эти два сплава заложили, можно сказать, основу будущим моим путешествиям. В них я понял, что даже такой не слишком подготовленный человек, как я, вполне справляется с походным бытом и что никаких особенных премудростей не требуется. Нужно лишь желание

и стремление идти вперед. Из этих сплавов я вынес очень хорошие уроки организации всего этого действия, приобрёл уверенность в силе человека противостоять природе и непогоде. А это ли не главное? Где-то в глубине души загорелась мысль, что я, в принципе, мог бы и сам организовать такое мероприятие, как сплав.

Глава 2

Байдарка

После второго сплава был большой перерыв. Не удавалось выкроить время, чтобы попасть на Южный Урал, да и, откровенно говоря, хотелось чего-то нового. Правда, пока сам не понимал чего. Потом, вместе с рассказами начальника о байдарочных сплавах, пришло осознание — вот оно, это новое! Это же то, что надо! Байдарка! Отдельный корабль! Твой! Собственный! Никаких инструкторов, всё делать самому! Тебе никто не указ! Ты — бесстрашный рекоплаватель и первооткрыватель! Ты — Капитан корабля! Сердце моё застучало чаще, разум затуманился.

После того, как туман развеялся, было много разговоров и рассказов начальника о том, что такое байдарочный сплав и с чем его едят. Вместе с разговорами пришло и второе осознание — идём на реку! Рассуждали о том, на какую реку идти, как забрасываться и как сниматься с маршрута... а кроме того — нужны были байдарки.

Мой выбор пал на консервативную «Таймень», поскольку нашлись ещё школьные знакомые-одноклассники, готовые отдать каркас, или как говорят водники, «кости», ну а новую ПВХ¹ оболочку, «шкуру», купить не проблема. Не обошлось без влияния наших разговоров — начальник рассказывал, что места в «Таймени» просто завалились и это действительно оказалось так.

Вообще, тут стоит отметить, байдарочный поход в данном случае оказался неизбежен, как крах мирового капитализма. Я попал на работу в «почтовый ящик»², начальник, увлекающийся водным туризмом, сама атмосфера «почтового ящика»... всё это настолько тонко, что почти непередаваемо людям, которым никогда не пришлось столкнуться с этим. А когда я поделился с начальником рассказами о своих прошлых сплавах, то тут-то, надо полагать, в его голове и сложилась картина вновь замаячившей возможности оказаться в привычной стихии. Постепенно мы оба свыклись с мыслью, что однозначно пойдём на реку.

Время летит быстро — зима, весна; покупка опять-таки консервативной палатки-домика (типа «Памирки»), долгие переговоры о передаче байдарки в мои руки и, наконец, я стал счастливым обладателем костей для «Таймени-3». Лишними трёшечные кости точно не будут — вдруг ещё пойдём втроём? Заполучил кильсон³, позволяющий собрать из трёхместной байдарки двухместную, а также

¹Поливинилхлорид — материал, пришедший на смену брезенту при изготовлении оболочек байдарок «Таймень» и другого туристического снаряжения.

²Выражение советского периода, означающее предприятие оборонного значения; при переписке адрес обозначался «почтовый ящик №N».

³Кильсон (англ. keelson) — продольная составная часть одинарного дна корпуса речного судна [Исанин(1986)].

обзавёлся ПВХ шкурой для «Таймени-2», поскольку мы планировали идти двумя двухместными байдарками, набрав ещё двоих людей в матросы. Начальник же приобрел каркасно-надувную байдарку «Гарпун-2», поскольку старые свои «Таймени» давно продал, да и хотел судно полегче. Теперь у нас было то, что понесёт нас на просторы рек! Моё сознание рисовало бесстрашных первооткрывателей времён Великих Географических открытий!

Ранняя весна. Переправил всё снаряжение постепенно в деревню, провёл модернизацию палатки, сделал оттяжки для неё. Настало время для главного — собрал в первый раз байдарку. Это совершенно непередаваемое ощущение. Ещё каких-то 40 минут назад ЭТО было запаковано в огромный рюкзак, потом лежало на траве в виде свёрнутой шкуры и горы дюралевых трубок, а теперь всё собрано в красавицу-байдарку совершенно нешуточных размеров! От такого творения рук человеческих захватывает дух! Очнуться помогают только возгласы жены о том, как эту тяжесть тащить к реке? Да, весит «Таймень» немало, но это того стоит. Не думаю что по простоте конструкции, комфорту, вместимости, ходкости, красоте в конце концов, какая-либо байдарка может сравниться с «Таймень-2»... Ух!

Снаряжение было собрано к майским праздникам — байдарка, палатка, а остальное есть с прошлых сплавов, надо только достать с чердака и антресолей. Более того, обладая комплектом костей на двушку и трёшку, я получил свободу выбора — собирать, соответственно, двухместную или трёхместную байдарку, что, понятно, неплохо. Параллельно с этими заботами прорабатывался маршрут будущего сплава, велась оценка буквально всех мелочей, читались отчёты в интернете — конкретно по планируемым рекам для сплава, да и по другим тоже. Изучал и просто

литературу по туризму, выискивая то, что могло ускользнуть от меня ранее. Шутка ли, ведь предстояло первое в моей жизни большое походное мероприятие, которое я планировал от начала до конца сам и сам брал на себя ответственность за всё происходящее.

Разгар весны, потеплело. 9 мая, 70 лет Великой Победы. В этот день было решено спустить байдарку на воду и опробовать собственно — а каково это — плыть на байдарке? Понятно, что отличается от катамарана, но всё же — как это? Байдарка была доставлена на берег реки Киржач недалеко от железнодорожной станции Илейкино, собрана и спущена на воду. Место стапеля идеальное — есть подъезд к реке, ровный покатый берег, небольшой песчаный пляжик. Минут 30–40 сборки и ОНА готова!

Впечатления и тот трепет, который охватил меня, когда я в первый раз сел в байдарку на воде — непередаваемы совершенно. И вот — первый гребок, второй, третий — я плыву! Нос байдарки рассекает воду, создавая волну, в кильватере бурлят буруны. Прошёл не более километра и вернулся обратно — это была только проба пера. Первая тренировка на воде. Своеобразная прелюдия перед чем-то большим...

Река Киржач по весне очень полноводная и течение весьма и весьма быстрое, но, несмотря на это, мы вдвоём без груза легко шли против течения. Правда, в одном месте при сужении русла течение ускорялось, и надо было пройти противотоком в своеобразное «игольное ушко». Это далось нам только раза с третьего — настолько сильным было течение. Мне, понятное дело, очень понравилось, и я подумал, что сюда я ещё обязательно вернусь.

Лето, прекрасная пора, полным ходом идёт подготовка к основному сплаву — закупается белорусская тушёнка, сухие супы, пишется примерная раскладка продуктов, которые купим уже там, на месте, чтобы не тащить всё из Москвы. К этому времени подготовлены, распечатаны и подняты¹ топографические карты — гордость Капитана. Приобретён б/у старенький GPS²-навигатор, в него заложен маршрут и путевые точки. Кроме того, приобретены армейские бахилы химической защиты ОЗК³ — вместо сапог — дешевле в 10 раз, легче раза в 3 и места в миллион раз меньше занимают, поскольку их можно свернуть рулоном.

Приходит осознание необходимости пойти перед большим сплавом в сплав выходного дня потренироваться. Несмотря на опыт прошлых двух походов, я всерьёз опасаясь что-то не учесть и забыть при подготовке к большому сплаву, потому что на этот раз я действую самостоятельно. Следует также понимать, что маршрут предстоящего двухнедельного путешествия будет проходить порой по очень глухим местам и помощи, в случае чего, ждать будет неоткуда. Хотя и придаёт уверенности участие в мероприятии моего начальника — опытного байдарочника, всё равно дополнительная тренировка лишней не будет. Жена с радостью соглашается выбраться с байдаркой на природу, и мы собираемся.

¹Поднять карту — выделить что-либо на карте цветом и/или дополнительными условными знаками.

²Global Positioning System — спутниковая система навигации.

³Общевойсковой защитный комплект — средство индивидуальной защиты от отравляющих веществ, биологических средств и радиоактивной пыли; состоит из плаща, перчаток и чулок (бахил), часто применяемых в сплавах/походах.

Выбор падает на ту же реку Киржач, где был первый спуск на воду. Подкупает близость к деревне, удобство стапеля и антистапеля, полноводность и относительная малолюдность — уже далеко не майские праздники, а середина лета — народу на реке заметно поубавилось. Собираем снаряжение, закупаемся провизией и вот мы на стапеле в Илейкино! Заправски, уже в третий раз, собирая байдарку, с лёгкостью на душе мы пакуемся и отчаливаем. Впереди нас ждали 2 дня единения с природой. . .

Сплав выходного дня удался, хоть и вымотал нас с непривычки. Повезло с погодой — дожди обошли стороной, выглянуло солнце. На пути встретился один обнос — разрушенная плотина бывшей Финеевской ГЭС* и один небольшой слив с перепадом сантиметров 10–15, добавивший немного экстрима. В остальном — очень спокойный и прекрасный маршрут для неспешного сплава. Байдарка приносит удовольствие, это понятно ещё с первого спуска на воду, а когда идёшь с любимым человеком — это вдвойне приятно.

К этому времени было собрано абсолютно всё для основного, большого 10-дневного сплава — закуплена тушёнка, которую везти из Москвы, байдарка подготовлена и упакована, вещи тщательно отсортированы и погружены в гермомешок, куплены железнодорожные билеты, проработан до мелочей маршрут. Учтены все интересные места, предполагаемые места стоянок, вся доступная картографическая информация изучена досконально и достигнуто состояние полной, не побоюсь этого слова, боевой готовности! Но гораздо важнее уверенность и психологическая готовность — ведь я уже 2 раза был

*Гидроэлектростанция

на воде в байдарке. И ещё 2 раза до этого сплавлялся на катамаране. А это все-таки чего-нибудь, да значит.

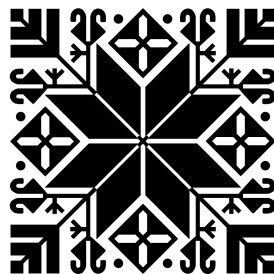
Немного страшит должность и ответственность капитана корабля, но не мы первые, не мы последние! Огорчает то, что жена в этот раз не может пойти со мной, потому что не удалось совместить наши отпуска. Придется обитать в палатке одному, но это мы обязательно наверстаем с ней в следующем сплаве. Экипажи подобраны — люди относительно незнакомые, но внушающие доверие. С ними проведён инструктаж и психологическая обработка за рюмкой чая о предстоящих трудностях и тонкостях водного похода. Зелёные, они с головой окунаются в преподнесённую мной атмосферу сплава. Также, по моему решению, наша команда встречается вся вчетвером вечером после работы, и мы ещё раз всё обговариваем, поскольку я считаю, что знакомиться на стапеле — не самый лучший вариант.

Как и в любом деле, в деле байдарочных сплавов тоже существуют свои законы. Один из них — «Кто-нибудь из команды не сможет пойти». Так и случается — начальник, наш Адмирал и Идейный Вдохновитель, не может идти с нами в силу непреодолимых причин. Из четырёх человек остаётся трое. По плану было две байдарки-двушки, а теперь чего делать? Спасает положение то, что у меня есть кости для трёшки. Покупается шкура трёшки и третье весло, и мы снова команда...

Психологически это удар — остаться без Адмирала за несколько недель до сплава. Теперь тяжесть ответственности целиком и полностью ложится на мои плечи. Теперь я и Адмирал сплава, и Капитан своей байдарки, и руководитель похода. Для меня это оказалось полной неожиданностью, поскольку я рассчитывал на то, что у нас будет более опытный и бывалый Адмирал,

нежели я. Однако, это обстоятельство не опустило мне руки, а наоборот, мобилизовало все психологические и организаторские ресурсы. Остальная часть команды идёт на реку в первый раз и ещё толком не готова, но полна решимости. Изрекая извечное — «Не дрейфь, прорвёмся!», продолжаем подготовку к нашему мероприятию и мчимся в неизвестность.

Глава 3

Маршрут и сборы

Для начала немного сухого формализма — сплав наш проходил на границе Ленинградской и Вологодской областей по рекам Лидь, Ча́года, Чагодо́ща бассейна Верхней Волги. Даты — с 3 по 13 августа 2015 года. Стапель 4 числа под железнодорожным мостом через Лидь у станции За́борье железной дороги Вологда—Санкт-Петербург. Заброска от Москвы поездом с пересадкой в Череповце. 7 ходовых дней, 2 днёвки. Вынужденный антистапель* 12 августа около деревни Загρίвьё (рядом более крупная деревня Дубровка) ввиду невыполнения запланированного маршрута на 50 километров до штатного антистапеля в селе Лéntьево Устюженского района Вологодской области. Байдарка — «Таймень-3» с ПВХ шкурой. Экипаж — Аня, Лёня (её молодой человек) и я.

*Применительно к сплавам — место разборки судна, как правило, при окончании маршрута.

Теперь подробнее обо всём в деталях. Почему был выбран такой маршрут? Главный Идеолог мероприятия — мой начальник — искал небольшую камерную речку в районе от Москвы до Санкт-Петербурга с относительно удобными вариантами стапеля и антистапеля. Относительно чего? Относительно наших пониманий об удобстве. Понятно, что можно отслонявить цветных фантиков и тебя на тракторе подбросят до реки, но зачем, когда до неё от станции 300 метров? Кроме того, он ранее уже ходил в этом районе в сплавы на реки Песь, Кобóжа, Молóга и проникся какой-то особенной теплотой к этому региону из-за его заброшенности и первозданности.

Не скрою, был изначальный план попасть на реку Чагодошу. Эта идея была поддержана и развита. Рассуждали далее — как попасть туда? С реки Песь? Она скорее всего мелеет к августу и, судя по отчетам в интернете, на ней имеются многолетние завалы, и, кроме того, с постепенным исчезновением движения поездов по Савёловской железнодорожной ветке, попасть на станцию Хвойная, близ которой протекает эта самая Песь, становится всё сложнее. Все найденные нами варианты заброски на Песь требовали пересадки на автобус, скажем, в Великом Новгороде или того хуже — заброски поездом через Санкт-Петербург. Все эти факторы привели к выбору другого притока Чагодоши — реки Чагоды, в которую, в свою очередь, впадает Лидь. Река Лидь и стала нашим отправным пунктом, а удобный стапель в трёхстах метрах от железнодорожной станции Заборье подкупил нас окончательно.

Судя по найденным отчетам, Лидь обещала быть красивой и именно камерной речкой, чего так жаждали наши души. Таким образом, маршрут был определён —

начать с реки Лидь у станции Заборье, далее попасть в Чагоду, потом Чагодощу, дозаправиться продуктами в посёлке Чагода, что примерно на 1/3 маршрута, и далее до Лентьево с экстренным сходом с маршрута в районе Дубровки (эх, знать бы заранее, что именно так и придётся делать...).

Чагода и Чагодоща, напротив, уже не такие камерные реки, как Лидь, но зато более полноводные и достаточно широкие — около посёлка Чагода река достигает примерно 50 метров в ширину, а далее местами и все 100. Из отчётов и спутниковых снимков стал понятен примерный облик рек — узкая в верховьях Лидь, в низовьях течёт в высоких берегах с густым лесом, грунты в основном песчаные, берега имеют песчаные обрывы, порой достаточно большой высоты — около 5–6 метров. По Чагоде нам необходимо было пройти лишь небольшой участок — характер реки тут обычный, не слишком примечательный — полноводная река с частыми островками ближе к устью. Чагодоща же имеет свой характер — расширяясь примерно с середины маршрута, берега её приобретают такой характер — один обрывистый с сосновым лесом, а второй покатый с песчаным пляжиком и кустарниковой растительностью. Далее за поворотом берега меняются местами, и теперь высокий песчаный обрыв оказывается с другой стороны, а отмель располагается напротив — так называемое меандрирование реки на языке гидрологов.

На конец маршрута по Чагодоще предполагалось прохождение трёх порогов*, обозначенных на старой топокарте как Горынь, Буг, Вьяльская Гряда и расположенных в районе д. Мерёжа перед Лентьево.

*Каменистый участок в русле с повышенной скоростью течения и относительно большим падением отметок уровня воды.

В отчетах было сказано, что это скорее лёгкие шиверы* и каких либо опасений не вызывают.

Что ж, про реки всё стало более менее понятно, однако тень сомнения закралась в душу — мало, очень мало отчетов про Лидь и фотографий оттуда! Неужели так мало людей ходит на неё? Неужели все променяли свои «Таймени» на цветные фантики и продались капиталистам на всякие турции и египты? Почти все найденные отчеты относились к весенним сплавам по высокой воде, а чего ждать от верховьев Лиди в августе? Может там впору пешком по руслу идти, а мы на байдарке хотим. Хоть похожий маршрут и имеется в литературе под номером 57 [Рыжавский(1981), Рыжавский(2000)], но с 81-го, да и 2000-го года с окончательным упадком Тихвинской водной системы всё могло очень сильно поменяться. Много, много вопросов оставалось без ответа, но, как говорится, кто не рискует... Маршрут был утверждён окончательным и бесповоротным решением.

Как только маршрут окончательно сложился в умах страждущих приключений, началась подготовка картографического материала. Были раздобыты старые топокарты, распланирован примерный километраж по дням — в какой день сколько необходимо проходить, подобраны примерные места стоянок и тому подобные вещи. В GPS-навигатор были загружены путевые точки, составлена раскладка, куплены железнодорожные билеты на всю команду... в один конец. На каком-то подсознательном уровне мы решили подстраховаться и не брать обратные билеты заранее, поскольку не были уверены не только в правильности расчета километража по дням, поскольку я

*Мелководный участок реки с беспорядочно расположенными в русле подводными и выступающими из воды камнями и быстрым течением.

делал это впервые в жизни, но и в том, что на маршруте всё будет гладко. В голове крутились строчки песни: «Билет в один конец, весна-а-а»...

Потом во время пробного сплава выходного дня по реке Киржач был утоплен старенький навигатор и у него отказал экран. Пришлось одолжить на работе новый, более навороченный, но вполне выполняющий свою функцию навигатор. Впредь будем более чутко относиться к нежной буржуйской технике. Оказалось, что новый навигатор показывал географические координаты, чертил на экране пройденный трек, вёл статистику пройденного пути, но, несмотря на свою навороченность, не имел карты. Вообще никакой! Для того, чтобы иметь возможность привязаться к местности, я распечатал бумажные карты с координатной сеткой UTM*, которая показалась мне удобнее формата градусы/минуты/секунды, а в навигаторе, соответственно, включил отображение координат в формате UTM. Вопрос с навигацией и привязкой к местности был решён.

В полной мере осознал всю мудрость решения приобрести хозяйственную тележку, как только попытался поднять рюкзак с «Таймень-3», двуручной пилой, складным стульчиком, бахилами химзащиты, надувными сиденьями и двумя флягами 96-го. Вроде бы по-отдельности немного веса, а вместе — ого-го! А ещё палатка, гермомешок со спальником и личными вещами. Не отличаясь силой тяжелоатлета, нести такой рюкзак далее пары метров проблематично. Так что тележка очень и очень пригодилась. Хоть её трубки и треснули немного, свою задачу она выполнила до конца.

*Universal Transverse Mercator — универсальная поперечная картографическая проекция Меркатора.

Печальную тоску навевали вещи, сложенные на диване, и детали байдарки, разбросанные по комнате — КАК это всё впихнуть в рюкзак и гермомешок?! Собравшись с мыслями и повикинув всего не то чтобы ненужного, но без чего могу обойтись, проведя многократную оптимизацию как состава вещей, так и способа, а также очерёдности их укладки, добился нужного результата — всё помещается. Итого вышло: огромный рюкзак с байдаркой, герма на 60 литров с личными вещами, палатка, маленькая герма для судового журнала, документов и фотоаппарата. Ура, сборы окончены, можно идти!

Оставалось несколько дней томительного ожидания дня отъезда, отпуска и отпускных соответственно. Всё это время я чуть ли не ежечасно созерцал топографический материал и пересматривал снаряжение на предмет поиска чего бы ещё выкинуть. Однако, в конце концов, я пришёл к выводу, что дальше выкидывать что-либо, сокращая объём и массу снаряжения, просто невозможно и на этом успокоился.

Глава 4

Отъезд

И вот, наконец, настал день отъезда. Как я ждал этого момента! Мой первый по-настоящему самостоятельный большой поход. Этим я грезил примерно с 6-го класса, как только начался курс физической географии... и теперь это — реальность! Это шаг куда-то вперёд, это абсолютно новый опыт в моей жизни — ничего подобного до этого я не совершал — вот так, полностью автономно и в отрыве ото всего и вся. Я с упоением воображал по топографической карте реку, обрывистые берега, чистейшие сосновые леса и песчаные пляжи...

Поезд Москва — Череповец отходил от Ярославского вокзала в 21:05. Заблаговременно, часа за полтора, как всегда не рассчитав со временем, я оказался на вокзале. Совершенно официальная парковка у вокзала обошлась в 100 руб/час. Заняли парковочное место и стали ожидать остальную часть команды. Погода в Москве хмурилась, я кутался в штормовку и одновременно старался как можно

меньше сомневаться в успехе предстоящего мероприятия. Небо густо заволокло облаками. Перед парковкой угрюмым от облачности серым цветом расположилась стена Ярославского вокзала. . .

Ярославский вокзал из Трёх Вокзалов занимает в моём рейтинге 2 строчку — интересная архитектура и особенная красота, по сравнению с другими. Ленинградский по соседству — первую, естественно, поскольку сразу приковывает взгляд строгостью стиля и классическими формами. Про Казанский, сборище из бесчисленного количества непонятных пристроек, надстроек и подземелий, говорить совсем не приходится.

Время ожидания тянулось медленно. За полчаса до отправления или даже раньше подали поезд, и вскоре вынырнула из метро моя команда. Увидав издалека их огромные рюкзаки, я чуть не выругался в голос — ЧТО они везут?! И это же только одежда и палатка... без продуктов! Не для них ли я сто раз переписывал и сокращал список вещей?! В первый раз все этим болеют — тащат с собой кучу ненужного: лишние ботинки, резиновые сапоги, лишнюю смену одежды, лишнее ещё-что-нибудь-тяжелое-и-объёмное и прочее-прочее-прочее. Я хотел уберечь ребят от этого печального опыта, но не сумел — видимо каждый, как ни крути, должен набить себе эту шишку сам, увы. В свой первый сплав я тоже набрал кучу ненужного, чего вполне мог бы не брать. И это было учтено в последующие разы. А тут... видимо, придётся с этим смириться, с этими огромными рюкзаками, что ещё поделаться?

Билет на байдарку (какая издёвка!) был приобретён заранее, и с посадкой в поезд проблем не возникло. Билеты на экипаж я купил электронные — предъявляешь

только паспорт при посадке и проходишь... XXI век в действии, с ума сойти! Отмечу, что фирменный поезд Москва — Череповец номер 126Я «Шексна» — *единственный* поезд из Москвы до Череповца на 2015 год.

В Череповце нас ждёт пересадка на Архангельский поезд, следующий до Санкт-Петербурга под номером 009С. Сходить нам на станции Заборье, как уже неоднократно упоминалось. До Череповца от Москвы ехать 8 часов примерно, от Череповца до Заборья около трёх с половиной. Перерыв между поездами 4 часа — за это время как раз надеялись закупиться продуктами. Ехали везде, естественно, плацкартом — плацкарт наше всё, будь ближе к народу!

Мы подошли к нашему вагону и начали грузиться. Таскали вещи при загрузке мы, конечно, неприлично долго, но внутри вагона довольно быстро раскидали всё по просторам третьих полок, а упаковку с байдаркой положили вниз под сиденье. Место на 4-го члена экипажа, билет которого пришлось сдать, никто не занял, и мы с радостью его оккупировали, благо со стороны проводницы никаких претензий не было.

Жена безумно волновалась за меня, и расставание с ней далось особенно тяжело, хотя Адмирал сплав и не должен показывать виду. И вот, последние объятия, все расселись по местам, закончена посадка. Поезд неслышно трогается с места и плавно набирает ход. Все машут руками, а жена отходит в сторону на платформе, чтобы дольше было видно меня из окна — машу ей рукой в ответ и шлю воздушный поцелуй. Не горюй, милая, я скоро вернусь, а сейчас Дух Авантюризма зовёт меня в путь!

Платформа вскоре скрылась из виду, и мы продолжили размещаться в вагоне. Этот самый единственный поезд до Череповца, хорошо ещё, что фирменный, оснащённый биотуалетами и прочими благами цивилизации, удобно прибывает — утром. Как раз ночку поспать и уже приедем. В первый раз мне довелось ехать в плацкарте на нижней полке — всегда брал верхние до этого, куда бы ни ехал. Удобно, что сказать. Никто не сшибает головой твои ноги, свисающие в проход со второй полки при росте под 2 метра. Теперь, на нижней полке, мои ноги сшибают ногами, а не головами. Но не сильно и не матерясь. Терпимо.

Поезд, тем временем, уже выехал из Москвы, и начались обычные плацкартные разговоры. Обо всём по чуть-чуть. Плацкарт, как явление, вещь незаменимая и ни с чем не сравнимая. Если его когда-нибудь отменят — это повод для новой Великой Октябрьской как минимум, ибо это будет чересчур. Плацкарт — не просто способ максимально дёшево добраться куда бы то ни было, это... своя атмосфера. Это полки, это проход, это титан в начале вагона, это еда из дома в фольге, а ещё ноги, свисающие в проход... ну, словом, вы понимаете. А если не понимаете, срочно проверьте свой паспорт — вы точно гражданин России?

Взяли чаю по 30 что ли рублей. Очарование чая в стакане с подстаканником и постоянно позвякивающая ложечка... иностранцам не понять — им главное комфорт, выгода, деньги. Тут же иное.

Долго болтали о разном, шутили. Волнение команды было видно невооружённым глазом, да я и сам, естественно, волновался, но романтика путешествия и жажда неизведанного звала вперёд. И всё-таки, в какую авантюру мы ввязываемся! Ух!!! Я был просто горд собой, что решился на такое и сумел, конечно не без поддержки

начальника, организовать свой первый по-настоящему дикий сплав.

Народ вокруг стал укладываться и мы, последовав их примеру, тоже улеглись пытаться заснуть под стук колёс. Места у нас были в купейной части плацкартного вагона — два нижних и одно верхнее. Я расположился внизу, а Лёня с Аней на двух полках напротив. Вскоре выключили основное освещение, оставив только приглушённое ночное дежурное. Поезд смиренно отмерял километры ярославской железной дороги стуком колесных пар...

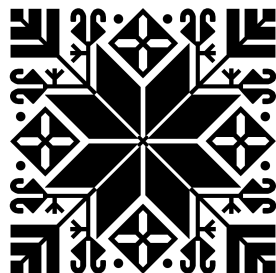
Удалось устроиться удобно и я лежал, укутавшись в простынь, пытаюсь заснуть. Но сон не шёл — я не сильно устал за день и вечер, к тому же перекидывался смс-ками с женой, ловя моменты, когда была связь. Жалко, что она не идёт со мной в этот раз и безумно грустно от этого... уж кто-кто, а она-то идеальный напарник в походе, в чём я не раз убеждался.

Отгоняю от себя вдруг налетевшую тоску мыслью о том, что я — Адмирал сплава и двое зелёных матросов, уже храпящие к этому моменту на соседних полках, на реке будут полностью зависеть от меня. Мне, как предводителю, Адмиралу, придётся давать указания, держать всё под контролем, при этом стараясь не переусердствовать, и не забывать самому принимать в нашем действе самое активное участие. Неведомое ранее чувство особенной ответственности подкатывает, но потом я вспоминаю книгу «Географ глобус пропил» [Иванов(2005)] (а также недавно вышедшее по ней кино) и меня отпускает.

Одновременно возникает странное неизведанное чувство отрешённости от мира — как будто вся привычная жизнь идёт параллельно нам, а мы как бы со стороны,

на обочине её, в параллельных мирах; как будто мы — не мы, а кто-то другие, в тельняшках и штормовках — сели в поезд и несёмся навстречу неизвестности. Вскоре веки мои тяжелеют, и я проваливаюсь в сон.

Глава 5

Заброска

Обычно я не высыпаюсь в поезде и с утра поднимаюсь как варёный рак. Но тут на удивление удалось выспаться. Может потому что на нижней полке? Тем временем проехали Вологду. Скоро уже и Череповец. Погодка стоит безоблачная, разгорается утро. Взяли чаю, перекусили, плацкарт понемногу начал оживать. Поезд прибыл в Череповец точно по расписанию — в 8:29 утра, конечная. Хорошо — не надо торопиться с высадкой, вытаскивая наши тяжеленные рюкзаки...

Поезд останавливается, народ быстренько выходит. Мы не спешим, ждём, пока все выйдут и только потом, последними выходим со всеми своими рюкзаками и баулами. Вокзал в Череповце достаточно красивый, старый, зелёно-белого цвета. Очарование старых железнодорожных станций — это что-то особенное... стою и рассматриваю вокзал. Ребята подтягиваются со своими огромными рюкзаками. Сваливаем вещи горой на скамейку

и усаживаемся передохнуть — баулы наши не из лёгких, а скоро ещё прибавится провизия. Как на стапеле всё это понесём до реки?

Слегка приходим в себя после поезда. Надо идти закупаться продуктами. Аня остаётся присматривать за вещами, а мы с Лёней собираемся — берём две сумки и выходим с вокзала.

Первоначально я наметил продуктовые магазины с противоположной стороны, к северо-востоку от вокзала, но как попасть туда мы не поняли — перехода через пути нет, на путях стоят грузовые поезда, надо идти до автомобильной эстакады, что виднеется вдоль ж/д путей... далековато. Решили искать магазины на стороне вокзала. Спросили у местных дорогу и пошли через привокзальный сквер на юго-запад. Сразу за сквером вышли к продуктовому на Комсомольской 39. Разгул капитализма — закупились всем, чем только можно — макароны, гречка, рис, чай, сахар, печенье, сухие супы, сгущёнка в банках и пакетах, хлеб, соль, перец, да всего и не упомнишь. Ещё купили мороженое и пошли обратно к вокзалу. Операция по закупке прошла достаточно резво — быстро вернулись, прикупили местную газету «Речь», пару магнитиков с символикой Череповца и пошли к Ане. Она загорала и читала книжку, ожидая нас. Погода выдалась просто отличная — солнышко, немного белых облачков в высоком синем августовском небе, лёгкий северный ветерок. Прохладно и не жарко — просто замечательно!

Наш архангельский поезд отправлялся в 12:08, в запасе было ещё пару часов. За это время надо было снова купить билет на байдарку на вторую часть пути, потому что оформить этот билет в Москве не удалось. Девочки в кассе сначала отправили меня в терминал, мол распечатай там.

Обрадовался! Думаю — ничего себе, до чего дошёл прогресс, сейчас через терминал куплю багажный билет на байдарку! Но не тут-то было — терминал оказался просто терминалом для распечатывания заранее купленных через интернет простых билетов, не багажных. Делать нечего, надо опять в кассу... терпеливо отстоял очередь в 3-ю кассу. Выяснилось, что билеты на багаж оформляются только в 4-й... где, так и раз эдак, я спрашиваю, это написано?! Нигде! Обычная, касса, как и остальные три! Никаких надписей, что только там можно оформить багаж. Прелести общения с системой. Та самая действительность, от которой я сбегаю на реку...

Устроил у касс небольшой скандал чисто из профилактических целей — мне потрепали нервы — получайте и вы, раз вам так лень повесить хоть какие-то информационные листки или объявления, где было бы русским по белому написано как оформляется багаж. Причём мне уже были готовы оформить и без очереди, и прямо сейчас, и даже не в той кассе, но Штирлиц прокололся, ляпнув, что у него поезд только в полдень... и снова очередь, теперь уже в 4-ую кассу. Передо мной женщина оформляла возврат какого-то бешеного количества билетов — штук эдак 30 — пришлось терпеливо ждать, благо времени вагон... а если бы было впитык? Тогда бы снова скандал и тэ дэ и тэ пэ... как же в обыденной жизни раздражают такие моменты. Я стоял в очереди, а воображение рисовало мне реку... где нет этой окружающей действительности, где нет правил, нет этих дурацких билетов и прочей требухи, где не надо никому подчиняться, где можно всю цивилизацию послать на три буквы, где первобытная свобода ждёт... скоро, очень скоро всё это будет у нас!

Оплатив положенные рубли за провоз байдарки, пошёл к ребятам на улицу. Аня всё это время непрерывно курсировала от Лёни, сидящего снаружи у наших вещей на лавочке, ко мне, стоящему в очереди, подбадривая меня разной болтовнёй. Наконец, покончив с формальностями, мы вместе стали ожидать поезд и читать местную газетёнку, где писали, что первые две недели августа обещают быть жаркими в противовес не слишком-то тёплому лету в этом году. Кутаясь в штормовку от ветра, очень хотелось верить в потепление. По вокзалу особо не бродили — будет время потом, на выброске.

Поезд Архангельск — Санкт-Петербург номер 009С подошёл минут за 20–30 до отправления. Внимательно вслушивались поначалу в объявление по громкой связи, силясь понять, на какой путь прибывает наш поезд. Потом в итоге определили это визуально, поскольку, кажется, диктор специально говорила так, чтобы никто ничего не разобрал. Взяли вещи и пошли не спеша. Оказалось, что у нас последний вагон, да ещё последние места, красота! Проедемся в последнем вагоне. Проводницей оказалась молоденькая студентка какого-то железнодорожного училища. Оказалось, их таких проводниц-студенток на практике — весь поезд почти. Малинник, короче... Округлив глаза на нашу байдарку, она попыталась что-то пролепетать, мол, не имеет права нас с таким грузом пропускать и вообще чего вы тут. Но не тут-то было! Борзо и дерзко сунув под нос ей бумажку, то есть, пардон, не бумажку, а высочайшую квитанцию об оплате бешеной суммы в сто с чем-то рублей на провоз байдарки, мы с победоносным видом стали грузиться в вагон. Велика Россия, а порядку в ней... Проводники и сами не знают своих правил, которые здравому смыслу вообще не поддаются. То ли денег хотят ещё сверху от наглости и жадности, то ли чего...

В любом случае, мы погрузились в поезд. Родимый плацкарт, да ещё последний вагон — вообще шик, можно сказать! Ехать нам до Заборья всего ничего. Четвёртое место в купейной части снова пустовало, что не могло не радовать. Запихнуть байдарку полностью под сиденье почему-то не получилось — другой поезд, немного другой размер подполочного пространства? Возможно.

Поезд не фирменный, но все достаточно терпимо. Тем более что потерпеть-то 3,5 часика. Нажимаешь ногой на педальку в уборной — привет, рельсы! Здравствуй, XXI век — век, где можно купить билет на такой поезд через интернет. Мы-то, собственно, привычные, но так ли должно быть в XXI веке?

Время ползло улиткой. В Бабаево остановка на полчаса. Большая станция, депо, поворотный круг. Паровоз на постаменте. Дети лазают по паровозу, как муравьишки. Мы с Лёней вышли, походили, погуляли. Сфотографировали паровоз. На нём была табличка: «Заводы им. Готтвальда, Брно», то есть он оказался чешского производства. Скоро, совсем скоро будем в Заборье. Хочется быстрее туда попасть! Звоню родным, говорю, что у нас всё хорошо и пусть не волнуются. Проводница зовёт всех внутрь, отправляемся. До Заборья остаётся совсем капелька.

Пока едем, снимаю на фото и видео убегающие вдаль рельсы через стекло двери последнего вагона. Завораживающее своей бесконечностью зрелище! Насколько же велики и необжиты пространства нашей огромной страны. И как хорошо, что они медленно обживаются и ещё есть места, не испорченные человеческим присутствием. Сейчас мы стремительно несёмся навстречу именно таким закоулкам Ленинградской и Вологодской областей. В край верховых

болот, сосновых лесов и петляющих среди них рек с тёмной торфяной водой и золотыми песчаными берегами. . .

Договариваемся с проводницей, не зная по наивности, что это вообще-то её обязанность, чтобы она выставила красный флажок, если мы будем не успевать выгрузиться — ведь в Заборье поезд стоит всего одну минуту. Та, поломавшись для виду, соглашается, кокетливо выясняя о нашем сплаве.

Народ, проходя мимо нашей байдарки к титану за кипятком, воняя лапшой быстрого приготовления, косится на наши вещи и лица. «Ненормальные», — читается в их глазах. Ах-ха-ха! Да, сейчас мы — ненормальные. Мы несёмся вперед, на просторы. Нас ждёт освобождение от города, от цивилизации, от самих себя.

И вот, Заборье! Заблаговременно вытащили с Лёней рюкзак с байдаркой в тамбур, сбоку приставили остальные вещи. Стоим в тамбуре, а Аня пока подтаскивает остальные нетяжелые сумки. Как успеть десантироваться за 1 минуту?! Загружались мы обыкновенно минут пять, а выгружались в Череповце из первого поезда ещё дольше, как мне показалось. Волнительно! Наконец поезд замедляет ход и останавливается. Проводница открывает дверь и опускает подножку — момент истины настал! Я мигом вылетаю на низкую платформу, принимаю у Лёни рюкзак с байдаркой на тележке, остальные тюки. Парень, который ехал на боковушке рядом с нами, помогает подавать вещи. . .

15 секунд. Именно столько, как мне показалось, мы выгружались. Даже возможно меньше. Пока горит спичка, не иначе. В [Квадригин(1985)] также говорится об этом эффекте высадки. Как бы там ни было, все вещи действительно оказались на платформе в мгновение ока.

Пока я доставал фотоаппарат, чтобы запечатлеть нас и окрестности, поезд снова начал набирать ход. Проводница укоризненно покачала нам на прощание головой, не понимая наших душевных порывов отказаться от всех благ цивилизации, и укатила дальше. Мы остались одни. В глуши. Посреди платформы в неведомых краях на границе Вологодской и Ленинградской областей. На стыке двух миров — обыденности и ярких красок. «Жребий брошен», — мелькнуло у меня в голове. Это было то, чего я хотел ровно с окончания сплава по Белой — я снова на реке! С этого момента пути назад нет, только вперёд, только по красавице Лиди!

Платформа в Заборье низкая, асфальт обновляли наверно ещё при советской власти. Зато название станции на табличке сделано в новом серо-красном стиле и на двух языках — продублировано на английском: «Zaborye». Лучше бы поезда обновили, но проще же таблички — как всегда показушничество!

Ехать в последнем вагоне было хорошо, но дальше идти к реке. Ничего, справимся, куда денемся. Я на мощнейшем эмоциональном подъёме! Сейчас я — первопроходец, разведчик; надо найти подход к реке. Взваливаю гермомешок с вещами на плечи, рюкзак с байдаркой везу на тележке впереди себя — так мне показалось удобнее. Лёня помогает Ане надеть на спину рюкзаки, а потом и сам взваливает на спину свой тяжеленный 120-литровый рюкзак и берёт две сумки с продуктами. Идём вперёд, народу никого. Никто кроме нас не сошёл тут с поезда. Идём сначала вдоль станции, а потом по грунтовке метров триста. И вот — железнодорожный мост через Лидь, а рядом с ним отличное место для стапеля на низком левом берегу.

Сразу оцениваю реку. Мелкая. Дно каменистое, очень отдалённо напоминает берега Зилима, только все сплошь заросшие. Начинаем собирать байдарку. Рядом деревенская ребятня жжёт костёр и купается в речке. Спрашиваю про клещей — говорят редкость. Успокаиваемся, продолжаем сборы. Меня, тем не менее, какая-то букашка больно кусает в бок, но вроде не клещ. Немедленно проводим химобработку верхней одежды. . .

По железнодорожному мосту с оглушительным грохотом часто проходят грузовые составы. Вскоре наша байдарка почти собрана. Никак не хочет натягиваться фальшборт. Просто ну никак. Бьёмся с ним очень долго. Наконец, при помощи пассатижей и какой-то матери, удаётся застегнуть последний замок среднего фальшборта. Всё — теперь байдарка готова! Можно грузиться!

Корабль наш уже спущен на воду, а мы с Лёней в бахилах химзащиты, шлёпая по воде, таскаем и грузим вещи. Бригада моя распаковывает свои рюкзаки, в них всё оказывается разложенным по гермомешочкам. Неплохо, учитывая то, что вещи надо распахивать под борта байдарки. Грузовой отсек занимает гермомешок с продуктами, палатки, ещё одна сумка с продуктами и всё остальное по мелочи. Места впитык. При этом моих личных вещей — одна герма, на которой я сижу, да палатка. Мой девиз этого сплава — «Спарта!», поскольку у меня с собой даже футболка одна. . . рюкзаки же ребят фактически некуда девать. Делать нечего, кладу их сверху в грузовой отсек, накрываю полиэтиленовой плёнкой от дождя, перехватываю крест-накрест резиновыми жгутами. Жить можно.

Собирались мы неприлично долго. Я планировал встать на воду максимум в половину пятого. Какой там. . . стартуем только в 6 вечера. Понимаю, что в любом случае

должны пройти запланированные 7–8 километров, чтобы не выбиться из графика, иначе все мои прикидки по километражу сойдутся, да и заночевать лучше не в населённом пункте, понятно. Координаты стапеля — $N\ 59.51290^\circ\ E\ 35.21290^\circ$.

Отчаливаем, садимся, устраиваемся поудобнее. Готово! Я отталкиваюсь от берега ногой и тоже занимаю капитанское место на корме. Сплав начинается! Время около 18:00. Стапель в Заборье пройден. Впереди нас ждёт свобода, ждут приключения, ждёт полный отрыв — нас ждут 200 километров рек Лидь, Чагода, Чагодоша.

Речка неширокая, местами очень мелко, течение у стапеля слабое, 1–2 км/ч. Включаю GPS-навигатор, позаимствованный на работе. Оцениваю нашу скорость. Идём хорошо — около 7–8 км/ч. Встречаются каменистые шиверы, но вроде бы идём без повреждений, хотя изредка и цепляем днищем на мелководье. Вода под ногами — это стекает с бахил химзащиты, когда залезаешь в байдарку, успокаиваю я себя. Мелкие участки заканчиваются вскоре после Заборья, и воды становится заметно больше — хорошо! Я просто упираюсь восторгом от происходящего — мы на реке! Мы выбрались из города, мы преодолели себя, свою неуверенность, свои страхи и теперь ничто не отделяет нас от природы, которая примет нас, смоем с нас городскую грязь, обновит и придаст сил жить дальше...

Управлять байдаркой-трёшкой нам с Лёней не особо легко. Также, видимо при загрузке на стапеле я неравномерно распределил вещи и нас кренит влево, отчего мы постоянно поворачиваем. Это приходится исправлять усиленной греблей, потому как руль на байдарке — вещь бесполезная. Аня же счастливо фотографирует окрестности и привыкает к новой обстановке.

После двух часов сплава, около 20:00, мы приближаемся к капитальнейшему завалу, позади которого виднеется вышка-засидка. При подходе становится ясно, что справа есть широкий проход и там можно пройти без проблем. Сразу за завалом резкий поворот влево и мигом вправо открывается вид на автомобильный мост через реку близ Гришкино — ориентир на сегодняшний день, означающий, что километраж прошли. Что ж, пора искать стоянку! Сразу за мостом, метрах в трёхстах, на левом берегу замечаю приличную полянку, около которой мы и причаливаем. Дрова есть, место хорошее, хоть и близко к деревне. Скорая разведка показывает наличие проезда к стоянке. Но на сегодняшний день другой альтернативы, судя по карте и времени, у нас нет. Мы разгружаем байдарку и начинаем разбивать лагерь. Координаты первой ночёвки — $N\ 59.46437^\circ\ E\ 35.17958^\circ$.

Задача сейчас быстро поставить палатки, найти дров, развести огонь и приготовить ужин. А уже вечереет — надо поторапливаться. Мудро взятая с собой по совету начальника двуручная пила творит чудеса, моментально распиливая даже толстые брёвна. Никакие ножовки не идут в сравнение! Достая оргстекло и, используя его как растопку, развожу костёр. Ребята, тем временем, ставят палатку, располагаются. Недолго совещаясь, на ужин готовим суп и макароны с тушёнкой. Пока Лёня налаживает нехитрый быт, а Аня готовит ужин, я быстро ставлю свою палатку. Вскоре в результате совместных усилий у нас уже есть ужин, который немедленно и жадно поглощается. Устали. Вымотал нас не переход, а стапель. Борт байдарки, который никак не хотел натягиваться, да долгая погрузка. Плюс, конечно, сказывается ночь в поезде и дорога в целом. Но рядом течёт река, а значит всё хорошо, значит ты — там, где хотел оказаться. Ты — на реке.

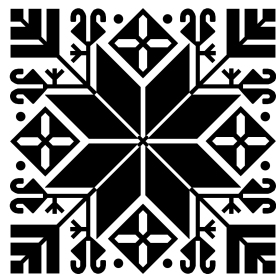
Первая стоянка — всегда особенная. Это переход от городской жизни к походной. Да-да, именно на первой стоянке. Не на заброске, не на стапеле, не на первом переходе, а именно на первой стоянке. Первая стоянка, как своеобразный итог, результат заброски на маршрут, подводит черту под твоими переживаниями, тревогами и способна окончательно очистить тебя перед Священнодейством Сплава, способна смести в сторону надуманные барьеры, ненужные запреты повседневной городской жизни. Одним словом, после первой стоянки — ты окончательно в *сплаве*, в другой жизни, в другой вселенной, в другом состоянии души. Ты — на реке. И река наша, Лидь, после мелкого участка в Заборье, радуется полноводностью.

У костра развожу 96-й в подкотельнике десантного котелка. Набиваю самодельную трубочку из корня винограда ирландским табачком, дымлю не торопясь. Красота! Лёня разливает... отдых начался! Закатное солнце необычайно красиво освещает верхушки сосен на нашем и противоположном берегу. Редкие машины проезжают по мосту неподалёку, нарушая идеальную, просто звенящую в ушах тишину. Птицы изредка подают голоса. Потрескивают сырые дрова в огне. Ветра нет, дым нашего костра поднимается почти вертикально — хороший знак — завтра должна быть хорошая погода. Сверху резко спускается звёздная августовская ночь. Мы лежим у костра на ковриках и медитируем в оглушительной тишине тихвинских лесов... фантастика! И вроде просто-то как всё — взял сел на поезд и приехал сюда! Ещё куча всяких разнообразных мыслей лезет во взбудораженное сознание. Как здорово жить на Земле, нашей прекрасной планете, как хорошо, что есть такие удивительно красивые своей нетронутостью места, куда можно сбежать из города и никто тут тебе не указ!

Спать уходим около полуночи, покидав вещи в палатки, а снаряжение в тамбур палатки моих матросов. Повысил у костра Лёню из Матросов до Штурмана, потому что не расстается с наручными часами, а Аню — до Впередсмотрящего, чтобы приободрить, так сказать, на завтрашний день. Безусловно, я был доволен началом похода. Мы преодолели заброску и стапель вполне успешно, не отстали от планового километража, заночевав, как я и хотел, в районе Гришкино.

Сон подкрадывается незаметно, всё-таки мы устали. Да и 96-й делает своё дело, расслабляя мышцы, внезапно получившие такой натиск от весла. В первый день я мало фотографировал и не вёл записей, хотя и хотел. Впрочем, на второй и третий день я тоже, к своему стыду, позабыл про судовой журнал — было не до того. . .

Глава 6

Катастрофа

Проснулся от того, что замёрз. Холод шёл от земли к спине. Никак не ожидал такого развития событий — мы сплавлялись с женой на Южном Урале в августе и отнюдь не мёрзли, хотя спали почти всегда на каменистых берегах рек, да и на земле тоже. И спальник был тот же, и туристический коврик такой же. Правда, там мы находились южнее градусов на 5 по широте. Неприятно, но что делать. Надо будет что-то придумать, мёрзнуть так не годится.

Встал, размялся, вышел по дороге в поле — жидкий рассветный туман, солнышко только-только встало. Красиво... ради таких моментов стоит жить. Стою в каком-то оцепенении, встречаю рассветное солнце. Сосновые леса кругом, воздух чистейший, в дымке встаёт оранжевое солнце... картина заморозит любого. Я стою и взгляд мой спокоен, в голове наступает странный покой и порядок, мысли упорядочиваются и угасают — ничто

не тревожит, ничто не отвлекает на ненужное, лишнее. Тут вообще ничего нет лишнего — только человек и природа. Так и стою... долго стою, пропитываясь белым рассветным туманом.

Но довольно медитации, пора в лагерь! Натаскал дровишек, развёл огонь и стал готовить кашу на завтрак. Бригаду, естественно, тоже поднял ни свет ни заря — полез за гермомешком с провизией, который лежал у них в палатке. Ничего, потом отоспимся — надо на воду, быстрее! Жажда приключений! Нас ждёт красавица Лидь!

Паковались опять очень долго. Выясняются неприятные подробности, что мой экипаж тащит с собой бытовой фильтр-кувшин для воды и абсолютно всю воду, которую мы употребляем, желает пропускать ещё и через фильтр, прежде чем кипятить. Более того, зубы, оказывается, моя бригада тоже чистит исключительно фильтрованной водой. Меня пробирает на крепкие выражения. Такого ... я вообще не слышал. Чтобы чистейшую воду, не прошедшую ещё ни одного крупного города или завода, воду, в которой плещется вечерами рыба и лютуют выдры — показатель чистоты реки — и ещё её пропускать через фильтр?! Это долго и, более того, не нужно — кипячения более чем достаточно. Готовка еды и чая из-за этого фильтрования сильно затягивается, что нервирует меня нешуточно. Коричневатый оттенок воды — это от торфа и песка, ничего страшного! Как не хватает в такие моменты нашего 4-го человека, который не смог с нами пойти. Он-то уж точно не позволил бы такой ереси сбыться.

Потом показываются из рюкзака резиновые сапоги нашей Ани... для кого брались лёгкие и компактные бахилы химзащиты, выполняющие роль сапог? Зачем тащить эту резиновую тяжесть, занимающую к тому же много

места? Таких непоняток встретится мне немало. Это — плата за несхоженность и неопытность экипажа. Я оказался на реке во главе людей, которых видел фактически 4-й раз к моменту стапеля. И хотя я целый вечер тогда ещё в Москве у себя на кухне распинаясь им про все тонкости и особенности водного похода, сплава, а потом ещё и написал инструкцию что брать с собой, всё равно вышло так, как вышло. Возможно, если бы у них был опыт турпоходов, было бы легче, но увы. Люди оказались морально не готовы к таким, казалось бы, очень простым вещам, как вода из реки. А ещё и вещей понабрали — мама дорогая! Надо было заранее встретиться перед сплавом и повыкидывать ненужного... вспоминаю при этом свой первый сплав сразу же. Не скажу, что я тащил много ненужных вещей, но они точно были. Не припомню досконально что именно, но должен признать, что тащил сандалии, хотя обошёлся в итоге и без них, тащил зачем-то второй свитер, несколько футболок... наверняка ещё что-то. Естественно, во второй сплав я брал минимум вещей, умудрённый прошлым опытом. Но в моём первом сплаве было одно большое НО. Тогда я мог брать с собой хоть бензопилу и слона на верёвочке — катамаран обладает безумной грузоподъемностью — там вещи лежат на настиле между баллонами и никому не мешают. Иное дело байдарка. Разве самому приятно сидеть всему обложенному тюками, притом что в «Таймени» вообще-то прилично места?

Ладно, как бы там ни было, на воду мы встали почти вовремя и бойко полопатели вёслами дальше. Я старался не показывать излишнего раздражения из-за кошмарного количества вещей и фильтрования воды — авось проблема рассосётся — в конце концов, еды, а значит и объёма груза, будет становиться с каждым днём всё меньше и меньше; с фильтром решил так — в свой наряд на камбуз я фильтром

пользоваться не буду. На этом решил проблему закрыть, чтобы не портить ни себе, ни бригаде впечатлений от отдыха.

Экипаж же мой был в приподнятом настроении после Адмиральской Каши, и мы неслись навстречу приключениям, которые не заставили себя долго ждать. Но не этого ли мы так жаждали, не к этому ли так стремились? Нам то и дело встречались завалы, но благо река за конец весны и лето уже расчистила себя путь, и обносить нам не пришлось. Лишь временами острые ветки и сучки на брёвнах, торчащих из воды, доставляли нам неудобства, да и то чисто психологические. Мне нравился характер реки и то, что мы один на один со стихией. Одни в беспросветной глуши на стыке двух областей, двух миров — обыденного и параллельного, где ты свободен от всего...

Так, скользя по водной глади и увиливая от валунов, мы миновали ЛЭП* близ Забелья. Затем впереди показалось раздвоение русла, и мы пошли в правой протоке — там мне показалось глубже. Через несколько сот метров сужение русла и... зашумел водопадик! Времени отвлекаться на навигатор не было, да и у меня не осталось сомнений — я вспомнил карту — это остатки плотины бывшей местной ГЭС! Страх и ужас, обуявшие меня поначалу, быстро сменились задором и азартом пройти это препятствие. Причаливать для осмотра не стали — я выровнял курс байдарки и направил её аккурат на середину слива. Будь что будет, решил я, штурмуем сходу! Секунда и... мы преодолели этот перепад! У-у-ух! Быстро заложили крутой поворот влево и затем вправо, следуя изгибу реки и стараясь держаться середины русла. Прошли мимо неплохой стоянки на правом берегу. Но становиться на ночлег нам ещё очень рано —

*Линия электропередачи

в планах моих добраться сегодня до Тургоши и даже немного пройти ниже.

В этот день прошли устья мелких речушек — Белой и Межницы — все на правом берегу. Перекатики небольшие встречались нам по пути постоянно и днищем мы цепляли очень часто... река начала стремительно ускоряться и приближаться к железнодорожной ветке Подборовье — Кабожа.

А потом внезапно начался АД — череда шивер и перекатов с белой бурлящей пеной и огромными валунами в русле. Как говорится, вот это поворот! Как хорошо, что шкура пролеена — вся надежда на прочные леи¹, идущие вдоль стрингеров² и под кильсоном. Хоть бы всё обошлось! Я ни разу не проходил серьёзных перекатов и шивер в своём сплавно́м опыте. Единственное правило, которое я знал, да которое и так понятно — надо идти по тёмной воде, поскольку там глубже. В первом нашем сплаве с женой была пара перекатов, но они легко проходились даже на катамаране. Во втором сплаве я вообще таких приключений не припомню, а на Киржаче, где мы провели сплав выходного дня, там и вовсе только обнос плотины, да один лёгкий слив. Всё. Тут же начался просто кошмар.

Временами мы налетали на камни, потому что Капитану с кормы трёшки достаточно плохо видно, что творится впереди. Плюс в первые дни сплава я ещё не догадался подкладывать гермомешок с вещами под себя на манер сиденья и сидел низко, на самом дне байдарки. Соответственно, спины экипажа сильнее закрывали мне

¹Лея — продольное усиление наружной стороны днища, выполненное в виде полосы, идущей вдоль стрингеров.

²Стрингер — продольный элемент набора корпуса судна, идущий по всей его длине [Исанин(1986)].

обзор. Один раз на перекате байдарку поставило поперёк реки и прижало к валуну, а вода уже вот-вот была готова перелиться через край фальшборта* и тогда случилось бы страшное... быстро перенесся вес на другой борт и резко скомандовав то же самое сделать и экипажу, спасли положение, убрав губительный крен. Вылезли из байдарки, удерживая её от крена, провели на чалке, миновав опасное место, и пошли дальше. Зачерпнули с Лёней на перекате в химзащиту воды, когда оттаскивали байдарку от валуна. Пришлось снимать химзу, выливать, снова надевать... и вода на перекате не слишком тёплая, а прямо скажем холодная.

На этом же перекате я травмировал колено — его зажал набегающим водным потоком между байдаркой и валуном, когда я на секунду замешкался, вылезая. Тогда я, конечно, не придавал особо этому значения, поскольку был, что называется, на адреналине, но позже эта травма доставляла мне множество неудобств.

Когда садишься в этих бахилах ОЗК в байдарку, как ни отряхивай, вода с них всё равно нальётся. Я полагал, что собранная на дне байдарки вода — с бахил, но позже, анализируя этот день и эпизод на этом перекате, я пришел к выводу, что уже тут мы получили парочку фильтрующих пробоин. Через такую пробоину вода не хлещет фонтаном, а потихонечку сочится. В принципе не страшно, главное периодически отчерпывать её кружечкой.

О кружечке отдельная история. По совету начальника я прикупил простую белую эмалированную железную кружку. Любовно оплёл её ручку паракордом — получилась красота. В сплаве эта кружка — то, из чего пить и чай,

*Фальшборт (нем. Falschbord) — пояс, расположенный выше верх. палубы судна, выполнен как продолжение борта.

и что покрепче, и чем отчёрпывать воду со дна байдарки. Так вот, кружка для отчерпывания предусмотрительно была положена в карман штормовки и я всегда был готов ей воспользоваться.

Бодро идём вперёд и... правильно! Снова череда перекатов. Снова какой-то ад. Я уже понимаю, что воды в этом году мало и к августу Лидь совершенно неприлично обмелела местами. Неудачно входим в створ переката, если так можно выразиться, и нас начинает мотать из стороны в сторону. Налетаем на камень, байдарка кренится... камни трутся о шкуру, слышен металлический «Чпок!». У меня сердце уходит в пятки от этого самого «Чпока». «Надо было обноситься по берегу!», — промелькивает в голове. Думаю, погнулись кости где-то... как выяснится позже — лопнул второй шпангоут! С кормы мне казалось, что там глубже, а коварные камни почти сразу под водной гладью. Наверняка поэтому некоторые авторы туристической литературы советуют Капитану сидеть в байдарке спереди и «читать» воду... правда при этом Рулевой на корме тоже должен быть опытным, что, понятно, не наш вариант.

Ещё налетаем на валун — совершенно озверевший поток носит нас по острым камням, слышен противный шелест по днищу и тут я замечаю, что воды под ногами прибавляется. Я уже на взводе — чертовски неумело проходим перекаты. Сплошной шкуродёр! Управляется трёшка из ряда вон плохо, о чем я читал, но не верил до конца — ведь «Таймень»-двушка выправляется на раз-два! С трёшкой всё оказалось иначе. Мы с Лёней дико лосячим веслами, пытаюсь исправить положение, но нет — снова очередной перекат берёт своё, и мы получаем ощутимые толчки в днище, да такие, что сердце замирает. Почему мы не обнеслись по берегу? Вероятно, всё случилось

молниеносно, да и картина на воде при подходе, в силу неопытности, не вызывала опасений.

Опыта прохождения таких препятствий, тем более на байдарке, у меня нет. Об экипаже моём и говорить не приходится — они вообще в первый раз на реке. В голове промелькивают обрывки разговора со школьными товарищами, которые отдали мне кости... что-то там про «отрицаловку», ага! Не сразу соображаем гасить скорость перед перекатами, а то и вообще проходить их с отрицательной скоростью относительно воды — «на отрицаловке», но и это иногда не помогает, если требуется стремительный S-образный манёвр — чрезвычайно трудно быстро развернуть трёшку. Почему, никак не понимаю — на двушке с женой всё было прекрасно. Мы легко выправляли байдарку на S-образное прохождение препятствий вдвоём. Уже сейчас, после сплава, я понимаю, что Лёню, скорее всего, следовало бы посадить в байдарке на нос, а Аню посередине, а не наоборот. И тогда бы основная гребущая сила — два мужика — оказалась бы на носу и корме. Возможно, с таким распределением сил было бы легче выправлять байдарку. Но, как говорится, наш человек задним умом крепок. В результате имели то, что имели. Это и называется накоплением опыта на своих же, правда, ошибках.

Так вот, пройдя очередную шиверу, прилично чиркнув днищем и получив снова несколько толчков под кильсон в районе грузового отсека, я обнаруживаю, что воды под ногами прибавляется уж как-то больно стремительно. Не гребём временно, наблюдаю за водой под ногами... прибывает! ПРОБИЛИСЬ!!! Причём, видимо, очень капитально! Сотрясают воздух крепкие выражения. Достают кружку, начинаю отчёрпываться. Вода начинает поступать с нешуточной скоростью,

отчерпаться не получается! Пробоины не вижу, так бы хоть пальцем заткнул что ли. Судорожно соображаю что делать. Впереди удачно замечаю песчаную косу за островком — немедленно команду бригаде править туда. Сам продолжаю отчерпываться кружечкой, чтобы хотя бы кильсон под ногами показался из воды. Добившись этого, бросаю отчерпываться и тоже активнейшим образом включаюсь в греблю. Хорошо, что заветная кружка была близко в кармане.

Влетаем на скорости носом и левым бортом на песчаную косу, вылезаем. Закатав рукава штормовки, обследую днище байдарки прямо на воде, не разгружаясь, чтобы оценить масштаб бедствия. Одна пробойна, ещё дырочка... вот ещё какая-то шероховатость... ну, думаю, заткнём их чем-нибудь и пойдём дальше, а в голове крутится мысль — откуда тогда столько воды? Веду рукой дальше по днищу и тут... аккуратно три пальца входят в пробойну! Шок! Это просто КАТАСТРОФА, подумалось мне, правда, в более крепких выражениях. Принимаю решение разгрузаться...

Через минут 10, когда все вещи выгружены на песочек, переворачиваем с Лёней байдарку и... я замираю в ужасе. Леи целы, но продраны капитально! Если бы их не было — уже бы потопли к чертям. Далее сходу насчитываю минимум 6–7 дырок! Детальный осмотр выявляет 10 пробоин... ДЕСЯТЬ! Настроение подавленное. Надо клеиться. Аня, похоже, ещё не до конца поняла трагизм момента и счастливо фотографируется на фоне окружающей природы...

Мы в абсолютнейшей глуши — одна из глухих частей маршрута. Стоим на песчаной косе маленького островка, рядом лежит пробитая байдарка и куча наших вещей. Мысли роем носятся в моей голове, пытаюсь сложить

картину — как же так получилось?! Могли или не могли мы обнести? Нет, не могли — берега слишком заросшие. Могли лишь погасить скорость, но отчего-то промедлили. И теперь мы имеем что имеем. Но разве не этого я хотел? Хотел полнейшего отчуждения от цивилизации? На, получай! Хотел один на один со стихией? Получи, распишись! Ах-ха-ха! Но я не унываю. Наоборот, очнувшись и воспрянув духом, начинаю командовать — надо ремонтироваться.

Даю разнарядку Лёне добыть дров, чтобы развести костёр, а сам тем временем мою днище от песочка — пусть пока просушится — и иду доставать заплатки с клеем. Хорошо, что мужик, у которого я брал шкуру байдарки, презентовал запасной пузырёк клея!

Вспоминаю, что изначально я вообще отчего-то не хотел брать с собой клей, и у меня по спине проходит ледяной холодок... даже не представляю, как бы мы выбирались из этой глуши, не окажись у нас нормального ремкомплекта. Я был в полнейшей уверенности, что пробоин эта река нам не сулит. Кроме того, за три своих предыдущих сплава я ни разу не пробивался, что и сыграло злую шутку — я был уверен, что и на этот раз всё будет хорошо.

Лёня, тем временем, приносит дров, для чего ему приходится вброд пересекать протоку между нашим островком и, собственно, берегом реки. Разводим кое-как на песчаной косе костерок, греем воду в пехотном котелке. Нам нужен кипяток, чтобы прогреть место заплатки. Технология ремонта ПВХ шкуры проста — наносится клей на шкуру, прикладывается заплатка, отводится заплатка, выжидается пара минут, далее заплатка снова прикладывается, плотно прижимается и сверху ставится та самая знаменитая железная кружечка, в которую налит

кипятков. Этой кружечкой, как утюжком, проглаживается место заплатки для ускорения полимеризации клея.

Большинство пробоин небольшие, заклеиваем их достаточно быстро. Долго ждать кипятка — сильный ветер задувает маленький костерок, плюс сначала зачем-то греем полный котелок воды, и лишь потом сообразим греть на доннышке — на 1–2 кружечки — так быстрее закипает. . .

Опасения вызывают две большие пробоины — как раз те, в которые входят по 3 пальца. Виноват я в них, конечно, более всех. Пробоины эти от мест, где к шкуре прилежали колёса тележки для транспортировки упакованной байдарки — я положил эту тележку на самое дно грузового отсека, не учтя того, что сверху лежит гораздо больше вещей, чем когда мы с женой ходили по Киржачу. Тогда я тоже положил тележку в грузовой отсек. Ладно, теперь учтём! Тележку привязываю резиновыми жгутами на корму байдарки прямо сверху.

Заклеили все прорехи, выждали время. Аня вовремя подсутилась с бутербродами — перекусили, передохнули, успокоились. У Ани был термос с заваренным шиповником, и он пришёлся как нельзя кстати. Потом спустили байдарку на воду для проверки. Оказалось, что одна заплатка — как раз от колеса тележки — фильтрует! Решаю на эти две большие пробоины поставить заплатки ещё и изнутри шкуры, а также промазать края заплаток клеем. Сказано — сделано, и ещё через полчаса всё готово. Проверка на воде — фильтрации нет, можно идти. В общей сложности потеряли на заклейку 4 часа. Да-а-а, выбиваемся из графика!

В этот день больше серьёзных перекатов не встретилось, дошли до разрушенного деревянного моста близ заброшенного ж/д остановочного пункта Тургошь.

Место на правом берегу мне сразу приглянулось, и мы встали на ночёвку, тем более что времени уже было к восьми вечера. Координаты стоянки — $N 59.32765^{\circ} E 35.17302^{\circ}$. Позже, в Москве, по треку навигатора я точно посмотрел, что, несмотря на ремонтную остановку в 4 часа, мы прошли за этот ходовой день 24 километра. Очень солидно! Но я планировал больше, и теперь все мои прикидки по километражу и прохождению маршрута сбились.

Место на правом берегу, выбранное нами под лагерь, было несколько обжитым и замусоренным. Разбили лагерь. Разведением костра занялся я, Лёня — палаткой, а Аня ужином — будут опять макароны с тушёнкой — нет сил соображать что-то поинтереснее. Тем временем подчистили стоянку, сожгли мусор в костре. Быстро стемнело. Я развёл 96-й, и мы сели вкушать приготовленные яства уже в глубоких сумерках.

Около Тургоши располагается пионерлагерь, и музыка оттуда не стихала до 11 вечера, дискотека. Заманчиво было бы сходить, но далековато, да и устали сильно. Сидим у костра, я прокручиваю в голове пережитое. Вот это выдался денёк! 10 пробоин — не шутки! Для меня-то это вновь, а ребята вообще первый раз на реке — вот, думаю, выпало им на первый сплав испытаний. Но мы всё преодолели, сохранили боевой настрой и даже почти наверстали километраж благодаря сильному течению. Горько за пробитую шкуру, конечно. Пусть это будет нашей жертвой богам леса и реки.

Август — пора метеоров. Жадно вглядываемся в безоблачное ночное небо, силясь увидеть хоть один. Красота природы безгранична, думается мне. А человек — не царь её, но составная часть. Ещё точнее, он — варвар,

несущий разрушения во имя выживания, а больше вопреки, особенно в последнее время.

Так, лёжа на коврике у костра под звёздным небом, размышляя о далёких галактиках и попыхивая трубочкой, мне становится необычайно хорошо от осознания происходящего с нами. Я радуюсь тому, что прошли плотину сегодня, что не потопили байдарку на перекате, что не утонули, получив пробоину; просто упиваюсь восторгом от нашего похода — наслаждаюсь природой, потрескиванием дров, ароматом костерка... и ещё более жду неизвестности, которая поджидает нас на маршруте.

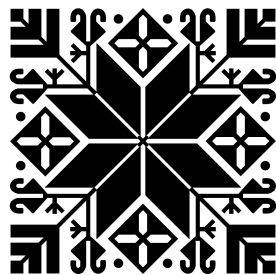
Увидели-таки с Лёней один метеор в полночном небе. Или это следствие 96-го? Всё может быть. Вокруг нас стоит тихая звёздная ночь, чуть слышно плещется Лидь у разрушенного моста, а мы сидим у костра, задрав головы к бриллиантовому небу. Красота! Звёзды яркие-яркие. Где-то там, далеко над нами, скорее всего, есть иные цивилизации — не может ведь быть так, что мы одиноки во Вселенной... они даже могут слать нам какие-то свои сигналы или позывные, но... Земля ещё не готова к этому.

Мы не живём в гармонии — ни с природой, ни друг с другом в планетарных масштабах... и всё в нашем посткапиталистическом мире подчинено одному — деньгам. Какие уж тут иные цивилизации и всё вот это вот — в своей бы разобраться для начала. Чтобы не хотелось от неё убегать в неведомые дали в слепом желании забыться... Так называемая Эра Разобщённого Мира [Ефремов(2000)], чтоб её. Будет ли у нас Эра Великого Кольца когда-нибудь?

Усугубив, спать завалились глубоко за полночь,

и я моментально провалился в глубокий и крепкий молодецкий сон, опять напрочь забыв про судовой журнал.

Глава 7

Фонтан

Ночь была достаточно холодной. Проснулся, потому что снова замёрз. Что за холодные ночи? Только же начало августа! Идёт дождь... вылезать из палатки неохота, да и рано ещё, пять утра. Накрылся с головой штормовкой и завалился спать дальше в надежде, что дождь вскоре закончится. Так и вышло.

Вылез из палатки, вытащил продукты, начал готовить завтрак. Сделал замечательное блюдо — сухое молоко, сгущёнка, орехи, изюм... а, ну и конечно овсянка, чуть не забыл. Каша вышла — супер. Ложка стоит! Бригада моя начинает бесноваться по поводу ранней побудки. Ну ничего, скоро днёвка — отоспимся вволю, ребята!

Погода резко улучшилась. От туч и утреннего свинцового неба не осталось и следа — припекает яркое солнышко. Разложили бахилы химзащиты просушиться на горячий песочек, а то холодными и мокрыми их нацеплять совсем нехорошо. Настроение снова боевое — погода радует,

заплатки на байдарке я проверил — заклеились отлично, не подтекают. Вперёд — Лидь ждёт!

Достал свои карты и прикидки по километражу. На карте, когда «поднимал» её, через каждый километр русла реки я заранее проставил точки — так можно быстро с хорошей точностью прикинуть расстояние без линейки, курвиметра и тому подобных ухищрений. Получалось, что сегодня мы должны были пройти остаток Лиди и встать на стоянку между устьем нашей коварной красавицы и посёлком Чагода.

Только с утра оценил масштаб препятствия, неподалеку от которого вчера заночевали — разрушенный мост близ Тургоши. Завал капитальный, нужна разведка. В этот день встали на воду в 10:38. Нормально, учитывая опять кошмарное количество вещей к погрузке.

Борясь с течением, аккуратно переправились к противоположному берегу для разведки завала. Причалили к низкому, заросшему густым кустарником левому песчаному берегу — надо осмотреться, поскольку штурмовать сходу я не решился, помня вчерашние приключения. После разведки начали преодолевать остатки деревянного моста. Держась за брёвна, я в бахилах аккуратно прошёл пешком и встал в середине завала на отмели. Лёня, стоя на песчаном бережку, стал аккуратно сплавлять нашу ласточку на чалке, ориентируясь на меня, а Аня подруливала веслом, сидя в байдарке. Неплохая вышла командная координация.

Пройдя брёвна, мы снова залезли в байдарку и пошли дальше. Надо пройти остаток Лиди и впасть в Чагоду. Лопатить нам будь здоров — по плану я наметил примерно километров 35. Начали очень бодро — горланим на всю мощь

молодецких глоток песни, громко переговариваемся, о чём-то шутим, смеёмся.

Напрасно я надеялся, что после того кошмара на перекатах, что был до этого, подобное больше не повторится. Снова влетаем на шкуродёр, чтоб его! Мысленно опять перебираю все отчеты, что видел по Лиди — ну ни одного упоминания перекаатов и шивер ниже Заборья... воды в этом году очень мало. Как бы там ни было, сначала получаем фильтрующие пробоины и идём дальше, терпимо. Воды под ногами не много. Одну-две дырочки заработали где-то, думается мне.

Но вот, на очередной шивере, мы крупно зацепляем днищем и у моих ног, в районе перекладины кильсона, начинает бить самый настоящий... фонтан. Паника у экипажа! А перекат казался вполне безобидным! Затыкаю пробоину пальцем, бригада моя гребёт к берегу... вылезает.

Оцениваю, вода рукой по днищу, характер пробоины. Подлю пробились. Нельзя в байдарке вставать на перекладины кильсона, на эти «лесенки». Это грубое нарушение. Они, эти лесенки, прогибаются вниз и предательской дугой начинают тереться об шкуру, которая, в свою очередь, прогибается вверх под давлением воды... выгнутая вверх шкура и прогнутая вниз перекладина кильсона начинают соприкасаться, тереться даже друг об друга, что повышает риск заработать в этом месте пробоину. Итог — минимум 4 пробоины под кильсоном... и ещё одна дырочка от аниного сиденья — шкура так сильно прогибается внутрь, что трётся об нижний брусок фанерного байдарочного сиденья.

Место, где пристали к берегу — никакое. Берега высокие, густая трава, сплошные заросли. Прикидываю — выгружать байдарку, опять заклеиваться — это процедура на 3–4 часа минимум. Так мы точно от намеченного графика прохождения маршрута отстанем безвозвратно, а я ещё полон уверенности, что мы обязательно пройдем маршрут до Лентьево... принимаю решение отрезать от своего туристического коврика небольшой кусок и, свернув его в несколько раз, подпихнуть враспор между кильсоном и шкурой, заткнув ту пробоину, из которой бьёт фонтан.

Проделав эту операцию с куском коврика, вычерпав кружечкой воду и убедившись, что фильтрация терпимая, отчаливаем и идём дальше, не заклеиваясь. Отдаю Ане свою кружечку и она периодически, раз в 10–15 минут, отчерпывает натёкшую воду. Что бы я делал без этой кружечки? Ничего, дотянем так до вечера, а завтра устроим днёвку и нормально, не торопясь, заклеимся. Потому что уж в этот день точно будет не до ремонта — задача навестать километраж — мы бодро налегаем на вёсла, выдыхаемся... хочется найти хорошее место для завтрашной днёвки.

Забавно, когда проходишь перекаты и шиверы — почти не гребёшь, замираешь, даже не дышишь, можно сказать. Только если требуется интенсивный маневр, выдаешь инструкции экипажу и начинается гребля... вспоминается кино «Das Boot» про немецких подводников времен Второй Мировой — как те уходили от эсминца и, затаившись, слушали, как тот ставит мины. Погружение на пределе возможностей подлодки — появляется фильтрация через заклёпки корпуса (вот откуда я стащил этот термин). Мины начинают рваться и тут — бах! — заклёпки

вылетают, начинается течь! Схожие ощущения были у меня на перекатах, когда мы пробились...

Из примечательного, кроме пробоин, в этот день — прошли мост через Лидь железнодорожной ветки Чагода — Подборовье. Хотел причалить, поскольку из отчётов знал, что там должна быть табличка с надписью «р.Лидь» — я хотел её сфотографировать. Но берега оказались у моста какими-то никакими — трава высоченная и ни намёка на место, где можно нормально причалить. Не захотелось вылезать, пошли дальше. Примерно в полвторого пересекли границу Ленинградской и Вологодской областей — теперь наш путь лежит по вологодской земле. Берега Лиди становятся крутыми и высокими — красота, да и только! Деревья нависают кронами над водой, чуть не смыкаясь сверху. Засматриваясь на эту красоту, не забываем вовремя отчерпать воду со дна байдарки кружечкой.

После примерно 4 часов вечера замечаем, что характер берегов меняется — крутые откосы пропадают, берега становятся низкими, с обильным кустарником, начинается редколесье. По этим признакам догадываюсь, что скоро устье Лиди. Сверяюсь с навигатором — так и есть. Через полчаса, пройдя, к счастью без повреждений, в устье лёгкий, но протяженный перекат чуть не с полуметровыми валами, оказываемся в реке Чагоде.

Так заканчивается участок маршрута по Лиди, который принёс нам немало адреналина, пробоин и заплаток, а также незабываемую атмосферу камерности реки, ширина которой редко была больше 10–15 метров. Жаль, конечно, пробитую шкуру, горько за погнутые стрингеры. Но что делать — такова плата за экстрим, полученный нами сполна на этой небольшой речушке!

Далее наш путь лежит по реке Чагода. Сразу около устья Лиди на левом берегу стоит база отдыха и имеется небольшой хороший пляжик. Причаливаем отдохнуть. У меня затекли ноги — немного неудобно сидеть. . . на днёвке придумаю как усаживаться покомфортнее. С базы выходит смотритель, мы болтаем минут 15. Снова пора в путь!

Преодолеваем протяжённый перекат — трясёт вполне ощутимо. Следующая точка по GPS — остров на Чагоде, где, судя по отчетам, можно остановиться. Проходим тот остров около 17 часов, а он никакой. То ли из-за того, что воды мало, то ли просто мы слишком требовательные, но высокие заросшие берега с неудобным спуском к воде нас не прельщают. Вдобавок, на островке растет лишь трава и ивняк. То есть дров нет, а мы хотим устроить днёвку. Поэтому проходим дальше в поисках Лучшего Места.

Около половины седьмого находим приличный берег — есть выход к воде, полянка освещается вечерним солнцем, красивые янтарные сосны вокруг — то, что надо! Единственно, разведка показывает наличие дороги. Ничего, наверняка тут всего пара машин в сутки, подумалось мне. Смущает то, что ровной площадки под палатки нет. Аня предлагает сначала подкрепиться — мы здорово выдохлись за сегодняшний переход в попытке наверстать километраж. Координаты места — $N\ 59.15709^\circ\ E\ 35.23621^\circ$.

Перекусив и выпив шиповника из термосов, решаем встать чуть подальше в тридцати метрах — там нам всем больше приглянулось. Сказано — сделано и мы начинаем разгружать байдарку. Через час лагерь развёрнут, костёр разведён, Аня суетится с ужином, Лёня добывает дрова и бересту с берёз на растопку.

Неподалеку ребята находят остатки домика — то ли избушки охотника, то ли сарая, то ли бани. Там Лёня обнаруживает стиральную доску деревянную, кучу старых досок, какой-то ворот и наличники с вырезанными сердечками.

Много гребли в этот день. Достаю карту, прикидываю — прошли около 32 километров. Очень неплохой результат. Судя по карте, мы вплотную подобрались к посёлку Чагода. Так что, возможно, даже хорошо, что раскладка по километражу немного сдвинулась — на следующем переходе будет дозаправка провизией. С Аней днём примерно прикинули чего надо докупить, поскольку в Череповце при заброске изначально решили брать провизию с тем расчетом, что сможем дозаправиться в Чагоде.

От брызг с вёсел у всех штаны мокрые насквозь. Забиваю около костра третий кол, навязываю между ним и двумя костровыми колами верёвку — будем сушить одежду. Бригада уже готовит ужин, а я замечаю неподалеку от палаток поляну лисичек. Вечером сделаем жарёху из лука, картошки и лисичек. Но уже, видимо, не сегодня — устали как не знаю кто...

Чтобы возобновить силы, иду мыться к реке и купаться нагишом, пока поспевает ужин. Расчищаю себе путь по дну от камней, вхожу в воду — течение приличное — красота! Потом стираю вещи, развешиваю их сушиться у костра, немного прихожу в себя после такого большого перехода — шутка ли, 32 километра! Ещё учесть то, что пробились в очередной раз, да частенько останавливались — результат не то что хороший, а просто отличный, но сил не осталось вообще. Так что днёвка будет как нельзя кстати — отдохнём,

выспимся, заклеим шкуру и надувные сиденья — их тоже как-то прохудили, к сожалению, не представляю как, правда.

Остаток дня провели в приготовлении ужина и сладком предвкушении завтрашней днёвки, которая будет как нельзя кстати — нашей байдарке нужен ремонт, а нам — восстановить силы.

Под берегом где-то в траве непрерывно кто-то плещется и шелестит — наверно выдра. Потому что рыба плещется по-другому. Засыпать из-за этого было немного некомфортно — постоянные всплески, невольно заставляющие насторожиться. Вдобавок, на этой стоянке много муравьев и они по праву считают себя тут хозяевами — лютуют страшно — кусаются и заползают куда только можно. Хорошо, что вечером они достаточно рано идут спать!

Глава 8

Первая днёвка

Проснулся снова рано — только-только был восход. Весь в холоднящем поту от безумного кошмара. Мне очень редко снятся сны, а когда снятся, то редко что-то хорошее. Вылез тихонечко из палатки, пошел пройтись. Забил трубку, задымил... надо прогуляться, отойти от такого реалистичного сна.

Решаю идти вдоль дороги, у которой мы встали. Через каких-то пару сотен метров выхожу из лесочка и вижу... работу Закона Лучшей Стоянки [Квадригин(1985)], который гласит: «Лучшая Стоянка — в двухстах метрах ниже по реке». Полянка — ровная, муравьёв нет, словом — красота! И спуск к воде более приличный. Короче — вчера уже были настолько уставшими, что пройти сюда эти 200 метров было просто нереально. Ладно, у нас и там в лесочке хорошо, перемещать лагерь я не хочу. Правда сейчас проснутся или уже проснулись муравьи...

Гуляю долго. Постепенно ночной кошмар уходит, и я возвращаюсь в лагерь. Потихоньку начинаю заниматься завтраком. Вытаскиваю вещи, начинаю разводить костер, дров нет... уже около 9 утра, поэтому бужу ребят, что не просто, и отсылаю за дровами. Лёня снова разграбляет старый домик лесника, как я его назвал, и мы топимся старыми досками.

Сегодня днёвка — плыть никуда не будем. Отдохнём, помоемся, просушимся, байдарку отремонтируем как следует. После завтрака Лёня, взяв удочку, удаляется на берег реки ловить рыбу на кукурузу. Пожелав ему удачи, начинаю подготавливаться к заклейке пробоин. Муравьи этому активно мешают — оказалось, что байдарку мы поставили на ночь прямо на муравьиную тропу! Ассистировать при операции будет Аня — кипятить воду и наливать её в Капитанскую Кружечку. Вскоре заплатки вырезаны, клей нанесён, Аня приносит в пехотном котелке кипяток. Я заклеиваю прорехи, проглаживая заплатки кружечкой. Муравьи больно кусаются и в своей слепой любознательности умудряются залезть даже в пузырьёк с клеем!

Пробоин немного — 5 штук, но прямо под перекладинами кильсона. Решаю, чтобы избежать такого в дальнейшем, проложить между шкурой и кильсоном, а также под место крепления штевня* к кильсону куски туристического коврика. С этой целью отрезаю от него ещё полосу 10–12 сантиметров шириной и то же проделываю с одним из ковриков бригады. 10 сантиметров коврика погоды для сна не сделают всё равно, зато теперь за днище мне гораздо спокойнее.

*Штевни — части корпуса, которыми заканчивается набор судна в носу и корме.

Всё — заплатки поставлены, коврик подложен, время выждено пару часов — можно проверять байдарку. Отрываю Лёню от безрезультативного сидения с удочкой, и мы вдвоём на пустой байдарке проплываем немного, чтобы убедиться в отсутствии фильтрации через заплатки. На пустой байдарке вдвоём идти просто сказка — рассекаем по течению и против него с удивительной лёгкостью. Всё нормально — заклеились хорошо, заплатки не подтекают.

Причаливаем, вытаскиваем байдарку сушиться. Обнаруживаю сломанный второй шпангоут и вылетевшую из него шпильку... благо шкура держит и конструкция относительно устойчива. Что делать? Не разбирать же каркас для ремонта — очень не хочется возиться со стреляющими стрингерами* — их непременно уже подклинило от плавания. В итоге обильно заматываю разрыв шпангоута любимым ремонтным материалом всех времён и народов — синей изолентой. Должно держать, место не столь критичное. Плюс магия синей изоленты должна работать, куда ж без неё?

Теперь очередь на заклейку за надувными сиденьями — вытаскиваю из них надувную часть, локализирую многочисленные пробоины и тоже клеюсь. Как мы умудрились их проколоть? На эту заклейку уходит ещё часа два.

Потом заготавливаем дровишки на вечер, гоняем чай с печеньками и сгущёнкой. Ребята кайфуют, отдыхают, а я заканчиваю ремонтные работы и иду купаться — красота! Правда, камни острые при входе в реку — стараюсь их откидывать. Вообще камней прилично на этой стоянке —

*Стреляющий стрингер — стрингер с подпружиненной частью (в байдарках «Таймень»).

можно попытаться сделать и баню. Но уже перевалило за 15–16 часов, раньше начинать надо было — ведь для бани надо печь сложить и протопить, а значит дров прилично напилить. Кроме того, надо мастерить каркас и чем-то его накрыть. Ну, положим, мы для этого приспособим внешние тенты наших палаток. Хватит ли их? Не думаю. Ладно, может ещё будут стоянки с камнями, решаю я, и баню откладываем до лучших времён, ведь изначально, при подготовке к этому походу, я её не планировал.

Под берегом однозначно живёт выдра, которая достаточно часто что-то там по своим делам делает и плещется. На ночь надо всё съестное надо убирать подальше на всякий случай. Наступает вечер, начинаем готовить ужин. Вспоминаю про ту полянку с лисичками — делаем жарёху! Прямо на фанерном сиденье от байдарки режу картошку, лук, лисички. Лёня продолжает разграблять сломанный домик лесника — приносит на этот раз часть дверного косяка. Кладём её параллельно костру, получается что-то вроде плиты. Жарёху помещаю в крышки армейских котелков на манер сковородок и ставлю на огонь. Регулировать жар очень неудобно — приходится то отодвигать импровизированные сковородки, то вновь приближать к огню. Но, тем не менее, получается довольно сносно. Однако впредь, решаю я, надо обзавестись нормальной маленькой чугунной сковородкой на такой случай.

Спустя минут 20 моих попыток не спалить ужин мы получаем наивкуснейшую, правда всё-таки немного подгорелую, картошку с лисичками и жареным луком. Просто сказка какая-то! Полдня уже играет моя походная музыкальная приставка, сидим у костра сытые и довольные. Янтарное закатное солнце играет на верхушках сосен.

К вечеру ветер совсем стихает и ничто не нарушает идиллию нашей днёвки.

За готовкой, ужином и разговорами у костра не замечаем, как наступает тёмная августовская ночь. Подводя итоги дня у костра, стреляю вверх зелёной ракетой. Она взлетает ввысь, озаряя окрестности своим свечением, а затем, догорая, падает в реку — слышен тихий «бульк». Звук выстрела разносится эхом по лесу и растворяется в этих глухих, почти не тронутых человеком, сосновых борах Вологодского края. . .

Традиционно поздно расползаемся по палаткам. На этот раз я догадываюсь обильно подложить подо всю поверхность дна палатки сосновый и еловый лапник — получается очень мягкая пружинящая «подушка». Так, я надеюсь, будет теплее спать.

Глава 9

Чагода

Фокус с сосновым и еловым лапником под палаткой удался — я не замёрз, хоть ночь и утро были холодными. С уверенностью могу сказать — можно брать этот способ на вооружение. Утро прошло уже привычно — приготовили овсянку с сухофруктами, позавтракали. Действия моей бригады становятся более слаженными — нам удаётся достаточно быстро свернуть лагерь. Лапник, лежавший под палаткой, решил оставить как есть — кто-то после нас, возможно, использует его как растопку костра. Спустили байдарку на воду и уже привычным способом равномерно разместили вещи по отсекам.

В этот день должны были попасть на реку Чагодощу и дозаправиться продуктами в посёлке Чагода, который стоит у слияния двух рек — Чагоды и Песи в Чагодощу. На воду встали нормально — не поздно. Вскоре, после очередного поворота реки и парочки островков в русле, впереди показали огромные быки бывшего моста старой

дороги Чагода — Сазоново. После них мы прошли мимо ещё парочки островков, отмечая себе, что они никак не соответствуют некоторым описаниям в туристических отчетах, что, мол, на них вполне себе можно остановиться на ночлег — это не так. Острова все заросшие ивняком и травой и подходят разве что только для очень экстренной стоянки. Впрочем, всё зависит от уровня воды. В этот маловодный в здешних краях год всё выглядело так, как нам показалось, что не исключает иной картины при другом уровне воды.

Уже к полудню прошли железнодорожный мост — ориентир, после которого ещё метров 100 и Чагодоща. Места красоты неописуемой! Опасался, что ближе к устью река сильно обмелеет. Так и вышло. Дно песчаное, шли нормально, сели на мель всего 1–2 раза, да и то быстро выходили на глубину, отталкиваясь веслами ото дна. Река резко стала шире, видны редкие домики на обоих берегах. Несколько раз проплывали под ЛЭП.

Из отчётов по маршруту я знал, что где-то в Чагоде на левом берегу есть старый семафор и его видно с реки. Нашли это место, причалили — не сфотографировать семафор я просто не имел права — когда и где ещё такое увидишь? Координаты — $N 59.15379^{\circ} E 35.30460^{\circ}$. Семафор, правда, был уже без признаков жизни. Рядом два железнодорожных пути — один видно, что заброшен — ржавые рельсы, деревянные шпалы, запах дёгтя. А второй путь очень даже действующий. До железнодорожной станции Чагода не пошли — там около километра по путям... а зря! Могли бы узнать расписание местных поездов, «кукушек» как их называют, если они вообще ещё остались.

Потом проплыли местный пляжик на правом берегу и спросили у отдыхающих как лучше пройти к магазинам. Нам дали ориентир — автомобильный мост через реку. Его ни с чем не перепутаешь. К магазинам — на левый берег у моста, сказали местные. Это совпадало с прочитанным ранее в отчетах, и мы стали искать, где бы причалить у левого берега.

Мимо нас прошла моторная лодка с рыбаком. Мужик мудро погасил скорость заранее, убрав губительную для нас волну — я уже думал разворачивать байдарку поперёк реки, носом на волны, чтобы нас не кильнуло ненароком боковой качкой. Но всё обошлось.

Вскоре увидели обещанный автомобильный мост и перед ним что-то вроде небольшого деревянного причала или мостка у левого берега. Координаты — $N\ 59.15912^{\circ}\ E\ 35.32931^{\circ}$. Причалили, вытащили коврики и раскладной стульчик. Стали собираться в город. Накинул штормовку — надо выглядеть прилично! Лёню оставили сторожить байдарку, а мы с Аней, взяв сумки, пошли пробираться к магазинам — поднялись по крутому подъёму к чьему-то забору и пошли вдоль него по тропинке.

Выбравшись из частной застройки на дорогу и перейдя её, вышли к промзоне местного стекольного завода. Куда дальше — не ясно. Вернулись слегка назад, к двухэтажному дому по адресу Высоцкого 71. Я подумал сначала, что это в честь Владимира Семёновича. Однако на стене дома была закреплена табличка, в которой было сказано, что улица названа в честь Высоцкого Кузьмы Демидовича — участника советско-финской войны, Героя Советского Союза. На момент смерти от ранений в госпитале в 1940 году ему было 29 лет...

Спросили дорогу у женщины, работавшей в палисаднике этого дома и, спустя минут 5–10 оказались, неожиданно для себя, в центре посёлка. Жара стоит нешуточная, на небе плывут редкие облачка. В штормовке становится жарковато.

Находим продуктовые, а также, что особенно приятно, пекарню. Пополняем запасы продовольствия, а свежий хлеб берём в пекарне, где, кроме всего прочего, продают вкуснейшую пиццу — её тоже забираем себе сейчас на перекус. Потом, спросив дорогу, идём искать мясной рыночек. Там оказывается закрыто, хоть сегодня и суббота. Аня не отчаивается и отправляется за мясом в другой продуктовый. Я пока жду её на улице. Возвращается с мясом и скумбрией. Свежее мясо — это шикарно, а будет ещё и рыба — разнообразие. А то Лёня никак нас уловом что-то не радует. Аня пока стоит с сумками и кушает мороженое, а я быстренько пробегаюсь по главной улице до площади — хочется посмотреть посёлок.

Из капитальных построек — здание милиции, почты, сбербанка. Несколько магазинов продуктовых и хозяйственных. Гостиница ещё и автостанция. Всё это сосредоточено на главной улице, метров 500 в длину, под названием Кооперативная. Остальное — деревянные, на манер бараков, старые двухэтажные жилые дома. Выхожу на площадь — пусто. Видна новая деревянная церковь слева в отдалении. Слева же в глубине от площади через сквер — здание администрации. В начале Кооперативной улицы — памятник павшим в Великой Отечественной Войне. Не могу пропустить такое — иду туда.

4 уроженца Чагоды были удостоены звания Героя Советского Союза — стоят памятные стелы. Вечный огонь. Снимаю панаму. Суровый памятник и имена павших.

Нахожу двоих однофамильцев... постоял, проникся моментом. Место среди высоких голубых елей навевает какую-то строгость и служит напоминанием о тех страшных днях, о которых всё реже вспоминают... а есть о чём! Это сейчас Савёловская железнодорожная ветка от Москвы на Санкт-Петербург, а тогда Ленинград, находится в полузаброшенном состоянии и по ней идут в основном товарняки, да пригородные электрички местами. А в тяжелые дни Великой Отечественной она была одной из основных, после того как в 1941 году Октябрьская железная дорога оказалась повреждена, и отдельные её участки к 1942 году были заняты немецко-фашистскими захватчиками.

Ветка Москва — Калязин — Овнище — Хвойная — Мга была достроена и замкнута к 1918 году, образовав резервный путь на Ленинград. Во время войны на неё, а также вологодскую ветку, легла колоссальная нагрузка по снабжению Ленинградского фронта. В спешном порядке велось строительство окружных и радиальных железнодорожных путей в ленинградской области. Так появились ветки Кабожа — Чагода и Подборовье — Чагода, причём строилось всё в рекордно короткие сроки. В посёлке Хвойная, что на участке пути Неболчи — Кабожа, располагался один из штабов Ленинградского фронта, аэродром, а также госпиталь. Обязательно надо побывать в Хвойной, решаю я, стоя перед стелами с бесконечными списками фамилий...

Через Чагodu шло сообщение вологодской ветки железной дороги с савёловской, обеспечивая снабжение ленинградского района. В Заборье, где был наш стапель, начиналась знаменитая Дорога Жизни к Ленинграду с начала ноября до конца декабря 1941 года во время боёв

за Тихвин. Я всё ещё стою около памятника, не в силах уйти. По спине проходит какой-то неведомый холодок. Перед глазами встают картины эшелонов, идущих мимо того семафора, который мы сегодня проплывали, колонны техники. . . суматоха и толчея, налёты вражеской авиации. . .

Очнувшись, понимаю, что надо идти обратно — Аня наверно уже заждалась. С мыслью, что непременно надо побывать в Хвойной, иду бодрым шагом назад. Заброситься, правда, до Хвойной от Москвы поездом уже не удастся — к началу 2000-х годов отменили последний пассажирский поезд сообщением Москва—Санкт-Петербург, ходивший по савёловской ветке. Остаётся вариант через Санкт-Петербург — оттуда поездом до Сонково. Через Хвойную протекает речка Песь, которая, как уже говорилось, также впадает в Чагодошу. Вот так и сложился новый вариант байдарочного похода на следующий, надеюсь, год. . . время расставит всё на свои места.

Вернувшись к магазину, забираю две сумки с продуктами и мы с Аней начинаем обратный путь, срезав вдоль забора стекольного завода, через проходную которого видны огромные тюки с чем-то непонятным — то ли готовая продукция, то ли сырьё. Переходим дорогу у автомобильного моста, снова пробираемся через дачный посёлок и находим Лёню, спящего на берегу под палящим солнышком. Укладываем продукты компактнее в байдарку, перекусываем той самой пиццей, купленной в пекарне, и кефиром. Небольшой отдых и спустя минут 20 мы готовы. Отчаливаем. Без проблем проходим автомобильный мост в среднем пролёте и гребём дальше. Погода — блеск! Ветерок и жаркое солнце, на небе немного облачков.

Постоянно смачиваю панаму забортной водой — высыхает в мгновенье ока. Ребята держат курс, а я сверяюсь с картой и GPS. Прикидываю сколько мы физически сможем ещё сегодня пройти. Намечается отставание от графика из-за резкого снижения скорости течения — Чагодоща заметно медленнее Лиди. Но это не критично, думаю мне — гребём как получается, за рекордом сегодня не рвёмся. Греют душу сумки с продуктами из Чагоды. Одну из них поставили у меня в ногах, и сидеть стало не слишком комфортно, но терпимо — на стоянке разложим и перепакуем всё как надо.

Вечером проходим село Мегрино с красивейшей церковью на левом берегу. Там же два троса поперёк реки — один сигнальный с флажками, другой силовой для парома. самого парома что-то не видно, возможно лежит в высокой прибрежной траве.

Догоняем надувную байдарку с двумя колоритными дедами — они идут с Песи и встают на ночёвку около Мегрино. Рассказываю про наше «блестящее» прохождение перекатов на Лиди и 15 пробоин, а они говорят, что тоже пробились на Песи 2 раза. Ещё немного поболтав, мы втроём берёмся за вёсла и отрываемся от них. Позже, в 2019 году, вновь оказавшись на Чагодоще, я встретил их опять. Простите меня, уважаемые научные, судя по всему, сотрудники из Москвы, за моё тогдашнее определение вас в «деды». Вы ещё очень даже ого-го!

До планового километража в этот день не дошли всего 7 километров и причалили на ночёвку за селом Мегрино и Горки на крутом левом берегу у изгиба реки. Могли бы упереться, пройти дальше ещё часок и выполнить норму километража на сегодня, но уже подустали, да и мясо с рыбой хочется приготовить до темноты. В сумке плещется красное,

приобретённое в Чагоде — сварим к ужину глинтвейн, для чего у нас припасены лимоны, апельсин и даже палочки корицы.

Причаливаем, я взбираюсь на обрыв в разведку... рай на Земле — стоянка отличная! Есть скамейки, костровище, ровная поляна — идеальное место для палаток, а кроме того — куча поваленных, а самое главное, сухих берез. Экипаж балагурит — звук с пилорамы в Горках их смущает. Звук этот конечно меня тоже смущает, но не будут же там всю ночь работать? Оставив пока ребят одних, иду по дороге в разведку — кто-то есть ниже по течению — услышал голоса. Выхожу к берегу — там местный с семьёй на машине. Обжигает в костре честно стыренные откуда-то медные провода, чтобы избавиться от изоляции и сдать цветмет. Разговорились о том, о сём. На противоположном берегу сидят рыбаки — тоже видна машина. Успокоившись, что мужик нормальный, обожжёт медь, да и уедет скоро, возвращаюсь к бригаде.

Стоянка отличная — и столик есть и сосны красивые. В сумме все факторы подкупают, и я решаю вставать на этой поляне. Перетаскиваем вещи, байдарку тоже поднимаем на обрыв, разбиваем лагерь. Координаты — $N\ 59.13567^{\circ}$ $E\ 35.61832^{\circ}$. Можно было бы, конечно, встать за поворотом, там, где мужик медь обжигал или чуть подальше. Но там ни столика, ни дров, ни поляны красивой, зато ровный пляжик. Остановило то, что он костер из покрывшек жёг — вонища ужас! И вокруг куча этой гари чёрной и мусора. А ещё говорят, что туристы мусорят. Не верю! Больше мусора от самих местных, наплевательски относящихся к природе своего, между прочим, родного края. Ничего, на крутом берегу постоим, ничего с нами не случится.

Костёр уже готов, и картошечка варится! Я быстро устраиваю стирку и купание в реке, а потом принимаю наряд на камбуз доделать ужин. Аня тоже решает быстренько вымыться и спускается к воде. Разговоры рыбаков на противоположном берегу моментально смолкают — всё их внимание сейчас приковано к ней. Мы же с Лёней остаёмся у костра и варим глнтвейн. Надо приступить к готовке мяса и рыбы. Из аниного рюкзака, будто из шляпы фокусника, появляется решётка для жарки мяса! Что ещё таит этот рюкзак?! Приматываю веточку к решётке верёвкой, чтобы не горячо было брать руками, и приступаем к готовке.

Через полчаса последние приготовления позади. Скамеечки приходятся как нельзя кстати — из одной организуем стол, вторую используем по назначению, а я размещаюсь на своём раскладном стульчике. На ужин у нас замечательное мясо на огне, рыба с лимоном, глнтвейн, картошка в мундире и помидоры в натуральном виде с солью. Красота! Пикник как будто, а не сплав.

Сидим, вкушаем, обсуждаем сегодняшний день и как классно сегодня проплыли Чагоду. Читаю стихи про скифов и азиатов с раскосыми и жадными очами... хорошо! На столе горит свеча, припасённая Аней. Романтика, с ума сойти. Уже смеркается, зажигаются первые звёзды. Покушав, пробирает на песнопение. Наверное, бригаде нелегко переносить эти музыкальные потуги при полном, как я считаю, отсутствии у меня слуха, но что делать — душа отчаянно требует петь и я ей не препятствую.

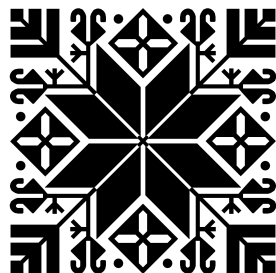
Закатное солнце зашло далеко за горизонт, и тихая ночь спустилась с небес. Рыбаки, что стояли на противоположном берегу, давно уехали. Мужик, обжигавший медь, тоже. На пилораме также всё давно стихло. Какая же тишина

вокруг! Наступила тёмная ночь, и только наш костер, как маяк мо мгле, посреди поляны, окруженной соснами, горит и стреляет искрами в высокое августовское небо, бриллиантами рассыпавшееся над нашими головами. . .

Аня уходит спать пораньше, а мы с Лёней располагаемся у костра. Я достаю фотострубинку, ввинчиваю её в полено, креплю сверху фотоаппарат и подключаю дистанционный пульт. Будем снимать астропейзажи на длительной выдержке, насколько это получится. Нахожу пару интересных ракурсов, делаю несколько снимков. Усталость вдруг накатывает волной. Времени уже около полуночи. Сидим, болтаем тихонько, а больше молчим, подымливаем, разливаем. Расслабляюсь окончательно. Горючее исправно заставляет задуматься о жизни и далёких галактиках. Чувствую, что спать сегодня будем все просто мертвецы. На ночь я также обильно подстелил под палатку лапник — будет мягко и тепло. . .

Падающих звёзд не увидели, как ни старались. Костёр постепенно стал угасать и мы, подкинув в него большие гнилушки, чтобы те тлели до утра, расползлись по своим палаткам. Накачав коврик и переодевшись, я вдруг вспомнил, что не открывал сегодня судовой журнал. Экое упущение! Сделав над собой усилие, включил фонарик, собрался с мыслями и черкнул несколько ярких строк про сегодняшний день. Времени было уже около двух ночи. Глаза просто слипались, и я завалился спать, моментально провалившись, как и обыкновенно в этом сплаве, в спокойный сон на свежайшем и чистейшем воздухе сосновых вологодских лесов.

Глава 10

Долгий переход

Проспали!!! Дико проспали! Я поднялся около половины 11-го наверно. Выспался, конечно, просто замечательно! Отдохнул шикарно... но всё-таки мы проспали! Теперь не пройти маршрут до конца в срок, подумалось мне. Ладно, не будем паниковать раньше времени. Бригада моя тоже просыпается, быстро готовим завтрак, а после начинаем паковать. Собираемся почему-то снова чертовски медленно. От стоянки отчаливаем, когда уже за полдень. Новый антирекорд...

Исходная цель на сегодня — песчаные косы перед устьем Внины. Хотя понимаю, раз вышли так поздно — добраться туда нам сегодня не светит. Совсем скоро проходим деревню Залозно. Судя по отчётам, после неё начинается «золотой возраст» реки — один бережок обрывистый, второй песчаный покатый. Так и выходит. Чем дальше плывём, тем сильнее это, так называемое меандрирование, начинает проявляться. Красиво, очень красиво!

Переход запомнился большим количеством островов в русле и обилием мелей. Приходилось резко переключаться курс от поворота к повороту, чтобы не оказываться на мели. Но порой ветер создавал рябь на воде, и было трудно прочесть воду — где мель, а где нет. Так, несколько раз мы садились днищем на грунт, благо он песчаный и без камней. Вылезали, проводили байдарку на глубину и снова садились. Интересен у Чагодоши переход с мели на глубину — очень резкий. Вот идёт достаточно протяжённая мель и тут р-р-раз! — глубина такая, что веслом не достать! Визуально это хорошо видно, если нет ряби — вода резко становится тёмной.

На обед встали на низком левом песчаном берегу в районе сомнительного ориентира — большого дуба на правом берегу, о чём было указано в каком-то из отчётов с маршрута. Тот ли это был дуб, доподлинно неизвестно, но вид был хорош. Перекусили бутербродами и чаем. На одной из мелей нашли следы кабанов и кабанят... зрелище, не сулящее ничего хорошего — судя по следам, их было не менее 4–5.

Отчаливаем, идём дальше. Характер растительности меняется — становится больше лиственных деревьев, чаще встречаются дубы, даже клёны! От хвойного леса не осталось и следа, зато буйство кустарников и лиственных пород. После высоких сосен и низкой травы такие берега мне совсем не по вкусу. И хвойного леса на горизонте не видать — придётся долго искать приемлемую стоянку, думается мне... и я оказываюсь прав — вплоть до самого вечера мне не приглянулось ни одно место для стоянки.

Следующая путевая точка, судя по GPS, это охотничий кордон Ленино. Правда, он находится в отдалении от берега, да и неизвестно, есть ли там вообще что-нибудь — карта-то

старая. Около путевой точки кордона проходим остров с левой стороны и садимся на мель, приходится стаскиваться. В правой протоке замечаем рыбака на надувной лодке, но подплывать желания нет, потому что река уже под 70–80 метров в ширину и мы идём у противоположного берега. Идём дальше. Скорее всего, он с кордона и был, этот рыбак. Рыба, стало быть, есть — ловить надо уметь, а рыбаки из нас не очень, мягко скажем. Ну и ладно, белорусская тушёнка уплетается просто на ура — лучшей тушёнки в жизни не ел, уверяю.

Вечереет, хочется найти нормальную стоянку. Пльвём, поём по очереди песни. Правда очередь состоит в основном из меня и Ани. Перепёл, кажется, всё, что знал — разное народно-популярно-туристически-прикостровое — короче всё, что помню наизусть. Усталость наваливается неожиданно. Ищу стоянку так, чтобы её освещало закатное солнце... и всё тщетно, лопатим вёслами дальше. То низкий берег, то травы по грудь. И вот, выдаётся прямой участок реки. Я удачно замечаю остатки костровых палок на левом берегу и даже небольшой запасец дров. Отлично! Подъём, правда, крутой, но встречали и круче, ничего страшного.

Уже успели немного поругаться из-за выбора места, пока совершали манёвр разворота от противоположного берега. Причаливаем, взбираюсь на обрыв... красота! Поляна хоть и травянистая, но терпимо. А более всего подкупает огромная одинокая берёза — просто красотища! Экипаж мой стоит, осматривается. Крутой подъём им явно не по вкусу. С Лёней идём в разведку по протоптанной тропинке вдоль берега. Она приводит к другой полянке — гораздо меньшей и неудобной. Откуда тут тропинка?

Решаю вставать там, где причалили. Координаты — $N\ 59.08257^{\circ}\ E\ 35.94123^{\circ}$. Дров на стоянке у костровища чуть-чуть есть, плюс с собой запасец везём небольшой — я как чувствовал, что пилить на дрова тут особо будет и нечего. Вокруг поляны растут дубы, кустарник, встречаются молодые берёзы, сухостоя нет. Экипаж потихоньку начинает перетаскивать вещи.

Ещё только поднявшись на берег, я заметил, что земля под ногами как-то странно взрыта. Подумал, это около костровища только. Потом смотрю — нет, ещё одно место такое же есть. Ну, иногда под палатку выравнивают грунт — я сам делал так на Белой. А походил вокруг по поляне — взрыто всё! Прикинул — место глухое, деревень тут никаких по карте нет и близко. Урочище Витимец, правда, где-то в километре примерно на север. Стало быть, не следы это кладоискателей с металлодетекторами, а зверей, скорее всего кабанов. Вокруг как раз много дубов — жёлуди. Вот тебе раз! Холодок пробегает по спине. Встречаться с кабанами совсем не хочется. Тем более ещё и с кабанятами — страху добавляют следы, встреченные сегодня на песчаной отмели. Стараюсь отогнать нехорошие мысли и успокаиваю себя тем, что у меня есть сигнал охотника, а бабахает он громко — достаточно, чтобы отпугнуть нормального зверя. Если зверь нормальный — уйдёт, а от бешеного и ружьё не поможет в неумелых руках...

Грозы ничто не предвещает, поэтому палатки ставим прямо под большой берёзой. Затаскиваем с Лёней байдарку на берег, разворачиваем лагерь. Аня обещает что-то вкусное на ужин. Мы верим. А пока таскаем немного дровишек, что валяются в округе, занимаемся своими заботами. Вечер выдаётся непривычно холодным. Аня соображает нам тушёнку с рисом и кукурузой, видимо отчаявшись,

что Лёня на эту кукурузу наловит нам хариусов. Получается замечательное блюдо. Уминаем по два-три десантных подкотельника этого плова с хлебом и, напившись чаем, валяемся у костра на ковриках. Вокруг поляны этой растёт огромное количество шиповника... Аня и так с собой везёт мешочек сушёного шиповника и заваривает его на манер чая, а тут свежак! Естественно, N-ое количество красных соцветий немедленно собирается в отдельный пакетик впрок.

Холодно! Наверно, самый холодный вечер за наш сплав. У костра сидеть и то прохладно, хотя мы распалили прилично! Лицу жарко, а спина стынет... поворачиваешься, прогреваешь спину, голова и лицо замерзают. Ну, как-то так и вертимся весь вечер. Можно было бы поснимать астропейзажи, но облачно, да и уже что-то тянет ко сну. С согласия ребят на ночь ложусь в их палатке — она более тёплая, а к полуночи совсем ледянящий холод начался. По привычке ложусь как в своей — треники, тельняшка, флисовая курточка, шапка... в итоге мне становится жарко, но раздеваться не тянет — к утру-то боюсь замерзнуть. Засыпается плохо, сон не идёт. Мысль о кабанах не даёт покоя, сигнал охотника лежит рядом.

Глава 11

Кабаны и удача

Просыпаюсь рано. Солнышко встало, нагрело палатку. Палатка у ребят не только тёплая, но и очень душная — весь в поту. Вентиляционные окошки не помогают. О сне уже речи нет, ужасная духотища. Вылезаю, вытаскиваю коврик, спальник. Досплю на улице. Снаружи-то благодать!

Лежу себе — хорошо, полусонное состояние. Вяло рассматриваю топографическую карту, прикидываю наши перспективы дойти до конца намеченного маршрута... тают они с каждым днём — не укладываемся мы в запланированный километраж. Много времени потеряно на Лиди, проспали в один день, в какой-то раз просто долго собирались... ладно, думаю, сойти досрочно всегда успеем в Дубровке, посмотрим как сегодня день выдаться. Рядом солнечная батарея лежит — внешний аккумулятор заряжается. Включил телефон, связи нет. А у ребят вчера ловилась...

Лежу, солнышко припекает, лёгкий ветерок колышет листву берёзы... идиллия! Пора бы завтрак начать готовить. И тут внезапно... хруст веток! Упала ветка где-то, думаю. Но тут ещё хруст, потом ещё и ещё! Настораживаюсь. Раздаётся ХРЮКАНЬЕ?! Ё-моё! Кабаны пришли!!! Сердце уходит в пятки, ёжиков полные штаны! В мгновение ока оказываюсь в палатке ребят, кричу Лёне, чтобы подал мою сумку от изголовья, вытаскиваю сигнал охотника.

Дрожащими руками ввинчиваю патрон, а он никак, зараза, не вкручивается! Почему я с вечера не ввинтил?! Наконец совладал с патроном, взвёл боёк, выставил руку из палатки и пальнул вверх красной ракетой... сидим в палатке, слушаем, что будет дальше. Судорожно ввинчиваю новый патрон, снова стреляю. Ввинчиваю ещё один, беру топор... всерьёз готовлюсь к худшему — «Это есть наш последний и решительный бой!»

Но вроде всё стихло. Осторожно вылезаю из палатки, осматриваюсь. Ничего не слышно подозрительного... Бригада моя, похоже, отделалась лёгким испугом. Вероятно, их больше напугал я, что так беспардонно разбудил, чем мысль о возможной встрече с кабанами.

С опаской провели утро и готовили завтрак. Сигнал охотника с ввинченной ракетой и топор всё время были под рукой на всякий случай. Решили побыстрее убраться с этой стоянки, что и сделали в половину двенадцатого. Поздно опять встали на воду, до Лентьево, расчётной точки антистапеля, точно не добраться в срок, понял я в тот момент. Только встав на воду, выйдя на середину реки и почувствовав себя в безопасности, снимаю сигнал охотника с боевого взвода и вывинчиваю патрон. Путешествие наше продолжается...

Полоса лиственных лесов и зарослей вскоре заканчивается, снова начинается любимый нами сосновый лес, ура! Наверно, в этот день нам встречались самые красивые берега. Просто упоительно красивые обрывы и здоровенные песчаные отмели — расцвет «золотого возраста» реки. Душа поёт от такой красоты! Река становится заметно шире, мели по-прежнему не редкость. Как и вчера, перекладываем курс от поворота к повороту, чтобы не тереться дном байдарки об песок.

Поднимается сильный встречный ветер, становится реально тяжело идти. Еле догребаем до обеда — выдыхаемся полностью. Причаливаем к низкому левому берегу на огромный песчаный пляж — место прекрасное. Противоположный берег, как и положено, высокий, красивый, с соснами. Вылезаю из байдарки, буквально падаю на песок от усталости. Ветер дул такой, что если не грести, плывёшь назад против течения. Пришлось нам втроём, и Ане тоже, активно бороться с таким ветрилой.

Расположившись на песчаной отмели, перекусываем консервами «Печень трески». Мне мало. Силы просто куда-то улетучились — всё встречный ветер! Вскрываю банку тушёнки, помня, что у нас есть запас, и в одиночку уминаю её с хлебом. Лёня следует моему примеру и уничтожает ещё одну банку. Аня ругается, что хлеба мало купили в Чагоде и хвалится, что выклянчила у скряги-Адмирала на одну буханку больше. Я молчу — она права. Решаем немного тут передохнуть после перекуса. Встречный ветер реально выматывает. Прошёлся по берегу — впереди виден дом. По памяти вспомнил карту и сообразил, что это начало деревни Званец. За полчаса примерно до этого привала прошли слева устье Внины — неплохое место для стоянки на высоком левом берегу.

Перекусив и отдохнув, встаём на воду. Ветер стихает, что не может не радовать. Проходим деревню Званец, где на низком левом песчаном берегу находится огромный пляж и полно народа. Немного общаемся, замедляя ход. Дети с интересом наблюдают за нашей байдаркой. Сразу после пляжа встречаем двух мужиков в гидрокостюмах на деревянной лодке под вёслами. Поначалу хотим обойти их, но решаемся потрепаться и подплываем ближе.

Спрашиваю у них что с рыбой в этом году и говорю, что мы ничего не наловили. Удивляются. У них улов приличный по нашим меркам. Вы бы, говорят, на спиннинг ловили или сетью. Они-то сетью ловят. Ну, думаю, нормально так! Мы подплываем, стыкуемся бортами, и мужики по доброте душевной отдают нам небольшую щучку, окуней, подлещиков, причем совершенно даром. Вот это удача! Принимаю на руки это богатство и сваливаю прямо на дно байдарки себе под ноги. Спрашивают сигарет. Извиняйте, не держим. Рассказываю им про наши приключения — пробойны на перекатах. «Ну и ладно, за разговор спасибо», — говорят мужики, и мы расцепляемся бортами. На том и расходимся — путь наш лежит дальше.

Проходим хорошо укреплённый огромными валунами и просто камнями берег. Сейчас уже не помню название населённого пункта, но кажется это было в Клавдино. В любом случае, проходим мимо. Я кусаю локти, что мы гружёные прилично. Так бы можно было камней набрать, баньку сделать... отгоняю эту мысль. Всё равно столько камней не принять на борт.

Душу греет рыба под ногами! Щу-у-учка! Прелесть! Из мелких рыбёшек сварим уху однозначно, а крупных зажарим на огне. Красота! Разнообразие! Не всё ж тушёнку

жевать, хоть и качественную белорусскую. Остаток пути проходим в этот день, как мне кажется, на одном дыхании — жадно ищу глазами стоянку — хочется пораньше встать, раз маршрут сокращается.

Примечаю на высоком, опять-таки, левом бережку песчаный подъём — там наверняка должна быть хорошая полянка. А мы идём под правым берегом. К этому времени я уже научил бригаду причаливать против течения и мы, совершив интенсивный маневр разворота на 180°, причаливаем по всей науке. Координаты — $N\ 59.18169^\circ\ E\ 36.11501^\circ$.

Вылезли аккуратно — вход в воду глубокий. На берегу много битого стекла — я поранил палец на ноге, но терпимо. Встаю вверх. Поляна классная! Есть стол, три скамейки, костровище. Правда, немного замусорено. Аня начинает возникать по поводу мусора. С Лёней проводим разведку по берегу. Обнаруживаем протоку, там куча топляка, причём есть сухой. Лес сосновый, много сухих нижних веток. Дровами, считай, обеспечены. Стол со скамейками меня подкупает окончательно — решаю вставать тут и мы разгружаемся. Продолжается капанье на мозг относительно мусора. Ещё даже не перетаскав полностью вещи и не разбив лагерь, выкапываю сапёрной лопатой приличную яму. Аня, вооружившись перчатками, собирает мусор и битое стекло — закапываем. Становится чище, ясное дело. Остатки мусора сжигаем в тут же разведённом костре. Бригада успокаивается. Ставим палатки, затаскиваем на берег байдарку. Словом, всё как обычно.

Надо чистить рыбку. Аня отчищает подлещиков, окуни ждут своей очереди. Достав свой ножик, присоединяюсь к Ане, заняв место у столика. Чищу окуней и принимаюсь

за щуку: два надреза — под хвостом и у головы — и внутренности выходят на раз-два! Ушица будет знатная, из трёх сортов рыб. Покончив с рыбой, отдаю её Ане на готовку, а сам иду отмываться в реке от чешуи. У нас будет уха-а-а-а! А пока нарезаем последний хлебушек и достаём 96-й. Вскоре уха уже почти сварена, палатки поставлены, все в ожидании ужина.

Готовлюсь удивить свою бригаду, как когда-то удивил меня этим крёстный, ритуалом, можно сказать, последним штрихом в приготовлении ухи — в неё добавляется немного водки и окунается горящее полено из костра. Вообще это делается, чтобы осветлить уху, если она варится из непотрошёной рыбы и для некоторой толики дезинфекции. Кроме того, водка отбивает запах тины, который может появиться от некоторых видов рыб. Ту же функцию выполняет и полено, добавляя ещё, плюс ко всему, аромат костерка. Ну и просто красивый обряд, хе-хе! Наконец садимся вкушать приготовленные яства — получилось отменно, а жареная рыбка и вовсе бесподобна. В походе вообще любая еда бесподобна, а уж уха...

На этом месте, где встали, решаю завтра задневать. Есть связь, мне прозванивается жена, сеанс связи с «большой землёй». Сообщаю, что планы наши немного корректируются — сойдём на один день раньше с маршрута. Как я и предполагал ранее, до Лентьево в срок нам не дойти, потому что много времени потеряно на перекатах, на ремонт байдарки и в поздних выходах на воду. Впереди по плану еще около 50–60 километров — это два ходовых дня на пределе возможностей — по 25–30 километров в день. Ранее мы делали и 32 километра в день в этом сплаве, но выдыхались полностью и окончательно. А на антистапеле ещё разбирать байдарку, мыть шкуру, паковать снаряжение...

То есть, если укладываться в первоначальный план — надо отменять завтрашнюю днёвку, оба дня рано вставать, лопатить вёслами как лосям... что-то как-то это не входит в моё понимание об отдыхе. Посему, завтра никуда плыть не будем. Покупаемся, помоемся, отдохнём как следует — место мы выбрали отличное. Сходить с маршрута будем в Дубровке, до неё от нашей стоянки километров 10–12 — нормально. Как раз, не напрягаясь, в последний день пройдём этот остаток. Итог — вместо того, чтобы оставшихся два дня лосячить вёслами до Лентьево, устраиваем в один день днёвку, а во второй — небольшой переход и досрочный антистапель.

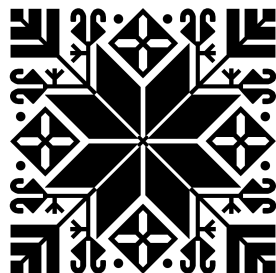
Не успев доесть ужин, оказываюсь в одиночестве — бригада немного расстроена планами о досрочном сходе с маршрута, хотя разговоры об этом уже велись, и залегает в свою палатку. Ничего, раньше — значит раньше. Адмиральское Решение принято, и поход — не место для демократии.

Посидел у костра под звёздным небом, усугубил 96-ым — его осталось ещё огромное количество. Забил трубочку потуже, красота! Звёзды отражаются в зеркальной глади воды, вдалеке видна мачта связи в деревне Слудно, метров 100 высотой, не меньше. Наверху у неё горят красные сигнальные огоньки. Закат был очень красив, а ночь ещё краше.

На этой стоянке немного лютовали комары, но сейчас всё стихло. Тишь да гладь. Только воды Чагодоши степенно проплывают мимо меня, устремляясь дальше и дальше — к Мологе. Понимаю, что поход заканчивается и лёгкая тоска зарождается где-то в груди. В голове проплывают яркие пережитые моменты нашего сплава, особенно на Лиди.

Эх, вот бы пойти дальше по Мологе, да до Весъегонска... а может и вовсе до Волги... чтобы об антистапеле вообще не думать... мечты, мечты...

Глава 12

Вторая днёвка

Сегодня будем тут целый день. Можно позволить себе поспать подольше. Выспавшись, валяюсь в палатке, делаю путевые заметки. Лежу, пишу спокойно, вдруг слышу голоса. Прислушиваюсь. Точно — приближаются голоса, минимум двое. Беру на всякий случай топор, надеваю штормовку, вылезаю. Увидев меня, двое велосипедистов резко дают по тормозам так, что те издают протяжный скрип, и, развернувшись, начинают удирать обратно. Чего это они? Соображаю, что я помятый спросонья, небритый неделю, на голове вязаная шапка набекрень, штормовка на тельняшку, в руке топор. Я бы тоже развернулся и свалил... ладно, поспим ещё чуток.

Лежу, ворочаюсь, сон больше не идёт. Снаружи слышно как дятлы завтракают, стоит стук. Заметки больше писать не хочется, вылезаю снова из палатки, собираюсь разводить огонь. Бригада моя тоже показывается. Аня перехватывает инициативу приготовления завтрака.

Не возражаю. Вместо моей традиционной овсянки нас ожидает, как я предполагаю, гречка. Не обманываюсь. Сдабриваем гречневую кашу сгущёнкой и моментально всё это уминаем. Лёня сидит у стола, молотя целлофановый пакет кулаком. Оказывается, в пакете овсяное печенье, куда потом Аня высыпает остатки орехов и изюма и сдабривает это всё остатками сгущёнки. Получается вариация на тему известного походного лакомства.

После завтрака бригада решила пойти на противоположный пологий берег позагорать, поскольку у нас в лесочке тенёк. И они пошли вброд на другой берег. Течение конечно сильное и сносит временами, но ничего — идут, благо мелко. Присматриваю временами за ними — прошли, даже не заходя по пояс. Мелко. Только под самым нашим берегом поглубже и приходилось плыть.

Пока бригада загорает на мели у противоположного берега, притаскиваю дров — сухих нижних веток сосен, ради которых приходится залезать на высоту 2–3 метров, а потом и несколько больших сухих топляков с протоки ниже по течению. Мелкие ветки ломаю ногами, крупные распиливаю двуручной пилой, обернув резинку вокруг дерева и накинув на вторую ручку пилы. Мой перевёрнутый складной стульчик выступает в роли подставки для бревна — так удобнее пилить. Получается нормально, терпимо. Дров у нас теперь просто завались — сегодня будем долго сидеть у костра — днёвка же последняя, последний вечер, последняя ночёвка — прощание со сплавом!

Бригада, тем временем, возвращается. Решаем отступить от правил и приготовить обед — во время сплавного дня мы идём без обеда, обходясь перекусом, но сейчас хочется что-то сообразить посущественнее.

Дрова теперь есть, костёр постоянно немного дымит. Подкидываем пару поленьев и приступаем к готовке.

После обеда мирно разбредаемся по лагерю — я приваливаюсь подремать к перевернутой для сушки байдарочке. Лежу в полудрёме, продолжаю путевые заметки. Бригада, отдохнув, делает зарядку! Вот это, я думаю, ничего себе. Соскучились по нагрузке! Ничего, завтра это исправим. День проходит в ленивом состоянии — сказывается усталость. Причём непонятно, какая больше — от несхоженности команды или физическая. Склоняюсь, что первый случай — меня порой сильно удивляют их действия, как и мои, в свою очередь, их. Физически же сна хватает восстановиться, причем иногда я сплю часов 5 — и хватает, вот загадка! В городе такое — просто фантастика. Тут же — реально! На себе ощущаю. Ну, оно и понятно — никаких городских забот, шума, гама, суеты... только ты, лес, река и байдарка. Что может быть милее сердцу водника? Только спутница жизни.

Вспоминаю про каменистый бережок, который проходили вчера... снова приходится отгонять мысли об упущенной возможности позаимствовать там камни для бани. Баня бы сейчас вышла просто царская — дров тут напилить вообще легко. Топи себе и топи. Прошёлся выше по течению — может камни найду. Тщетно. Песчаный берег и всё тут. Как ни ищи, камней нет. Это вам не Башкирия. Там бы мы уже были с баней — вспоминаются Зилим и Белая. Ну да ладно, мне терпимо — я и так моюсь в реке почти каждый день и получаю прекрасные ощущения от преодоления некой боязни холодной воды. Окунаешься — прохладно, плывёшь — красота! Свежо! Бодрит! А растирания полотенцем? О-о-о, это просто

прелестно. Вернувшись в лагерь, осторожно купаюсь, борясь с течением.

Время катится к вечеру, продолжаем уминать оставшиеся запасы провизии. Достаю прикупленное в Чагоде ячменное и охлаждаю его в десантном котелке, зачерпнув туда воды. В котелок аккуратно помещаются 2 банки — просто тютелька в тютельку! Красиво жить не запретишь. Вспоминается Моргунов: «Жить хорошо, а хорошо жить ещё лучше!». Сидим, наслаждаемся жизнью и природой, безудержно тянет петь. Прокручиваю в голове все наши дни сплава. Как же хорошо, что мы выбрались на реку! Впечатлений огромное, просто невероятное количество. Начинаю скучать по жене и дому...

Пора позаботиться о выброске. Достаю свои записи телефонов мужиков с микроавтобусами. Мой главный претендент, готовый за 3 тысячи отвезти нас в Череповец, оказывается занят, но наводит на другой контакт. Там предлагают за 4.5, потому что не от Лентьево, а от Дубровки, которая на 50 километров дальше. Ну, 50 туда, 50 обратно, 100 километров просто так никто конечно не поедет, нормально и за 4.5, я считаю. Тут бригада начинает бесноваться из-за цены. Набиваю трубочку, отхожу в сторонку успокоиться — палатка, значит, за 15, коврики минимум по 5 каждый... не моё, конечно, дело считать средства бригады, но... ещё куча разного не самого дешёвого снаряжения, а на выброску торгуемся из-за *одной* тысячи? Этого я не понимаю даже больше, чем фильтр воды. Ладно, телефон мужика, согласного за 4.5, у меня есть, а остальное — хотят дешевле, пускай ищут. И Аня ищет. И находит в интернете телефон аж начальника автовокзала в Лентьево! Тот объясняет, что у него только большие автобусы, но обещает помочь. Я со всего

этого просто внутренне угораю. Причём бригада разводит какую-то ненужную панику, суету... зачем? Боятся не уехать что ли? Вот умора.

Поначалу меня раздражает такая самодеятельность бригады, а потом думаю ладно, если уж так хочется. Дымлю трубочкой, расслабляюсь, ситуация даже начинает меня забавлять, жду чем дело кончится. Через час-полтора дело кончается тем, что Аня заполучает от начальника автовокзала наводку на какого-то водителя. Звонит, договаривается, сбивая до 3.5. Я не возражаю — пускай. Машина — «Газель» пассажирская. По телефону объясняю про наш огромный рюкзак с байдаркой — говорят, что влезет. Вопрос решён.

Солнце радует красивейшим закатом. Вообще в этом сплаве с погодой нам очень повезло — только в один день было подобие дождика с утра, а остальные дни просто как по заказу были солнечными и ясными.

Ужинаем последними банками тушёнки, разогревая их прямо в костре. После, усевшись у костра с чаем, начинаются разговоры о билетах на поезд... паника номер 2, или «давайте купим билеты через интернет сейчас» и «покупать билеты в кассе — прошлый век»... да-а-а, зря на этой стоянке есть интернет, думается мне. Хотя, я и сам сначала думал так сделать. Ладно, давайте купим. Правда, из интернета только EDGE, 3G нету. Сайт не грузится нормально и там регистрация нужна... думаю: «фух, пронесло!». Но нет, сам же ляпнул, что у меня в телефоне есть приложение какое-то, через которое можно купить. Смысл какой? В плацкарте нижних уже нет, остались верхние, да боковушки. Но бригада упорствует. Ладно-ладно. Покупаем через мобильное приложение с комиссией, бригада успокаивается.

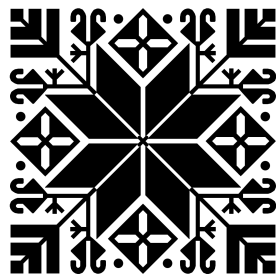
А мне беспокойно. Да — оплата прошла, да — деньги с банковской карточки списались, а билет-то где? Эта электронная хрень в виде номера? Не привык я к этому всему прогрессу тогда ещё. Да и комиссию содрали, ЪУЪ! Забиваю трубочку потуже, успокоюсь. Решаю задать ребятам жару.

Плещу в подкотельник 96-й. Сначала думаю даже не разводить и добавить туда перца, соли, горчички и т.д. — как обычно это делают на посвящении. Но думаю, ладно, не буду уж. Плеснул туда же воды и сделал, как говорится, «сортировку». Не удержался, горчичку всё же добавил. Вытащил из палатки весло, собрал, дал им в руки, показал, как держать вдвоём согласно ритуалу. Вкрутил патрон в сигнал охотника, взвёл. Остается последнее — Страшная Клятва Туриста-Водника. И вот, теперь уже я, сам не так давно прошедший через это, посвящаю новых людей в наше Братство. Произношу слова Клятвы, бригада повторяет за мной. Потом ритуал с подкотельником и завершающий аккорд — стрельба ракетой в ночное небо...

Западёт им это в душу или нет — неизвестно никому. Пойдут ли они во второй раз на воду? Тоже неизвестно. Может быть этот сплав вообще останется единственным в их жизни. Каждый по-своему воспримет всё действие, связанное со сплавом, причём надо дать впечатлениям время улечься в голове. Как я уже писал, кто-то после первого сплава и, как ему кажется, пережитого «кошмара», с ужасом убегает прочь от этих «сумасшедших», а кто-то, вступая в Братство, уже никогда не выйдет из него... всё зависит от всего, так сказать. Но одно я знаю точно — если отрава бродяжничества попала в кровь и прижилась — это навсегда. Покоя больше не обрести. При первой же возможности будет тянуть на выход. На Природу. На Реку.

Надеюсь, наш сплав не стал кошмаром для моей бригады. Конечно, где то я, как Адмирал похода, был твёрдым, но, по-возможности, справедливым командиром. Старался, безусловно, не перегибать. Насколько это получилось — судить не мне. Я пытался, как мог, смягчить походный быт для ребят и передать тот опыт, который доступен мне, параллельно сам получая всё новые бесценные уроки. Попадали мы во всякие передрыги, особенно в первые три дня и теперь, в конце маршрута, я мог сказать, что изо всего мы вышли малой кровью, получили максимум удовольствия и экстрима, насколько можно было его получить в таком сплаве. Об этом думалось мне, сидя у костра в последний наш сплавной вечер. Добив в своей самодельной трубочке последний табачок, сжёг её и кисет в костре, чтоб больше не было соблазна до следующего сплава. Так-то.

Глава 13

Досрочный антистапель

Пройти сегодня нам осталось немного, порядка 12 километров. Проснулись не слишком рано, приготовили завтрак, не торопясь свернули лагерь, погрузили вещи, отчалили. Действия по сворачиванию лагеря и распахиванию вещей в байдарке уже стали слаженными, привычными и автоматическими... даже жаль, что сплав заканчивается. Преодолели расстояние до окрестностей Дубровки часа за три. Один раз надолго останавливались — Аня заприметила на берегу какую-то траву, которую непременно захотела нарвать с собой.

Вскоре приходим на точку досрочного антистапеля. В этом месте карты упорно показывают паромную переправу, а её и в помине нет. Да, подъезд к реке есть, колья от парома есть... даже какой-то остов валяется полусгнивший в траве. Но не более. Тросов, как в Мегрино, уже нет. Огромный песчаный пляж. Отсюда до перекрестка в Дубровке около двух километров. Хорошо бы мужик

на «газели» не запротивился проехать к берегу. Иду в разведку — дорога представляет собой сухой зыбучий песок. Мало того, что если собираться и паковаться тут, то этот песок будет во всех вещах, но ещё и «газель» сюда может не пройти. Или не выйти потом отсюда. Координаты места — $N\ 59.18664^\circ\ E\ 36.22300^\circ$.

Принимаю решение поискать в пешем порядке лучшее место ниже по течению. Оставляю ребят отдыхать, а сам иду бодрым шагом по дороге. Не обманываюсь в правильности решения — по пути встречаю ещё более разбитые участки дороги, чем у реки. Боязно, что если «газель» тут застрянет, придётся разгружаться, толкать. Этого нам совсем не нужно. Нахожу развилку и дорогу по лугу к реке. Тут трава, песка нет. То, что надо! Выхожу на берег — красота! Небольшой песчаный подъёмчик, дальше луг и ровное место. Отлично. Антистапель будет тут — $N\ 59.19248^\circ\ E\ 36.23246^\circ$.

Связь мобильная есть, я звоню ребятам и говорю, что остаток маршрута — примерно один километр — проходите без меня, самостоятельно. Потому что мне лениво тащиться обратно километр. Лёню оставляю и.о. Капитана. Там где я стою — островок посреди реки. Говорю бригаде идти в левой протоке и с разворотом на 180° , как я учил, против течения причаливать к берегу. К концу сплава бригада манёвр этот усвоила, я надеюсь, основательно.

Пока жду их, кусаю локти — впереди такой красивый берег левый — высоченный песчаный обрыв с сосновым бором наверху! Я вернусь, обязательно вернусь сюда! Пройду дальше — до Лентьево. И пороги возьму — все три — Горынь, Буг, да Вяльскую Гряду! Но не сегодня... не сегодня...

Замечаю за поворотом бригаду, машу руками. Видят, машут в ответ. Течение в левой протоке сильное, опасаясь за ребят. Но ничего, должны справиться. Дует сильный попутный ветер. Бригада заходит в протоку, чуть передыхает, начинает манёвр разворота и, встав против течения, заходит, ориентируясь на меня, к месту антистапеля. Почти идеально — молодцы! Подтягиваю на конечном этапе байдарку к берегу за чалку, высаживаются. Всё. Сплав окончен. Да здравствует Новый Сплав!

А сейчас — антистапель. К этому времени я уже немного отдохнул, мы быстренько разгружаемся. Потом выносим с Лёней байдарку на берег, начинаем разборку. С разборкой традиционная проблема — после длительного плавания клинит замки стреляющих стрингеров... но это я учёл заранее — у меня есть спецсредство из верёвочной петли, которая надевается на запястье и накидывается свободным концом на замок. Далее медленно, нежно распатываю при помощи этой петли замки и открываю их. Остальная разборка идёт без проблем. Потом промываем байдарочные кости в реке и сматываем их изоляцией. Вынимаю сломанный шпангоут, держу в руках погнутые стрингеры... горько на душе, сердце кровью обливается. Починю потом, не беда.

Пока мы с Лёней занимаемся байдаркой, Аня упаковывает вещи, а потом успевает помыть голову в реке. Когда, наконец, вещи упакованы, моем с Лёней байдарочную шкуру и сушим её, разложив на траве. Пока шкура сушится, мы перекусываем и немного отдыхаем. После, запаковываю шкуру и кости в огромный рюкзак, что получается у меня, как всегда, не с первой попытки, и креплю его резиновыми жгутами к транспортной

тележке. Ласточка наша, сине-жёлто-серая, пробитая 15 раз, на заслуженном отдыхе. Пронесла она нас 150 километров пути по просторам рек Лидь, Чагода, Чагодоша.

Жарко, хоть и дует сильный ветер. Весь взмок пока паковались. Моюсь в реке, одеваюсь цивильно — в припасённую единственную чистую футболочку. Накидываю штормовку и вперёд, к перекрёстку в Дубровке — встречать «газель». Тем временем раздаётся звонок, что машина на месте, а я ещё на берегу. Ладно, что ж такого — бегом марш — забег полтора километра. С непривычки тяжело, но терпимо. На дальние дистанции я всегда нормально бегал — главное повторять какую-нибудь простую однообразную ерунду в голове, гася естественное желание перейти на шаг.

Оказавшись на перекрёстке, вижу, что машины нет. Созваниваюсь с водителем. А он, оказывается, в самой Дубровке, а не на шоссе. Через пару минут вижу синюю «газельку» — это он. Сажусь и мы доезжаем до берега без вопросов. Моментально грузимся, делаем небольшой перерывчик. Я успеваю спуститься к реке и умыться ещё раз твоей чистейшей водой, Чагодоша. Я вернусь сюда обязательно, обещаю тебе!

Стартуем! Впереди примерно 150 километров до Череповца. Время — около 17 часов. Поезд на Москву почти в 23 часа. Запас огромный. Едем 60–70 км/ч — больше не позволяет дорога — бетонка, покрытая местами асфальтом. Разбитая... жуть. Эта, с позволения сказать, трасса соединяет Бабаево, которое мы проезжали при заброске, с Лентьево, где должен был быть расчетный антистапель. И тут нас обгоняет другой микроавтобус на такой скорости, будто мы стоим на месте. Вот это особенности местного вождения!

Добираемся до Лентьево. Перекрёсток и пост ДПС*. Дорога резко становится не просто приличной, а хорошей. Замечаю тот самый автовокзал, до начальника которого дозвонилась Аня. Видно магазин, автобусы, такси, недостроенную церковь, автозаправку. Быстро пролетаем Лентьево и уносимся в сторону Череповца. Водитель Пётр интересуется, откуда мы знаем начальника автовокзала. Рассказываю историю с поиском машины... Пётр, в свою очередь, рассказывает, что часто возит что-нибудь для этого самого начальника — продукты, стройматериалы. И вот тот позвонил и попросил забрать туристов. Спрашиваю, а откуда Пётр сам? Отвечает, что из Устюжны. Прикидываю по карте, где это... да-а-а-а. Отдам-ка я тебе все 4,5 в Череповце как ты и называл — это нормально. Тебе ж мало того, что до нас из Устюжны было 60 километров, потом до Череповца около 150, обратно домой столько же. Да, так будет правильно.

Перекидываясь небольшими рассказиками о жизни, о сплавах, о рыбалке, подбираемся к Череповцу. Пейзажи меняются — от лесов не осталось и следа, идёт какая-то лесотундра. Потом снова начинаются леса, далее снова лесотундра.

Въезжаем в промзону Череповца. Стоит совершенно скверный запах... как тут живут люди? Размах, с которым строили когда-то эту самую череповецкую промзону, поражает. Видны заброшенные здания, где едва теплится жизнь, а кое-где раскручено на всю катушку — дымят трубы, пахнет отвратительно! Пётр усмехается — сейчас нормально! В 70-ые не видно было дороги от дыма... а сейчас и производство сильно упало, да и фильтры современные. Такие масштабы экологического бедствия, прямо скажем,

* Дорожно-патрульная служба

угнетают. И едем по этому химическому ужасу достаточно долго... площади колоссальные.

Вскоре добираемся до железнодорожного вокзала, где уже были при заброске, и выгружаемся. У нас из провизии осталась пачка сахара, макароны, что-то ещё. Всё это презентовали нашему водителю, хотя он и отнекивался. Я расплатился, мы попрощались, пожали руки, и он уехал.

Перетащили вещи на вокзал в зал ожидания, расположились. Хе-хе, теперь надо было распечатать посадочные талоны, то есть, по сути, материализовать электронные билеты в терминале. Пошли с Аней. Оказалось, это просто — вводишь номер купленного электронного билета, автомат распечатывает бумажный. Всё прошло гладко — автомат издал странные звуки и внизу, в окошечке, на манер автоматов с газировкой, появился бумажный билет. Распечатав, вернулись к Лёне в зал ожидания.

Ребята пошли купили чай и пирожки. Перекусили. Позвонили родным. Заскучал. Решил пройтись по вокзалу, купил магнитиков на всех — родителям, тёще, себе конечно. Потом вспомнил, что уже покупал магнетики при заброске, но было поздно. Взяли с Лёней пенного в кафе. «А можно ли пить тут?», — вопрошаю у продавщицы. Тут у кафе, оказывается, можно. А в соседнем зале ожидания — штраф 1.5 тысячи. Театр абсурда — чем два зала отличаются друг от друга?! Безобразное лицемерие. Ладно, сидим тут. По большей части молча. На стене висит картина, ещё видно советского художника — «Строительство череповецкого химического комбината»... добавляет колорита.

Возвращаемся к Ане. Ждать остаётся час-полтора. Подзаряжаю телефон от внешнего аккумулятора. Это замечает мужик по соседству и тоже просит

подзарядиться. Я не отказываю — ёмкости хватит. Вскоре подают наш поезд. Кажется, у нас снова последний вагон. Идём к хвосту. Билет на байдарку брать не стали — купили полноценное четвёртое место, чтобы без проблем разместить этот огромный рюкзак на полке, памятуя какая была с ним морока при заброске. Проводница, как и предыдущие, округляет слегка глаза при виде байдарки, но, увидев полноценный билет на неё, лишних вопросов не возникает.

Грузимся в числе последних, протаскивая огромный рюкзак через весь плацкартный вагон и кладем его на нижнюю боковую полку. Народ пошучивает: «Там труп?» Или: «Хороший был товарищ?». Как низко. Байдарка это полноценный член экипажа и едет на своей полке. Размещаемся, распахиваем вещи. Сами будем спать на трёх верхних полках. К счастью, соседняя боковушка пустует, и Лёня с Аней временно оккупируют её. Берём чаю у проводницы, перекусываем. Немного соскучился по разговорам, донимаю соседей историями о сплаве. Укладываемся потихоньку спать. Ноги традиционно торчат в проход... любимый нами плацкарт.

Переписываюсь с женой, пока есть связь. Смотрю фотографии, перекачанные из фотоаппарата в телефон... уже немного грустно и уже немного хочется назад, на реку. Так и должно быть. Жаль, что не прошли маршрут до конца. Но... должно же оставаться чувство некой незавершённости, иначе если всё сделать, завершить, пройти — то что потом делать?

Созвонился с братом заранее, договорился, что он встретит и поможет с байдаркой. В одиночку тягать её не сахар. Решаю ехать с байдаркой сразу в деревню. От Ярославского вокзала до Каланчёвской — пешком, там

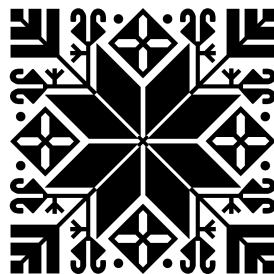
до Курского вокзала, и уже от Курского — электричкой до деревни. Неплохо.

Погода в Череповце испортилась к нашему отъезду, а в Москве жара, судя по погодным сводкам. Плацкарт утихает к половине двенадцатого, стихаем и мы на своих верхних полках. С мыслью, что скоро увижу жену и родных, проваливаюсь в сон.

Ехать нам 8 часов, поезд прибывает на Ярославский в 9:30, а там до дома уже рукой подать. Несколько раз просыпался ночью. Красочно встают перед глазами картины пережитого — перекаты на Лиди, посёлок Чагода, семафор, огромные песчаные обрывы на Чагодоще... вспоминаются пробоины, Капитанская Кружечка... как вода заливалась в химзащиту... как кабаны приходили к нам на стоянку... неожиданно полученная рыба... почти ежевечерняя стрельба из сигнала охотника... красота! Отдых удался на славу, это я могу сказать с полной уверенностью.

Поезд, тем временем, стремительно отсчитывает километры, приближая нас к Москве, а сверху спускается темень и зажигаются звёзды. Туристы-водники едут домой.

Глава 14

Возвращение

Проснулся рано и на удивление свежим. Странное явление для поезда. Плацкарт потихоньку начинал пробуждаться. Взяли снова чаю, немного перекусили. Поезд отмерял последние километры. Скоро Москва...

Приехали точно по расписанию в 9:30. Брат порадовал пунктуальностью — пришел вовремя, помог вытащить вещи из вагона. И вот, стоим мы на платформе. Ярославский вокзал. Тюки вещей. Утро. Москва. Жарко. Снимаю штормовку и подсовываю её под резинки, крепящие байдарку к тележке. Вышли мы последними снова, чтобы никому не мешать. Побрели потихоньку к вокзалу от нашего последнего вагона. Ещё на стапеле заметил, что силовой узел тележки, на которой я везу байдарку, треснул. Как бы она не развалилась вообще. Тогда, даже вдвоём, тащить этот тюк будет крайне неудобно. Шагаем, тележка разваливаться, похоже, не собирается, и вот мы уже у входа в метро.

Провожаем с братом мою бригаду — им в подземку. Наблюдаем как два огромных рюкзака, из-за которых не видать ни широкой спины Лёни, ни, тем более, Ани, неспешно скрываются в подземном переходе. Потом и сами потихонечку выдвигаемся к Каланчёвской*, где буквально на минуту опаздываем на электричку. Приходится ждать следующей полчаса, поскольку не хочу спускаться с таким тюком в метро.

Берём мороженое в ларьке. В Москве стоит жара, не то что в Череповце! В последний день там ходили тучи к вечеру, и я уж думал начнёт накрапывать. Дожидаемся электричку. Выходить на следующей — Курский вокзал. Два больших лестничных марша на вокзале и мы около горьковских электричек. Времени около половины одиннадцатого, а электричка моя в час дня только. Делать нечего, ждём.

Хотел взять брату билет провожающего, чтоб он помог прямо в вагон занести байдарку. Пошёл в кассы — везде «обед», работает лишь несколько окошек. Билет провожающего можно взять только в одном. Как водится, в него очередь и каждый что-то безумно медленно спрашивает, расспрашивает... одна касса и очередь, классика. Ладно, купил брату обычный билет до Серпа и Молота в автомате, а у меня же был проездной.

Стоим, болтаем, время тянется. Договорились, что он дожждётся, когда подадут электричку, мы затащим в вагон байдарку, а потом он поедет по своим делам. Беру себе светлого и бутерброд. Где она, моя утренняя овсянка с изюмом, курагой и орешками — такая, что ложка стоит?

*В 2022 году при реконструкции ж/д моста через Комсомольскую площадь станция была переименована в «Площадь трёх вокзалов».

В рассказах о сплаве и, конечно же, пробоинах, Капитанской Жарёхе из лисичек и прочих приключениях, время пролетает быстрее, подают электричку. Мы затаскиваем байдарку и герму в вагон, отправление через полчаса. Ещё немного болтаем, сидим, смеёмся. Электричка пока пустая. Я прохожу по вагону и открываю все окна — жарко! Брату пора идти, остаёмся только мы с байдаркой.

Дожидаюсь отправления — в открытые окна начинает немного задуть — не сильное спасение от жары. Томительные час сорок в духоте и я почти в деревне. Я успел вернуться ко Дню Рождения своей Бабушки, как и обещал. Она была очень рада меня видеть, как и все остальные. Приятно, даже после такого, казалось бы, недолгого отсутствия, вернуться домой! Домой, где тебя ждут.

Жена приезжает через день — после работы, в пятницу вечером. К этому моменту одежда моя уже отстирана от кисловатого и едкого запаха дыма, а я хорошенько пропарился в баньке. Радость от встречи огромная — не можем друг на друга насмотреться — оба соскучились! В следующий раз обязательно постараемся пойти в сплав вместе.

Остаётся совсем немного — разобрать рюкзак с байдаркой, чем я и занимаюсь. Шкура и кости байдарки по отдельности затаскиваю на чердак. Выпрямляю стрингера, сломанный шпангоут отправляется в починку.

Глава 15

Заключение и выводы

А какие могут быть выводы? Понравилось? Однозначно! Ещё пойду? Несомненно! Это, пожалуй, главное, что можно сказать. Я добился своего — осуществил свою мечту — сходил в самый настоящий поход, который организовал сам. Все невзгоды, вроде пробоин или ломоты в мышцах после пройденного километража со временем забудутся, останутся только самые яркие и светлые воспоминания — «что прошло, то будет мило». И это действительно так — вспоминаю сейчас свои прошлые сплавы — по Зилиму, Белой. Уже не имеют значения ни ломота в руках, ни то, что промок под дождём или от брызг с весла. Помнишь только ощущение бесконечного простора, вкус пьянящей свободы, чувство единения с природой, дым костра, атмосферу похода...

Чувства, с которыми я вернулся из этого сплава просто не изложить на бумаге. Возможно впервые в жизни я почувствовал в себе не просто некую

уверенность, а именно *силу*. Силу человека-первопроходца, путешественника, первооткрывателя. Эмоциональный подъём был колоссальный. Вероятно это чувствовали варяги, викинги, вылезая из своих драккаров по возвращению домой из удачного похода... Словом, я правда вернулся другим человеком. Человеком, вкусившим чувство безграничной первобытной свободы, отсылающее в самую глубину веков...

Выводы, в целом, по нашему сплаву можно сделать такие:

1. По маршруту:

- Лидь неширокая, красивая, местами даже быстрая в августе речка. Имеются, вопреки отчетам, перекаты и шиверы на участке от Заборья до устья. При неумелом прохождении шивер и малой воде — пробиться очень легко. Шкура для данного маршрута должна быть с хорошими леями однозначно. Под кильсон и штевни лучше подкладывать куски туристического коврика — хуже не будет точно. Заманчиво начинать с верховьев Лиди, но для этого требуется заброска автотранспортом в район д. Радогощь.
- Чагода — слишком мал участок её, по которому мы шли, чтобы оценить реку в полном объёме. Она, несомненно, шире, чем Лидь, течение замедляется, чаще начинают попадаться островки посреди реки. Вставать на них с ночёвкой, как пишут в некоторых отчётах, можно с большой натяжкой. При малой воде в устье Лиди и сразу после него в Чагоде имеются перекаты.
- Чагодоша — красавица река! Широкая, местами мелкая, быстрая под берегами. Характер берегов

после Залозно изумительный, с шикарным меандрированием. Высокие песчаные обрывы с сосновыми борами наверху и протяженные мели с кустарником никого не оставят равнодушным! Стоянок достаточно, есть и со столиками, скамьями.

2. По заброске/выброске:

- Заранее узнавать телефоны водителей, которые помогут со стапелем/антистапелем, если это требуется. Однако, как показывает практика, можно найти всё и на месте.
- Байдарку по новым правилам теперь можно провозить в поезде совершенно легально, заплатив как за багаж весом 30 кг (по состоянию на 2015 год). При возможности, лучше разделить упаковку с байдаркой на 2 части — так будет проще размещаться в поезде и другом транспорте.
- Закладывать больше времени на стапель и антистапель — километраж на эти дни планировать минимальный.

3. По экипажам:

- С особой тщательностью следует подбирать экипажи и только в самых крайних случаях идти с малознакомыми людьми. Про незнакомых я вообще молчу — этого, по возможности, следует избегать. Исключение — всякие коммерческие сплавы.
- На трёхместных байдарках физически сильных гребцов следует размещать на корме и носу — так проще управлять байдаркой и совершать маневрирование.

4. По снаряжению:

- Клей и заплатки — брать! Конечно, это был мой первый сплав на байдарке и я толком не знал её «предела прочности», но всё равно — в случае чего ремкомплект должен быть, что называется, «на все случаи жизни» — помимо заплаток и клея можно взять гвозди, проволоку, верёвки и т.д.
- На случай встречи с дикими зверями лучше, конечно, иметь в команде охотника, но наиболее распространённый способ решения данного вопроса — фальшфейеры и патроны «сигнал охотника».
- Лишние вещи — будут, причём как свои, так и других членов экипажа. Стоит относиться к этому, как к неизбежности.
- Равномерно распределять групповое снаряжение между членами как одного экипажа, так и между экипажами, если это требуется (котелки, топоры).
- Снаряжение, обувь, одежда, палатка — хорошо, если это всё не новое и не дорогое — не жалко порвать о сучья при заготовке дров, испачкать в сосновой смоле или получить прожжённую дырочку от искры костра.

На этом позволю себе закончить повествование о замечательном и увлекательном, полном экстрима приключении на реках Лидь, Чагода, Чагодоша. Я честно постарался изложить как можно подробнее не только наш маршрут и места стоянок, но и свои личные впечатления и переживания. Сплав, без всяких сомнений, доставил мне и экипажу массу удовольствия. Мы побывали

вдали от цивилизации, отвлеклись от городской суеты и обыденности. Это имеет огромную цену! Кроме того, оказавшись дома, я понял, что открыл своё место силы, свой источник жизни, свой край — край Верхней Волги.

С надеждой и рвением смотрю я на рюкзак с байдаркой, лежащий на чердаке. На какую реку пойдём в следующем году? Песь?

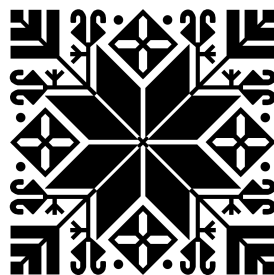
КОНЕЦ

© Соболев А.А., Москва, 27.08.2015
ред. 17.11.2019, 30.08.2022

Часть II

**Горюн—Чагода—Чагодоца
2016**

В повести рассказывается о первом сплаве автора во главе флотилии из трёх байдарок. Маршрут, немного измененный с предыдущего сплава, снова приносит туристам атмосферу уединения и множество других приключений. Пройдя по участку Тихвинской водной системы, путешественники побывают, возможно, в одних из самых заброшенных закоулках на стыке Ленинградской и Вологодской областей, в местах, где при археологических раскопках были найдены стоянки древних охотников эпохи мезолита.

Глава 1

Тихвинская водная система

*А мы привратнику кричим: «Откройте двери,
На нас там занято!» Но нам швейцар не верит.
Открыл и пузом отодвинул он Алёшу:
«А ты, мол, вовсе, ты уже хороший!»*

Александр Дольский,
«Воскресный выходной»

Странное явление или состояние. Сродни какой-то мании. По моему убеждению — это неизлечимое. Можно, конечно, на какой-то период заглушить в себе тягу к водным путешествиям, но стоит только не удержаться — взять и открыть топографическую карту... всё, пропал для окружающего мира. Снова из глубин сознания достаются воспоминания о пройденных маршрутах, дым костра, крутые берега с сосновыми борами, зов чего-то первобытного манит на реку, как Маугли в джунгли.

Хочется выйти на улицу, оглянуться, чтобы никто не видел, и бежать, бежать, бежать, убежать от всей обыденности окружающей действительности, от всего привычного убежать — на реку, в бескрайние леса Вологодчины, где только ты, река и байдарка. Ощутить себя шкипером, командором, Адмиралом флотилии, представить, что чувствовали Френсис Дрейк и Америго Веспуччи, если бы они ходили по рекам. . .

Так и случилось в очередной раз в 2016 году. Ещё с прошлого года меня гложил тот факт, что я не прошёл маршрут по Чагодоще до конца. А ведь там, в конце маршрута, должны были быть пороги, аж 3 штуки. Пороги я ни разу ещё не проходил в своём сплавном опыте. И не важно, что в найденных отчётах об этих порогах ни слова, на старой-то карте они есть! А очарование старых советских топокарт манит меня необъяснимо. Решено было всё-таки пройти их, эти 3 порога — Горынь, Буг и Вяльскую Грядку. Стало быть, снова собираемся на Чагодощу!

Опять же, в 2015 году, Главный Идеолог сплава — Сергей Юрьевич (далее по тексту — С.Ю.), мой начальник, наш 4-й член экипажа, не смог пойти. Хотя именно он и стал первопричиной нового слова в моих водных путешествиях, рассказав в подробностях о байдарочных сплавах. До этого я ходил только на катамаранах в Башкирии. Именно по совету С.Ю. была приобретена старая байдарка «Таймень», двускатная палатка, изготовлены костровые крючки и приспособления, спецчехол для топора, а также разные другие полезные мелочи. Его рассказы внесли, безусловно, неоценимый вклад в само становление идеи «дикого» байдарочного сплава. Сколько раз мы обсуждали реки, заброску и выброску, снаряжение, его и мои прошлые походы — просто не счесть. Не торопясь, во время перерывов,

попивая чай из термосов, устроившись в креслах поудобнее, мы обговаривали маршруты, способы заброски, и вообще всё то, что касается темы сплавов.

Итак, на этот раз всё должно было сложиться. Маршрут, в общих чертах обговоренный ещё год назад, Два Капитана — С.Ю. и я, а также три порога. Заноза странствий, засевавшая в мозгу, начала давать о себе знать уже поздней осенью, а весной 2016 года стали детально прорабатывать наше будущее путешествие. Хотели сразу начать с реки Чагоды — от села Усадище. Но добраться туда не так легко, как на Лидь — железной дороги рядом нет. А забрасываться хотели, естественно, поездом — как же родимый плацкарт без нас?

Попутно читали отчеты о Тихвинской водной системе, проходившей на стыке Ленинградской и Вологодской областей по рекам Соминка, Горюн, Чагода, Чагодоща и дальше по Мологе. Маршрут этот сейчас представляется достаточно сложным по причине падения уровня воды, огромного количества разрушенных плузов и, как следствие, обносов.

Мне хотелось не просто мысленно поставить себе галочку — «Я прошел по древней Тихвинской водной системе», но и посмотреть, что осталось от плузов. Незаметно для себя, мы с С.Ю. свыклись с мыслью, что стартовать надо от берега Вожанского озера и идти дальше по Горюну, минуя 3 плуза этой самой Тихвинской водной системы, потом впасть в Чагоду, далее в Чагодощу, а закончить как мы и хотели год назад при нашей подготовке к первому совместному сплаву — в селе Лентьево, под мостом трассы А-114. И если в 2015-м С.Ю. не смог пойти с нами, то в этом году мы надеялись, что всё сложится как надо.

Тихвинская система, запущенная в 1811 году, к 1916 году насчитывала 62 шлюза. Шестьдесят. Два. Шлюза. Что-то невообразимое! Конечно, не все из них были чем-то выдающимся в инженерном плане, поскольку поначалу все плотины и шлюзы были деревянными, но надо отдать должное нашим предкам — пока не была построена Николаевская железная дорога, именно Тихвинская водная система была кратчайшем путём товарного сообщения Санкт-Петербурга с Мологой и Рыбинском. Более того, двусторонним путём. Потому что, скажем, Вышневолоцкая водная система этого не обеспечивала, поскольку пороги на Мсте против течения было не пройти. Сейчас, конечно, это всё уже не актуально — есть и железные дороги, есть автотрассы, авиасообщение наконец. Но тогда, в XIX веке, Тихвинский водный путь можно было считать настоящим прорывом.

Найденные нами фотокарточки XIX века наглядно показывали масштаб и размах, с которым эта водная система была построена. Шутка ли, создать не просто такое количество шлюзов, но и обеспечить их всей сопутствующей инфраструктурой. Черно-белые с коричневатым оттенком ретро фотографии позволяли очень хорошо прочувствовать атмосферу этого строительства, перенестись во времени и мысленно там побывать... оставалось только всё спланировать и оказаться в тех краях лично, чтобы вдохнуть полной грудью воздух родных просторов и ощутить себя немного причастным к истории.

Читая о Тихвинской водной системе, находили несколько отчётов и фото с весенних сплавов. Даже по весенней высокой воде некоторые шлюзы выше села Сомино требовали обноса. Обноситься в первые же дни мне очень не хотелось, поэтому-то мы и решили компромиссно

начать с Вожанского озера, чтобы избежать многочисленных обносов. Может быть, конечно, и зря — интересно было бы пройти маршрут, скажем, от Ефимовского. И тогда можно было бы заброситься поездом... но это еще плюс 60–70 километров к маршруту. У Ефимовского река должна быть уже и камернее, но и мельче при этом. Причём узнать уровень воды мы заранее никак не могли — все водомерные посты канули в лету, а играть в такую своеобразную рулетку не было желания. Поэтому окончательно решили идти от Вожанского озера.

На этот раз я заполучил отличный туристический GPS¹ навигатор с цветным дисплеем и полноценными картами. В прошлом сплаве у меня был довольно простенький навигатор без карты, а только с маршрутными точками, соединенными прямыми отрезками. Новый же аппарат был замечателен — цветной дисплей, питание от двух батареек АА, поддержка не только системы GPS, но и отечественной ГЛОНАСС². Я умудрился записать в этот навигатор свои собственные многослойные карты, подготовленные на основе старых топокарт и спутниковых снимков. Прибор, что ни говори, был замечателен. С.Ю., правда, подшучивал — мол, зачем он и куда мы денемся с реки в сторону? Но я, понятно, прибор всё равно взял с собой вместе с запасом батареек, предварительно записав в него наш маршрут.

Таким образом, с маршрутом было всё понятно — идём покорять Тихвинскую водную систему! Оставалось собрать команду...

¹Global Positioning System — спутниковая система навигации.

²ГЛОбальная НАвигационная Спутниковая Система — отечественная спутниковая система навигации.

Глава 2

Команда

С командой всегда, увы, проблемы. Народ нынче очень любит комфорт. «Где мой утренний кофе в постель?» — это про них. А также простое непонимание, зачем всё это нужно, если есть «нормальный» отдых, например на курорте, лучше если заграничном. Действительно, зачем? Это вопрос из разряда — если вы не понимаете, то объяснить это практически невозможно.

Я ни в коем разе не отрицаю комфорта ленно-пляжного отдыха и тоже не против так отдохнуть, что периодически и делаю на радость жене, но... сплав почему-то оставляет в душе больше впечатлений и ярких красок. Почему? Может всё дело в той безграничной свободе, ощущение которой появляется вдали от людей, а может дело в самой удалённости от людей. А может в «дикости»? Человек — человеку, как известно, зверь. Как бы ни хотели привить нам обратного, но по природе своей человек — индивидуалист и может кооперироваться с другими только

ради достижения определенных целей. Соответственно, чем сильнее развито общество, тем выше степень кооперации, выше потребность в сплочённых действиях, и выше, стало быть, плотность населения. Плотность, которая порой так утомляет нас. Забитый транспорт — автобусы, электрички, метро, автотрассы. Осознаёшь, что по-другому жить уже, скорее всего, никогда не получится — чёртова цивилизация всё равно возьмет своё.

Человек слишком отдалился от природы, причём настолько, что часто утратил всякую в ней потребность — нас поглотили «каменные джунгли». И сбежать от всего этого в дикую природу, пусть на неделю и полностью экипированным, для некоторых уже проблема, хотя, казалось бы — чего в этом такого? Не отрицаю, можно «сбежать» и на необитаемый остров посреди Индийского, например, океана, и чтобы там было «всё включено» — вопрос только в средствах. И людей там тоже не будет в диком количестве, зато шик, блеск, красота. Однако, вопрос стоимости этого мероприятия мы тут обсуждать не будем... а байдарка и палатка же — это единственные дорогостоящие необходимые вещи для сплава (но, хочу заметить — многоразового использования!). Остальное худо-бедно можно собрать и наскрести. И в этом что-то есть.

Сплав обходится значительно дешевле по средствам, если уже имеется хотя бы часть снаряжения... но только ли всё дело в отсутствии необходимого количества денег? Когда под рукой есть любое снаряжение, любая вещь и куча возможностей — это, не спорю, хорошо и классно, но... немного скучно. А когда ты сам сделал оттяжки для тента или навеса, модернизировал или даже сам сшил палатку, сам изготовил чехлы или какое-то другое снаряжение — это и есть то самое состояние, когда ты

понимаешь — а вот так вот, хе-хе! — и никому за это не заплатил! Фиг вам всем, проклятые капиталисты! Горите в аду, дяди Сэмы, продающие палатки по цене, равной половине и выше зарплаты инженера. И не надо тут говорить, что это проблема зарплаты инженера, а не стоимости палатки!!! Ни капли не заплачу лишнего — хватит вам всяких налогов на недвижимость и движимость и прочих идиотских правил вашего идиотского и проклятого капиталистического мира! Да здравствует свобода! К чёрту все правила, к чёрту идеологию общества потребления, к чёрту цивилизацию, к чёрту всё! Есть только река, ты, байдарка и больше ничего не отделяет тебя от первобытности и естества! Ах-ха-ха!

Да, скорее так — всё дело в огромном количестве людей в больших городах и идиотских правилах нашей повседневной жизни, к которым мы привыкли и не замечаем их, а также в этой поганой атмосфере мирового капитализма и общества потребления. И когда ты можешь сбросить с себя оковы цивилизации, оковы большого города и прочей требухи — хотя бы на время — это бесценно. Это сродни тем детским моим впечатлениям от беспечного нахождения летом в деревне за 100 километров от Москвы — там, где, казалось, время остановилось, где плохо с электричеством, а телевизор ловит пару программ. Но зато вокруг бескрайние хвойные сосновые леса, по которым носишься на велосипеде и открываешь всё новые и новые лесные тропы...

Вообще, говоря о сплавах, не надо думать об этом действе как о чём-то безумном и из ряда вон выходящем в плане отсутствия обычных комфортных нам условий жизни. Кофе с утра сварить-таки можно. Следует понимать, что группа берёт с собой всё необходимое не только для выживания в дикой природе, но и комфортного размещения — иначе зачем всё вот это вот? И чем

больше группа, тем больше она может позволить себе взять бытовых предметов, создающих этот комфорт. Например, сюда можно отнести такие вещи как складные стулья или даже складной стол, большой тент от дождя, комфортный надувной матрас для сна на каждого члена группы и т.д. Словом, организовать себе комфортные условия — дело достаточно простое и нехитрое, главное было бы желание.

Люди в сплав конечно должны братья проверенные и лучше не первый год друг с другом знакомые. Это не те «чужие» из автобусов, электричек, метро, а «свои». «Своим» можно многое простить, а они, в свою очередь, могут многое простить тебе. Но самое главное — ты в них уверен. «Своих» в группе должно быть большинство и тогда проблем не будет. Но вот собрать, сколотить такую команду «своих» — это всегда проблематично. Поэтому приходится идти на уступки, и в ход идут «знакомые» и «знакомые знакомых» и «знакомые знакомых знакомых»... Впрочем, при должной подготовке всех и каждого, такой вариант, как показала практика, тоже оказывается приемлемым.

На этот раз команду стали собирать сильно заранее — ранней весной. Однокурсник С.Ю., Владимир, выразил желание пойти вместе с женой. На работе откликнулся Паша, хотевший ещё с прошлого года пойти с нами. Итого получалось пятеро человек, но вербовка не останавливалась. К концу весны стало понятно, что Владимир прибавляет нам ещё двоих — Дмитрия с сыном-первоклассником Ваней.

Я тоже долго агитировал всевозможных знакомых, но откликнулся только один товарищ по институту — Геннадич. Он, как и я, работает по специальности. Правда специализации у нас разные — у него биомедицинские аппараты и системы. Кроме того, Геннадич играет на бас-гитаре, а музыкант в команде

это всегда большу-у-ущий плюс. Кто, как не менестрель, скрасит погодные условия напевами и тронет сердца туристов-водников своими аккордами?

С Геннадичем мы встретились в пивной на Савёловской и обсудили предстоящее мероприятие. Мне показалось, что его душевный настрой в ту весну требовал чего-то такого непонятного и неизведанного, чем для него стал предложенный мной сплав. Таким образом, сложилось полное совпадение интересов, что не могло не радовать. Ещё Геннадич обещал взять с собой губную гармошку — и тут я понял, что всё идет как надо! Кроме того, за него я был спокоен — хоть мы и не учились бок о бок в одной группе, но достаточно часто пересекались во время учебы и я знал, что Геннадич — тот человек, который не подведёт в трудной ситуации.

Предстояло закупить продовольствие на всю команду. Традиционно заранее мной была произведена контрольная закупка тушёнки — на продовольственной базе в Перово. Меня постигло большое разочарование — белорусская тушёнка прошлогодней марки испортилась, а отечественные образцы вообще оказались кошмарными. В итоге, перепробовав сортов 6–7, остановились на белорусской тушёнке жлобинского комбината. В выходные Геннадич встретил нас с С.Ю. в Новокосино на машине и мы отправились в Перово — закупили ящик говяжьей и банок десять свиной тушёнки, а также кое-какие мелочи. Остальные продукты на всю команду решили организованно закупить в крупном магазине в Реутово, поскольку на продбазе отпускали только оптом, что многовато для нашей небольшой команды.

А команда наша получалась из восьми человек — предельное, на мой взгляд, количество народа, когда

кончается порядок и начинается хаос, судя по моему сплаву по реке Белой. Командиром, то есть Адмиралом флотилии, С.Ю. выдвинул меня, хотя, конечно, он сам больше подходил на эту роль, но предпочел остаться «серым кардиналом». Вообще, можно назначать при большом количестве народа должности каждому — повар, костровой, медик, хронометрист, фотограф и т.д., что часто предлагают в туристической литературе. Когда я начинал свою сплавную деятельность на катамаранах — такого у меня не было. Поэтому лично я против такого чёткого, армейского что ли, разделения. Я считал и считаю правильным придерживаться следующей стратегии — главный идеолог мероприятия становится предводителем — Адмиралом [Квадригин(1985)]. Если идеологов несколько — то они между собой договариваются, кто будет Адмиралом, а остальные из них становятся, как правило, Капитанами байдарок и к ним, волей-неволей, все-таки должен прислушиваться Адмирал. Но последнее слово, безусловно, за ним — Адмирал должен принимать решение: оставаться на стоянку или плыть дальше, делать или не делать днёвку и т.д. — решать глобальные вопросы по прохождению маршрута, учитывая при этом силы и возможности экипажей.

Хронометрист и Фотограф в сплаве — это может быть любой и каждый по своему желанию, но у Адмирала хронометраж должен быть под контролем обязательно, чтобы точно знать ответ на вопрос: «Сколько нам ещё осталось до стоянки?», потому что шуточки в стиле «пока грести можешь» плохо воспринимаются экипажами после многочасовой гребли под нехоти начавшимся летним и не всегда тёплым в северных широтах проливным дождём.

Медик конечно тоже желателен, аптечка обязательно должна присутствовать. Геннадича я как раз определил

Медиком — зря что ли «Биомедицинские аппараты и системы»? К сбору аптечки он подошёл очень основательно, до предела набив специальный подсумок всевозможными лекарственными средствами.

Должность Завхоза мы поделили с С.Ю. на двоих, составив список снаряжения и продовольствия. Остальные хозяйственные должности вроде Кострового и Повара распределяли между всеми по-очереди на добровольных началах, а также учитывая возможности и способности каждого.

Помимо адмиральской и разных хозяйственных, есть ещё флотские должности на каждой байдарке — Капитан и Матрос. Капитан в байдарке обычно более опытный и сидит на корме, а Матрос спереди. При прохождении порогов некоторые авторы туристической литературы советуют Капитану поменяться местом с Матросом и сесть вперёд — так лучше видно воду, пороги собственно, да и Матросу не так страшно. Не знаю насколько это верно, потому что выгребать, исправляя курс байдарки, лучше всё-таки сидя на корме, да и серьёзных порогов пока что проходить не доводилось. У нас же жёстких порогов на маршруте не планировалось, так что посадка у всех была снова классическая.

Со средствами сплава на этот раз получалось так: у меня — «Таймень» либо двушка, либо трёшка с ПВХ «шкурой», у С.Ю. — каркасно-надувная байдарка «Гарпун-2», а остальные хотели взять напрокат тоже что-нибудь каркасно-надувное. После прошлогоднего сплава мне пришлось починить лопнувший второй шпангоут, наложив на него две шины из полуторамиллиметровой стали и усилив буковой вставкой, ибо новый покупать выходило 6000 руб.(!), выпрямить пару погнутых стрингеров

и всё — можно идти. «Гарпун-2» ждал своего часа целый год — представляю, как хотелось С.Ю. быстрее опробовать его в деле! Насчёт других экипажей мы не волновались — они заверили, что сами разберутся с прокатом необходимого снаряжения.

И конечно снова не обошлось без Закона «Кто-то не сможет пойти». Владимир с женой выбыли из списка нашей команды буквально за пару дней до старта, когда уже были закуплены продукты и подготовка была фактически окончена. Но что поделать — такова Жизнь и Законы Сплава. Моя жена тоже не смогла пойти со мной в этот раз — снова не удалось совместить наши отпуска по датам. . . я был расстроен. Но зато ей удалось съездить на юг к морю — позагорать и пропитаться солёным морским воздухом, что также немаловажно. А мне так хотелось, чтобы она тоже увидела собственными глазами эти песчаные косы и обрывы, пронеслась со мной по водным просторам. . . но что поделать, придётся снова надеяться, что мы наверстаем это в следующий раз.

Таким образом, наша команда представляла собой следующее:

1. «Таймень-2»: Я в качестве Адмирала эскадры, Геннадич — мой Старпом и Медик команды.
2. «Гарпун-2»: Сергей Юрьевич — Капитан байдарки, Паша — наш Рыбак (потому что не только взял удочку, но и умеет ловить рыбу) и Матрос С.Ю.
3. «Шуя-2»: Дима в качестве Капитана байдарки и его сын Ваня в роли Юнги.

Глава 3

Приготовления

Необходимо было собрать снаряжение, а точнее переправить его из деревни в Москву. Хорошо, что всё необходимое у меня уже есть с прошлых сплавов — байдарка, палатка, штормовка, бахилы химзащиты вместо сапог, сапёрная лопатка, двуручная пила, котелки, костровые крючки, фляги, тент от дождя, гермы и разные другие полезные мелочи. В этом году только прикупил надувной матрас и налобный фонарик, поскольку старый пал смертью храбрых, просто перестав работать на ровном месте. Хотел ещё купить складной полноразмерный стул с подлокотниками, но его размеры в сложенном состоянии меня как-то совсем не впечатлили, поэтому решил довольствоваться, как и прежде, маленьким раскладным стульчиком.

Итак, комплект костей и шкура «Таймени-2» были переправлены из деревни в город и заботливо разложены по комнате под негодование жены насчёт всего этого «хлама».

Собственно, вот и вся подготовка. За снаряжение в этом году я был спокоен, а прикупив ещё 3 (три!) пузырька клея и пачку заплаток для ПВХ шкуры байдарки на всякий случай, успокоился совсем. Пусть будут! Не хочу «попасть» с пробоинами так, как «попал» в прошлом году на Лиди. До сих пор помню свой шок от десяти пробоин в один день!

Геннадичу и Паше я дал свой список снаряжения, с С.Ю. мы всё обговорили устно, а наш третий экипаж собирался самостоятельно, что несколько беспокоило меня, но я решил ничего не предпринимать — всё, что они лишнего возьмут с собой, повезут на своей же байдарке. По снаряжению было требование, чтобы вещи на одного человека влезали в один гермомешок, который в байдарке будет в качестве сидения.

Параллельно со сбором снаряжения, прорабатывался вопрос заброски на маршрут. Первоначально планировали сделать как при забросе на Лидь в прошлом году — добраться поездом до Череповца, там закупиться продуктами, сесть на Архангельский поезд и рвануть уже не до Заборья, а до Ефимовского, что чуть дальше. Там в Ефимовском взять машину и доехать до Вожанского озера, на берегу которого решили устроить стапель.

Был и альтернативный вариант заброски через Волхов — также на поезде, но с пересадкой на электричку(!), которая стоит на станции пересадки всего одну минуту(!) и, вдобавок, имеет неизвестно сколько вагонов(!!!) с неизвестно какой наполненностью местными дачниками(!!!!). Такой вариант был чрезвычайно авантюрным и я бы согласился на него, если бы шёл как в прошлом году — одной байдаркой. Но в этом году всё иначе — команда у нас разношёрстная, есть ребенок, да и, чего уж там, хотелось чего-то более определенного. А то вдруг отменят электричку

или не сможем в неё впихнуться и застрянем в Волхове... а это довольно далеко от стапеля.

Короче говоря, этот чрезвычайно заманчивый своей авантюристкой вариант я оставил про запас и мы, с подачи Владимира, который на тот момент ещё был в списках команды, стали искать микроавтобус для заброски. Немного с шиком, так сказать. В пересчете на одного человека заброска выходила не намного дороже, чем поездами, зато комфорта несравненно больше — заберут прямо от дома и привезут к реке — красота! Выбрасываться с маршрута также решили микроавтобусом. Поиск машины мы С.Ю. взяли на себя.

Последний месяц перед отплытием проходил плохо — мне всё казалось что я чего-то не учёл, чего-то забыл. Потом, когда мы закупили продукты и договорились с водителем о заброске, стало полегче. Но все же дни до стапеля были мучением — я себе места не мог найти — хотел быстрее вырваться на природу, оторваться от привычной жизни. Сутками просматривал карты, спутниковые снимки маршрута... почему так? Может потому, что я не умею как следует отдыхать. Я имею в виду отдыхать в обычной жизни. Всё хочется мне чего-то такого... дикого и первобытного — требующего полного отречения от привычного и перестройки мышления. Хочется полного, полноценного, полнейшего очищения сознания от тяготящего и окружающего города. Неужели так не устраивает меня моя жизнь? Вроде взглянешь на неё — всё хорошо. Но стоит только начать копаться... останавливаешься и говоришь себе:

— Хватит, надо жить дальше.

И живёшь. Точнее — существуешь от похода до похода.

А заноза странствий сидит в мозгу и давит, давит, давит, требует своего:

— Рвани в кругосветку, да под парусом!...

— Но... — пытаешься было возразить ты занозе.

— ПОД. ПА-РУ-СОМ!...

Жалею сейчас, что книга «Практика вольных путешествий» [Кротов(2015)], не попала в мои руки раньше, скажем в институте. Сколько я бы мог совершить этих вольных путешествий во время летних каникул... А что — сдал сессию и свободен как птица в небесах. Но не такой я человек, чтобы ездить зайцем в товарных поездах, бегать от охранников и перемещаться по стране автостопом, неизвестно где ночуя (кто знаком с ранним творчеством Кротова — поймёт о чём это). Это сейчас я бы мог спланировать что-то подобное, уже имея за плечами опыт организации сплавов, но... момент, кажется, упущен. Это всё хорошо в пору безрассудной студенческой молодости, увы.

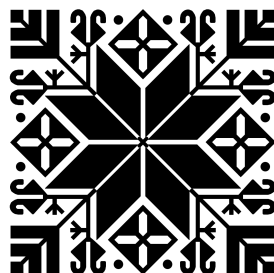
Помню, в детстве моими любимыми томами в Советской Детской Энциклопедии [ДЭ(1965)] были том 1 и том 5 — «Земля» и «Техника» соответственно. В первом меня привлекали статьи о климате и погоде, о природе и картографии, о походах и великих путешественниках. Во втором мне нравилось решительно всё — всё, что было связано с техникой — машины и поезда, самолёты и вертолёт, корабли и подводные лодки, всевозможные станки, механизмы, аппараты. Так оно примерно и сложилось по жизни — образование и профессия технические, а тянет меня постоянно на природу, в глушь. И этот природный зов приходится удовлетворять такими вот, казалось бы с одной стороны, «дикими» сплавами по водным просторам нашей необъятной Родины.

Как бы там ни было, к заброске и путешествию мы подготовились основательно. Оставалось только мучительно пережить последнюю рабочую пятницу на работе. За сутки до моего отъезда вернулась с юга жена. Мы хорошенько позастольничали в выходные всей семьёй — отметили не только приезд загорелых отдыхающих с юга, но и мой предстоящий сплав.

Конечно жалко, что на такой короткий срок удалось свидеться с женой после её возвращения с юга, но... заноза странствий страшная штука — она зовёт в путь! Скорее! На просторы! Я ждал этого всю долгую осень, всю снежную зиму и зелёную весну! Ветер расправляет паруса, рука уже тянется к веслу, а взгляд затуманен в предвкушении безграничной пьянящей свободы!

И вот, наконец, свершилось то, «о необходимости чего всё время говорили большевики» [Ленин(1974)] — в ночь с воскресенья 31 июля на понедельник 1 августа наша команда выехала из Москвы навстречу приключениям!

Глава 4

Заброска микроавтобусом

Водитель на микроавтобусе приехал вовремя, к 18:30, как и договаривались. Я, уже расхаживающий в нетерпении по квартире и облачённый в штормовку, рванул таскать вещи к лифту. Тёща и тесть, гостившие у нас, бросились помогать. Жена тоже включилась в процесс.

Спустя минут 15 вещи были загружены, и я, попрощавшись, уселся рядом с водителем спереди. Выежаем! Микроавтобус понёсся вдаль — собирать остальную команду. Какие-то личные душевные переживания пришлось мигом отложить в сторону, поскольку теперь я — Адмирал Сплава, а Адмирал должен быть выше личных переживаний, поскольку скоро под моим началом будет ещё 2 байдарки помимо моей собственной. Тем временем встретились с Геннадичем. У него из личных вещей был один гермомешок и палатка, что очень радовало, потому что я вспоминал горы вещей,

наваленных в байдарку в прошлогоднем сплаве. . . тут такого явно уже не предвиделось.

Далее должны были забрать С.Ю. и Пашу. Завернув во двор, мы почти сразу их увидели. Их байдарка была упакована в не очень большой рюкзак, а вещи в небольшие сумки. С.Ю. и Паша, как и обещали, взяли собой несколько удочек. Мы быстро погрузили их снаряжение и помчались по вечерней Москве, забирать Диму и Ваню. Въехать во двор их сталинки оказалось легче, чем развернуться там и выехать обратно — водителю пришлось делать это очень аккуратно и в несколько приёмов. У Димы и Вани оказалось три больших гермомешка и ещё немного сумок по мелочи. Я мысленно представлял, как это всё влезет, вернее, НЕ влезет в их надувную байдарку. . . ведь в памяти у старшего поколения сидит ассоциация байдарки с «Салютом» или «Тайменем» советского производства, где места гораздо больше, а тут всё-таки КНБ* и пространства в ней. . . откровенно говоря катастрофически мало.

Задние ряды микроавтобуса все оказались завалены тюками со снаряжением. Я ходил около открытых задних дверей авто и недоумевал, откуда столько взялось вещей. С.Ю., увидев мою растерянность, пошучивал: «Лишнее сожжём!». Я не разделял столь радикального подхода и предлагал лучше что-нибудь не брать. . . В итоге, конечно, всё взяли с собой.

Супруга Димы весело провожала нас и желала хорошо отдохнуть. В голове у меня промелькнуло — как-то она очень легко провожает мужа и ребёнка на такое, вообще говоря, рискованное мероприятие. Совершенно не волнуется

*Каркасно-надувная байдарка

и не переживает, по крайней мере внешне. Позже я понял почему — для неё ж это тоже отдых — Ваня оказался бойким любознательным первоклашкой из разряда «хочу всё знать». Но это даже хорошо — наше путешествие оставит в его памяти наверняка очень яркий след, и он сможет во втором классе хвастаться, что ходил с мужиками в настоящий сплав, и рассказывать всякие небылицы. Я завидовал ему белой завистью — в моём детстве таких приключений не было... может потому-то я это всё навёрстываю сейчас, да так, что не могу остановиться? Мне так всегда хотелось уйти в такой отрыв на природу — чтобы был костёр, палатка на берегу реки, глубокое ночное небо сверху и миллиарды звёзд, отчуждение от города, наконец. А это никогда не получалось. Впрочем, я отвлёкся...

Погрузившись, мы окончательно стартовали и взяли курс на Вожанское озеро. Заброска в ночь. Романтика дороги! По моим расчётам, на месте мы должны были быть к 5–6 часам утра. Экипажи расселись в салоне, откинулись в креслах и уже при выезде из Москвы послышался чей-то раскатистый храп.

Я же расположился на переднем сиденье рядом с водителем, разложив сбоку планшет (в старом понимании этого слова!) с картами (бумажными!!) и GPS (на всякий случай!!!). Оказалось, что переднее сиденье у этого микроавтобуса двоянное и назад не откидывается, поэтому поспать с комфортом у меня не выйдет. Ну ничего, переживу как-нибудь.

Выбирались из Москвы долго. Из-за того, что я сел спереди, потрепаться с командой не вышло. Команда же, в свою очередь, перезнакомилась, поболтала и вскоре задремала под звуки радио. У меня был припасён термос с чаем — я собирался как можно дольше не спать и на всякий

случай поддерживать беседу с водителем, чтобы того вдруг не одолел сон.

Вырвавшись из вечерней Москвы, объётой кошмарными пробками, мы долетели по Ленинградскому шоссе до Твери и свернули на Бежецк. Объездная дорога осталась при подъезде к Твери слева. Мы же проехали вдоль Волги, к бассейну которой относятся реки, по которым нам предстоит сплавиться. Тверь почему-то ничем не запомнилась, кроме как мостом через Волгу.

Дальше предстояло добраться до Бежецка. Дорога была нормальной, ехали быстро. Чай в термосе постепенно убавлялся, а за окном тёмная августовская ночь спускалась с небес. В Бежецке пересекли реку Мологу. После Красного Холма свернули налево — на Устюжну через Молоково... как оказалось, это было большой ошибкой — навигатор, который нас так повёл, не учитывал, видимо, что класс дороги тут на порядок ниже, чем через Вёсьегонск по трассе Р-84. Через Вёсьегонск хоть и дальше на несколько километров, но, наверное, по более менее нормальной трассе, думалось мне — я этот момент упустил при подготовке заброски и теперь проклинал себя на чём свет стоит.

В итоге, после Молоково, дорога стала не просто ужасной, а кошмарной*. Временами мы ехали всего лишь 20–30 км/ч (!!!) — выбоины были такими, как будто тут только что отбомбилось всё чёртово Люфтваффе и ВВС США! И это, на минуточку, даже меньше чем в 500 километрах от Москвы. Я ехал и чертыхался, но ничего поделать, понятно, было уже нельзя. Не возвращаться

*примечание от 2017 года — дорога через Вёсьегонск на Устюжну ещё хуже — она грунтово-гравийная в реальности, так что из двух зол мы выбрали меньшее, хоть и думали наоборот. В районе Вёсьегонска состояние дорог на 2017 год очень плохое.

же обратно на дорогу через Вёсёгонск. Так и ехали потихонечку...

Бригада моя, на удивление, даже не проснулась от дикой тряски и мирно посапывала в креслах. Меня тоже клонило в сон, но термос с чаем очень здорово выручал. Встречались участки со свежеположенным асфальтом. Кусками. Метров по 50–100. Подумалось — если проехали такие ухабы ужасные, то до чего должно было быть всё разбито на тех залатанных участках, если там соизволили положить новый асфальт...

Где-то на отрезке Тверь — Красный Холм я всё-таки провалился ненадолго в сон. Потом, очнувшись и ободрившись чаем, сверился с картой и расчетом времени. Получалось, что к стапелю прибудем очень рано — часам к четырём. Но это даже хорошо — будет время нормально собрать байдарки, не спеша всё погрузить и не гнаться за рекордами в первый ходовой день, поскольку состояние своё после ночной заброски тоже надо оценивать правильно — мы будем как минимум вялыми и сонными.

Тем временем, мы пересекли железнодорожную ветку Пестово — Сонково Савёловского хода Московской железной дороги и миновали Сандово. К 2000-м годам пассажирское движение на этой ветке окончательно заглохло, существенно затруднив железнодорожный заброс сплавщиков в бассейн Верхней Волги. А ведь ещё с детства сидят в голове строки из тома номер 5 Советской Детской Энциклопедии [ДЭ(1965)] о том, что железнодорожный транспорт самый дешёвый после водного...

Заброшенная железнодорожная ветка с деревянными шпалами, псевдоасфальтовая дорога, очарование ночного небосвода и несметное количество звезд сверху — всё

в совокупности это создавало некую, я бы сказал, романтику путешествия, заброса. Я сидел и умилялся пейзажам, проплывающим за окном — Луна красиво освещала луга, поля и леса нашей огромной Родины.

Вскоре добрались до Устюжны. Временами снова клонило в сон и приходилось чаще доставать термос с чаем. Устюжна поразила запустением и старыми купеческими домами конца XIX — начала XX века. Сейчас всё безнадежно обветшало, регион находится в беспросветном упадке. Постояли в гордом одиночестве на красный свет единственного после Твери светофора на главном перекрестке Устюжны. Впечатлило.

Второй раз пересекли реку Мологу по автомобильному мосту и поехали дальше. А дальше навигатор снова повёл нас по кратчайшему пути, не учтя качество дорожного покрытия, и мы неожиданно оказались на грунтовке, свернув после Устюжны налево. Да-да, участок Устюжна — Мочала оказался грунтовым! Вот это поворот! Снова пришлось тащиться 20–30 км/ч, и это показалось мне просто вечностью. Зато увидел лис, зайцев, сову и ёжиков, зачем-то выползающих на дорогу.

Но вот, наконец, деревня Мочала и сразу после неё федеральная трасса А-114, которая после грунтовки показалась немецким автобаном, никак не меньше. Дальше заброска пошла гораздо веселее. Два раза пересекли сильно петляющую реку Кобожу, в Сазоново переехали через реку Песь, а потом, в Первомайском, и через реку Чагоду. Совсем скоро деревня Вожань — наша конечная цель! Команда уже не спала, а пребывала в полудрёме после дикой тряски на грунтовке.

Термос мой совсем опустел к тому моменту, как мы свернули с трассы к Вожанскому озеру и стали пробираться по довольно разбитой грунтовке. Наконец-то мы в Вожанях! Ура-а-а-а! Рассвет был в полпятого, звёзды давно погасли. Скоро в дымке должно было взойти солнце.

Мы въехали в деревню и были поражены огромным домом слева на отшибе с несколькими ветрогенераторами. Тут нет электричества? Деревня фактически мертва и давно — я находил сведения, что с начала ХХI века здесь практически нет зарегистрированных жителей. Одна единственная улица — это, фактически, дачный вариант. Постоянно, видимо, тут живёт только тот один большой дом с ветряком. . . а во времена расцвета Тихвинской водной системы в деревне проживало от 100 до 200 жителей. По озеру проходили суда с грузами — *тихвинки*^{*}, а в этой деревне, быть может, они останавливались на ночлег. . . Здесь проходил Устюженский почтовый тракт, а когда трассу А-114 проложили в стороне для спрямления дороги, это, надо полагать, и определило окончательный упадок поселения.

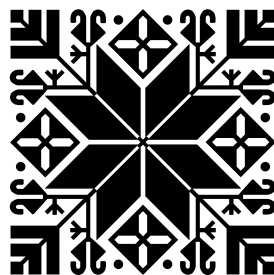
Стали искать подъезд к воде, повернув на развилке направо. Доехали до края деревни и поняли, что дальше микроавтобус не проедет, да и бессмысленно, потому что подъезда к воде не видно. Кое-как водителю удалось развернуться, и мы вернулись к развилке около дома с ветряком. Чтобы снова не заехать в дебри, сначала пошли с С.Ю. в разведку по дороге через поле.

^{*}Тихвинка (по названию р. Тихвинки) — парусное грузовое судно, использовавшееся в XIX в. на реках, входящих в Тихвинскую водную систему, и Ладожском озере. В основном применялись для сообщения между Петербургом и Нижегородской ярмаркой. Длина судна до 45 метров, ширина до 8,5 метров. Малые тихвинки также назывались *соминками* (по названию р. Соминки) [Исанин(1986)].

Утренний холодок пробрал меня, сон мигом улетучился. Пришлось закутаться в штормовку. По грунтовой ухабистой дорожке вышли к замечательному месту на берегу озера: ровная площадка, вход в воду, камыши. Решили, что однозначно стапелиться будем тут. Вернувшись к микроавтобусу, доехали до берега и стали выгружать наши вещмешки и байдарки.

Всё! Этап заброски пройден! Который был точно час, я, к сожалению, не засёк, но по ощущениям было что-то около пяти утра. Мы расплатились с водителем, поблагодарили его, и он уехал. Впереди нас ждал стапель!

Глава 5

Мамонты

Немного придя в себя после ночной заброски, потихоньку стали распаковывать тюки со снаряжением, собирать байдарки. Координаты нашего стапеля — $N\ 59.29726^\circ\ E\ 34.92587^\circ$. С наслаждением набил новую трубочку, не спеша задымил, и мы с Геннадичем стали распаковывать байдарочный рюкзак, раскладывать шкуру и кости нашей ласточки на земле.

Две КНБ-шки нашей эскадры быстро обрели правильные очертания, когда их стали накачивать воздухом при помощи насосов, а вот нам с Геннадичем пришлось повозиться над моим «Тайменем» — снова никак не хотели натягиваться фальшборта на финальном этапе сборки. Одолели замки фальшбортов только при помощи С.Ю., который ловко вправил их, поставив байдарку на борт и сжав борта руками, делая упор в живот — многолетний опыт подобных операций, как-никак!

Потом я подложил куски туристического коврика под точки крепления штевня к кильсонам, а также под «лесенки» кильсона. Ведь в прошлом сплаве именно в этих местах я заработал пробоины... Тележку для байдарки прикрепил сзади на корме, учтя горький опыт размещения её внутри грузового отсека. Делая эту «антипробойную» подготовку, я очень надеялся, что в этом сплаве клеиться не придётся.

Ласточка моя, «Таймень», была великолепна. Такое было возможно наверно только в Советском Союзе — производство байдарки на заводе авиационных двигателей. Союза больше нет, завод тот пока ещё есть, но байдарки больше не выпускает. Да, они были тяжелы, да, в чём-то конструкция была малость неудачна, но, чёрт возьми, каркасные байдарки великолепны по красоте, ходкости и, что самое главное, по вместительности и обитаемости.

Спустили собранные байдарки на воду, приступили к погрузке вещей. Вода с утра в озере показалась уж больно холодной, и мы с Геннадием расхаживали в воду и обратно, таская снаряжение, в бахилах ОЗК*, а экстремал Папа — в обычных шлёпанцах на босу ногу. Бр-р-р! У Геннадича была такая же брезентовая штормовка, как и у меня, так что мы реально были похожи на слаженный экипаж, что, конечно, пока не соответствовало действительности, но всё же несколько меня воодушевляло. Плюс в этот раз идём на двушке — с управляемостью должно быть лучше, нежели чем у трёшки.

Я с ужасом смотрел на жизненное пространство в «Шуе» и «Гарпуне». Как там вообще что-то может

*Общевойсковой защитный комплект — средство индивидуальной защиты от отравляющих веществ, биологических средств и радиоактивной пыли; состоит из плаща, перчаток и чулок (бахил), часто применяемых в сплавах/походах.

поместиться? С.Ю. и Паша планировали крепить всё сверху, потому что юбка на «Гарпуне» несъёмная. . . Дима же решил, что просто покидает вещи горой сверху. Мы с Геннадичем, тем временем, разместили наше снаряжение под борта и по отсекам нашего крейсера — ничего наружу не торчало, так то! Вот одно из шикарных преимуществ каркасного «Тайменя»!

Настал черёд дележа ящика тушёнки. Её мы примерно поровну разделили на три экипажа. Класть тушёнку в КНБ-шки оказалось практически некуда, и я понял, что на следующей же стоянке большинство банок переключует обратно к нам в «Таймень» . . .

Немного перекусили перед отплытием. У меня была припасена чурчхела, привезённая женой с юга, и она ушла на ура. Кажется, у кого-то оставался чай, и он был выпит. Последние приготовления, прошёлся по берегу посмотреть ничего ли не оставили. Бережок отличный, погода нормальная. Отдых начинается!

Ну, вот и всё, экипажи готовы, можно отчаливать! Ваня переоделся в сапоги и кофту и бегал туда-сюда мимо нас. Я даже несколько ему завидовал — попасть в байдарочное путешествие и в столь юном возрасте! Я таким похвастать не мог. Надеюсь, ему понравится и потом, когда-нибудь, он тоже продолжит дело сплавов. . .

Примерно в этот момент сплошная облачность слегка рассеялась, и солнце оранжево-красными лучами пробилось к нам. Запечатлели в этот момент нашу команду на мой фотоаппарат. Время 8:03 утра — отплытие! Стапель пройден, вперёд на фарватер Вожанского озера! Облачность снова сгустилась, красивый цвет неба пропал, но всё же стало значительно светлее и теплее.

Мне удалось так расположить вещи в грузовом отсеке байдарки, чтобы оставить место для ног и сумки с фотоаппаратом. Геннадичу в этом повезло меньше — передние фальшборта не дают нормально поставить ноги спереди при высоком росте — упираются колени. Можно, правда, периодически вытягивать ноги в нос, если там не набито вещей — я делал так на Киржаче при первом спуске моей ласточки на воду.

Достал GPS навигатор, включил отслеживание по заранее загруженному маршруту, быстро сориентировался на местности. Надо было найти выход из Вожанского озера в реку Горюн. Наш с Геннадичем экипаж отстал от команды при старте, усаживаясь поудобнее, а они, тем временем, сбавили ход и вопрошали нас куда идти дальше.

Впереди были заросли камыша. Сверяясь с навигатором, я, обойдя товарищей и выйдя в авангард, повёл эскадру вперёд. Через пару минут, огибая заросли справа, выполнили крутой левый поворот и вышли на фарватер. Активно гребя и прогоняя сон, пошли искать исток Горюна. Встретили рыбака на деревянной лодке, на ходу поболтали с ним и понеслись дальше. Вскоре озеро сузилось, и нам открылся вид на желанный исток.

Горюн мне сразу же понравился. Уровень воды был высоким, а берега достаточно узкими, поросшими сплошными джунглями растительности и сосновым лесом — почти идеальная речка для байдарки. Но я не расслаблялся, потому что читал историю Тихвинской водной системы и возможное происхождение слова «Горюн». По одной из версий, капитаны *соминоков* и *тихвинок*, то есть судов, на которых перевозили тут грузы, *горевали*, когда шли по этой речке. То ли от того, что она была слишком мелкой для их посудин, то ли от того, что очень узкой. Однако нам

горевать не пришлось, и вскоре мы добрались до остатков Остроленского шлюза. Точнее, перед нами предстала сильно разрушенная бетонная плотина вся поросшая мхом, травой, а также деревьями и кустарником.

Все причалили к левому берегу, вскарабкались сквозь плотные заросли по крутому склону и пошли по сильно заросшей прибрежной дороге на разведку. Координаты — $N 59.27053^{\circ} E 34.91910^{\circ}$. Стало понятно, что справа от плотины Горюн капитально расширил своё русло и можно попытаться пройти там без обноса. Возможно, раньше там была шлюзовая камера, но всё настолько разрушилось и заросло, что сложно было сказать наверняка.

Непосредственно перед плотинной в русле виднелись деревянные столбы — то ли остатки старого деревянного шлюза, то ли защитных сооружений от весеннего льда. Признаться, я уже действительно подумывал об обносе, потому что перспектива пропороть в первый же сплавной день днище об торчащие из воды деревянные столбы и остаться тут на ночёвку для ремонта совершенно не радовала. Но и некий азарт одолевал — там было такое мощное течение! Паша первым забрался на плотину и жестами сквозь шум плотины показал, что справа точно можно пройти по воде. Я, естественно, тоже сходил оценить ситуацию адмиральским взглядом.

Вода высокая, проход справа широченный. Вряд ли там что-то коварное под водной гладью. Рискнём! Решено было идти по воде под самым правым берегом. Течение в этом месте значительно ускорялось! Дима, без тени сомнения, решил идти первым. Все остальные внимательно и напряжённо смотрели ему вслед... Прошёл, ура! Мы с Геннадичем хотели вторыми, но замешкались при развороте байдарки носом по течению и в итоге пошли

последними. Все преодолели эту плотину без повреждений, что радовало. Я почему-то несколько по-другому её себе представлял, но уж что есть. Не могу сказать, что я был сильно разочарован увиденным, но явно ожидал чего-то большего. Природа достаточно быстро разрушает заброшенные объекты, как бы очищаясь от людской грязи. . .

Почему-то не задержались подольше у плотины. Место было какое-то неуютное, неприветливое, поросшее высоченной травой, мы пошли дальше. Первая плотина меня несколько удручила, одним словом. После бессонной ночи я весь квёлый, холодок утренний пробирает, погодка так себе — сплошная облачность. Но я — на реке, я хотел этого целый год, и я гребу веслом, упиваясь восторгом! Всё идет как надо — команда отличная, мы стапельнулись, встали на маршрут и уже преодолели треть пути, запланированного на первый переход. Подкрепляюсь ещё чурчелой и думаю, что недурно было бы позавтракать. . .

Вилиаем немного с Геннадичем по руслу — пока не приноровились грести согласованно. Вскоре впереди показывается подобие переката с островком посередине. Вода издалека малость бурлит — шивера. Быстро сверяюсь со своим GPS — точно! Мы подошли к Колевчинскому шлюзу. От него не осталось ничего вообще. Только небольшой перекат обозначает место, где когда-то находилось тело плотины. Никаких брёвен и тем более бетона.

Дима вдруг снова вырывается вперёд и проходит в левой протоке около островка. Вот экстремал! Оборачивается и показывает большой палец вверх, хотя небольшие толчки от столкновения с подводными камнями не ускользнули от моего пристального взгляда, следившего за его прохождением. Мы с Геннадичем, погасив скорость, аккуратно повторяем димину траекторию, увёртываясь

от камней, и тоже преодолеваем этот небольшой перекатик. Экипаж С.Ю. в этот раз замыкает флотилию, проходя чуть в стороне от нас — осадка им это позволяет.

Этот «шлюз» разочаровал меня ещё больше, чем первый. Но мы идём дальше. На первый день у меня было запланировано порядка двенадцати километров — до устья Горюна. Берега становятся высокими и красивыми. И чем дальше, тем краше! Через ещё минут 15–20 мы причаливаем на левый берег передохнуть. Я взбираюсь на обрыв высотой наверно метров 5. Сажусь на его край и, не торопясь, набиваю полтрубочки. Вид с обрыва вниз по течению красив необычайно. Вокруг стоят высокие сосны, мягкий белёсый мох устилает землю — красотища! Рядом полузаросшая грунтовая дорога, надо полагать, до следующего шлюза — Варшавского. Команда отдыхает от гребли, не вылезая из байдарок. Я ещё немного прохаживаюсь наверху по дороге и потом спускаюсь к реке. Ну что же, пора дальше!

Мы отчаливаем и следующая точка нашего маршрута — устье Горюна, потому что точные координаты Варшавского шлюза мне достать, представьте, не удалось, как ни искал. Судя по старой карте, там должен быть канал на левом берегу и шлюзовая камера... но неизвестно как всё это выглядит с реки в реальности. Плыдем потихонечку, за рекордами сегодня гнаться смысла нет — времени навалом, километраж на сегодня небольшой, а течение весьма и весьма приличное.

Геннадич быстро втянулся в греблю и уже к концу Горюна освоил что такое «табан» (обратный гребок), «наход» (прямой гребок) и «подтяг» (боковое смещение), а также как вообще грести, чтобы плыть куда хочешь. Паша с С.Ю. тоже, кажется, приноровились грести более-менее согласованно, а Дима потрясал тем, что, гребя в одиночку, порой обгонял всех нас! Ваня, наш Юнга, маялся бездельем, изредка гребя,

а больше подрёмывая в байдарке или поедая что-нибудь вкусенькое — батончики или печенье.

Так, незаметно для себя, мы не спеша приблизились к устью. Шлюза всё не было. А ведь как раз современные фото Варшавского шлюза в интернете я находил, и там было видно подобие канала из брёвен. Но... ни малейшего намёка. Странно. Видимо, начало канала мы пропустили в плотных прибрежных зарослях — низкий правый берег просто утонул в буйной растительности, а песчаные откосы на левом берегу стали ниже и более пологими.

И вот, примерно в 11:40, мы достигли устья Горюна. Перед нами предстала совершенно замечательная своей красотой картина — широченный разлив в месте слияния Горюна и реки Чагоды. Решили сделать остановку на вновь высоком левом берегу и перекусить. Координаты — $N\ 59.21645^\circ\ E\ 34.92776^\circ$. К этому времени распогодилось, в высоком иссиня-синем августовском небе повисли кучевые облачка, всюду припекало солнышко. Погода начала нас радовать, одним словом.

Экипажи достали из сумок колбасу, сыр, хлеб и откуда-то очень кстати взявшийся резервный термос с чаем. Глядя на то, как команда ведёт себя на воде и на берегу, я понял, что не прогадал — с такими можно, что называется, идти в разведку.

Состояние, по правде сказать, у всех было довольно квёлое после ночной заброски, но перекус придал нам сил. Я был доволен тем, что плановый километраж уже выполнен, а на часах ещё и полудня нет. Мы разминали ноги, ходили по берегу, приминая высокую траву, и болтали о всяком разном.

Место же вокруг было необычайной красоты. При подготовке к сплаву я читал, что где-то тут неподалеку при археологических раскопках была найдена стоянка древних охотников — наконечники стрел, первобытные орудия, костяные скребки и разные другие древности. Это не на шутку тогда раззадорило моё сознание! Я стал жадно искать материал по теме и обнаружил научные труды совершенно замечательного человека, уроженца Чагоды, археолога и историка Башенькина А.Н.

Карта, приведённая в [Башенькин(2007)], пронзила меня, как стрела! Оказывается, район рек Чагода, Песь, Кобожа, Молога — просто кишит древними городищами, селищами, курганами, сопками!!! В Молого-Шекснинском междуречье люди обитали начиная с первоначального расселения, как пишут в литературе! Представлены памятники начиная с эпохи мезолита, неолита и вплоть до середины XIII века! Обилие лесов, реки, пригодные для хождения на небольших судёнышках, отдалённость от всего и вся — чем не чудесный край?! Здесь находили многочисленные украшения, браслеты, кольца, фигурки животных, бусы, подвески, орудия труда и охоты самых разных эпох и даже народов, что свидетельствует об обширных связях и торговле в древнем мире.

Вепсовская возвышенность, являясь водоразделом между Волжским и Балтийским бассейнами, по видимому, стала в древности местом стыка, встречи, более северных, скандинавских, народностей и более южных славянских. Здесь обитали финны, угры и балты, весь, а также словене, привнёсшие сюда пашенное земледелие. Достоверно известно о захоронениях древних скандинавов на Мологе [Башенькин(2007)], что даёт все основания предполагать, что один из вариантов древнего пути

«из варяг в арабы», скорее всего, проходил по Мологе! Трепет, охвативший меня, когда я узнал об этом, был непередаваем! Получается, мы, устраивая в этих краях наши путешествия, сплавы, повторяем пути наших предков, словно через века протягивая им руку! Представляю, насколько надо было быть отчаянным, рискованным, чтобы в древности отправиться в такое путешествие по реке чёрте куда, не зная ни точного маршрута, не имея никакой более менее приличной навигации! Я всегда восхищался такими людьми, которые открывали новые земли, шли в неизвестность, причём часто, почти всегда, они не были даже уверены, что вернутся домой, либо у них и не было дома — сам кочевой образ жизни и был их домом; домом им была сама природа. . .

И вот теперь, оказавшись в этих краях, я стоял с бутербродом в одной руке и кэпской кружкой чая в другой и мысленно переносился на многие тысячи лет назад, в эпоху мезолита, когда началось заселение этого края, представляя, как доисторические люди охотятся на всякую живность — каких-нибудь саблезубых тигров и мамонтов. А реки как сливались вместе тут, так и до сих пор примерно в том же месте сливаются. И облака так же размеренно плывут по небу, отражаясь в чистейшей водной глади. . .

Как осознать человеку свою ничтожность в масштабах возраста нашей планеты? Чего-то делаем, за что-то боремся, как-то живём. А если вдуматься, то вся наша цивилизация — это просто микросекунда в галактическом масштабе. . . Интересно всё же, а мамонты тут проходили?

В альманахе [Башенькин(1999)] приводятся данные об археологических раскопках стоянок, в частности, в устье Горюна, в природном заказнике «Падун», названному по одноимённому урочищу. Здесь, а также

немного ниже по течению Чагоды, были найдены свидетельства пребывания человека начиная с I тыс. до н.э. вплоть до IX века н.э. — так называемые раскопки «Варшавский шлюз I–V». Это всё настолько будоражило моё сознание, что я просто каждой клеточкой своего тела ощущал эту сопричастность к чему-то очень древнему, сплавляясь в этих местах и тоже, собственно, занимаясь поиском стоянки...

Настало время подумать уже о нашей сегодняшней стоянке, 2016 года н.э.. Первоначально я хотел тут же в устье и остановиться на ночёвку, но вокруг росла трава прямо по грудь! Команде место было тоже не по душе, и я принял решение спокойно, не упираясь, идти дальше до первого попавшегося нормального места. Оно оказалось буквально в километре-двух ниже по течению Чагоды. Разведка показала наличие хорошего места на склоне с расщелиной. Наверху склона на левом берегу было две ровных площадки посреди отличного соснового леса. Из минусов — далеко таскать вещи от воды. Но времени у нас вагон, поэтому решили остаться. Координаты первой стоянки — $N\ 59.21645^\circ\ E\ 34.92776^\circ$.

Не спеша поставили палатки на одной ровной площадке, а на другой организовали место под полевую кухню и перетаскали туда провизию. Паша достал удочки и отправился попытать рыболовного счастья на берег. Добавка к рациону в виде свежей рыбы — это всегда очень приятно! Остальные нарубили костровых палок, я обустроил костровище, а потом мы с Геннадием напилили дров двуручной пилой. Всё шло как надо! С.Ю. организовал перекус со свежим чаем и зажаренной на костре курицей. И тут Дима с горящими глазами заявил:

— Господа, трёхсолодовый?

— У-у-у-у-у-у-у-у-у-у! — загудела походная братия!

— Йо-хо-хо!!! — звон наших сдвигающихся железных кружек затмил всё на свете!

В нашем распоряжении был весь день и вечер. Да чего уж там, теперь в нашем распоряжении 9–10 дней! Тем временем, Паша, кажется, успел сплавать на надувном матрасе вдоль берега и поставить жерлицы или что-то вроде того. Но желаемого результата это не дало — рыба не клевала, потому что течение под нашим берегом было слишком сильным. Течение в этот раз вообще радовало! Уровень воды был достаточно высок, течение быстрое — мы урвали то время, когда вода ещё не начала активно спадать — просто кра-со-та!

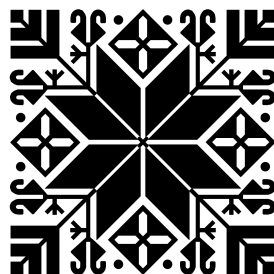
Сплавная братия гуляла вволю. Я соорудил около костровища флагшток из берёзы и водрузил на него флаг Советского Союза под аккомпанемент Геннадича, наигравшего гимн на губной гармошке... отдых начался и начался отлично! Когда ты, как командир, только о чём-то подумал, например, что надо бы напилить дров, а кто-то уже ждет тебя с пилой или решил что-то ещё сделать, а кто-то из бригады уже тоже начинает этим заниматься, ты понимаешь, что не ошибся в людях. Толком за первый день мне не приходилось ни командовать, ни что-то заставлять делать — все как-то нормально самоорганизовались и весь походный быт достаточно быстро наладился. Я просто с умилением радовался своей команде.

Стемнело. Традиционно все собрались у костра, как места притяжения. Подустали — заброска утомила. Грунтовка и адский асфальт неслабо нас протрясли, но всё равно это гораздо лучше и удобнее, чем заброска поездом.

Поэтому на первый день я и заложил малый переход, чтобы можно было пораньше встать лагерем и нормально отдохнуть с дороги. Километраж по плану будем наращивать плавно, с небольшим снижением в середине похода — так легче переносится нагрузка.

Половина команды рано ушла спать, а мы с Геннадичем и Пашей утихомирились около полуночи. Очарование ночного костра и атмосферы похода захватило наши души и не отпустит до антистапеля... а если крепко задуматься — не отпустит уже никогда...

Глава 6

«Есть чё?»

С утра мы немного проспали, зато выспались, что так необходимо было после ночной заброски. Насчёт километража я был спокоен — мы слегка перевыполнили норму вчера, да и течение! Течение помогает нам очень сильно! При таком течении всё пойдёт гладко, был уверен я. Приготовили на завтрак мою традиционную походную кашу — овсянку с орехами и сухофруктами. Подкрепились. Потом собрали вещи, свернули лагерь и стали грузиться в байдарки по-очереди, потому что выход к воде был очень узким на склоне с расщелиной.

На этот раз мы с Геннадичем отчалили первыми. Я рвался вперед. Сегодня по плану проходим устье моей старой знакомой — Лиди и останавливаемся в районе моей прошлогодней стоянки. Геннадич уже вчера приноворился к гребле, и мы почти не петляли в русле. Надо будет в следующем сплаве попробовать поставить руль на байдарку. . . конечно, сделать это будет трудновато, потому

что я люблю на корму привязывать вещи, но... можно постараться. Хотя С.Ю. и говорит, что руль для байдарки это довольно бесполезная вещь, и я, в целом, с ним согласен, попробовать всё же хочется...

— А *есть* чё? — делая характерный жест рукой, вопрошал Геннадич, — Мои закончились!

— У меня только рассыпной, — предлагал я, — бумажка есть?

— Неа...

— Ничё, скоро Смердомский, сходите в магаз с Пашей!

Бросить сию пагубную привычку в походе — дело гиблое — не стоит пытаться. И Геннадич не стал исключением — он и Паша отчего-то не запаслись куревом и теперь страдали.

Буквально через 200–300 метров после выхода на воду, мы с Геннадичем замечаем на левом берегу огромную отличнейшую ровную стоянку... работа Закона Лучшей Стоянки: «Лучшая Стоянка чуть ниже по течению». Причаливаем, выходим на берег. Да что ж такое! Места много, есть приличный стол, скамьи, причём довольно свежие. Но зато есть наезженный подъезд — место, видимо, популярно. В сторонке стоял стенд (!) с плакатами, посвященными Тихвинской водной системе. Координаты — $N\ 59.21520^\circ\ E\ 34.95573^\circ$. Ничего не поделаешь — не дошли сюда, так не дошли — на нашем месте тоже было неплохо. Остальная часть флотилии, тем временем, уже подплывает к нам. Занимаем места в своей байдарке, и наша эскадра выдвигается дальше вниз по Чагоде...

Берега в этот день не радуют — сплошные заросли. На левом берегу встретилось одно хорошее место для

стоянки с навесом и столом. Но, во-первых, очень близко к населённому пункту, а во-вторых, километраж на сегодня ещё не прошли.

Вскоре приближаемся к Смердомскому, где с незапамятных времён находится стекольный заводик и «смердит». С воды видна еле-еле дымящая труба, склад завода и готовая продукция — бутылки в прозрачных контейнерах. Причаливаем, команда идёт в магазин, а я остаюсь караулить байдарки. Немного общаемся с местным, который косит траву на берегу. Потом приходят парень с девушкой и отплывают на моторке рыбачить. Скоро возвращаются и наши гонцы из магазина, позвякивая пакетами. . .

В этот день прошли под мостом через трассу А-114 в Первомайском, по которому проезжали при заброске. Потом прошли и деревню Анисимово, где, согласно старым картам, должен был быть водомерный пункт. Разыгравшееся воображение рисовало водомерный пункт в виде покосившейся будки, откуда суровый мужик в ватнике, сапогах и шапке-ушанке выходит раз в день ровно в полдень и идёт к реке снимать показания с огромной вкопанной там на берегу линейки, а потом аккуратно записывает всё в толстенную амбарную книгу *наклонным ГОСТовским шрифтом*. Однако, ничего этого, конечно же, там не оказалось. Водомерного пункта не было, или мы не заметили его. Собственно, это нас нисколько не огорчило — уровень воды был очень высок, о чём я судил по своим замерам веслом, по прибрежной растительности, а также по следам от воды на опорах мостов.

Мы шли дальше — навстречу перекату перед устьем Лиди. О его существовании я узнал из прочитанных при подготовке к сплаву отчётов, но не был уверен, что по такой

высокой воде мы его ощутим. Так и вышло. Слева впала Лидь, переката никакого на Чагоде не было. Более того, в устье Лиди тоже не было видно переката, хотя в прошлом году по низкой воде я очень хорошо на нём протрясся. Как и в прошлом году, причалили на левом берегу около турбазы тут же в устье и расположенной, вылезли размяться.

С базы доносился собачий лай, но смотритель, как в прошлом году, не вышел. Глядя на увеличившуюся ширину реки, С.Ю. слегка раздосадовано сказал, что самый интересный участок мы прошли в первые же 2 дня. Да, река стала гораздо шире, но течение! Течение продолжало радовать. Идти по узкой речке здорово — есть атмосфера камерности и миниатюрности. Тут же ощущаешь размах и простор водной глади.

Маршрут дальше по Чагоде я уже проходил в прошлом году, так что почувствовал своеобразную уверенность, и мы понеслись дальше — до моей прошлогодней стоянки. Здорово и интересно идти в неизвестность по новой реке, но в уверенности на пройденном ранее маршруте тоже что-то есть. Потому что каждый год всё по-разному, ничего не повторяется точь-в-точь и снова можно открыть для себя что-то новое.

Перекатов на Чагоде после впадения Лиди мы также не заметили, хотя в прошлом году они были и добавили немного экстрима в маршрут. Остаток нашего сплавного дня прошёл достаточно спокойно и размеренно, но к концу я уже просто ёрзал, сидя в байдарке на своем гермомешке — так хотелось быстрее увидеть свою прошлогоднюю стоянку, и что там на её месте стало.

Стоянка в прошлом году тут под Чагодой конечно была не особо хорошая — мало ровного места и донимали полчища

муравьёв. Но мы всё равно причалили для осмотра. Я нашёл своё костровище, и даже мои костровые палки продолжали стоять на том же месте! Чуть ниже по течению была ровная площадка, я её заприметил ещё с прошлого года. Решили дойти до неё и причалить. Там оказалось слишком много мусора и, что особенно плохо, много битого стекла. Настолько много, что я не могу поверить в то, что к этому причастны немногочисленные сплавщики. Скорее местные из Чагоды приезжают сюда «культурно» отдохнуть на алкорыбалку.

Экипаж С.Ю. прошел ещё метров 200–300 ниже по течению, разведаль место и вернулся. Как они утверждали, там было лучше, но снова крутой подъём. С прошлого года я такого не помнил, но отчего же не попытать счастья? Мы с Пашей вдвоём пошли пешком в разведку. Разведанное место пришлось мне по душе, решили оставаться. Ну а крутой спуск к воде — нам не привыкать, зато поляна просто загляденье — вокруг высокие сосны и нет адских муравьёв. Координаты стоянки — $N\ 59.15804^{\circ}$ $E\ 35.24190^{\circ}$.

Причаливали и перетаскивали вещи снова по-очереди. Бригаду смущало, что в тридцати метрах от стоянки проходит грунтовая дорога, но я уверил всех, что тут вообще никто не ездит. Забегая вперёд, скажу, что пока мы стояли, ни одна машина не прошла мимо нас, потому что был вторник, а не выходные. Эта грунтовка соединяет ту базу отдыха, что стоит в устье Лиди, с посёлком и ездят по ней просто ну крайне редко. Эта же грунтовка, надо полагать, тянется и дальше — вдоль берега Лиди в сторону Тургоши, что я наблюдал в прошлом году.

Вырубили костровые палки в молодой поросли сосен и берёз на другой стороне грунтовки, обустроили костровище на холмике, организовали полевую кухню. Место радовало — красивый пригорок, высокие янтарные сосны на крутом

склоне к воде. К закату у нас уже был приготовлен отменный, как и всегда, ужин, и все собрались у костра.

В прошлом году я дневал тут чуть выше по течению. Но тогда это была вынужденная днёвка — надо было заклеить байдарку после «блестящего» прохождения шивер. И тогда это был уже третий сплавной день, а в этот раз только второй — рановато дневать. Поэтому на совете Капитанов решили остаться тут только на ночёвку.

Солнце уже не освещало стоянку, зато верхушки сосен на противоположном берегу были великолепны в его розово-оранжевых закатных лучах. Ночь спускалась не звёздная, небо снова заволокло серыми тучами. Горючее закончилось, народ загрустил, стал расползаться по палаткам. Но тут я достал десантную флягу с 96-м, передал её Старпому для разведения в пропорции «два к трём», и мы продолжили посиделки.

Я вспомнил песню Дольского «Выходной без любви» и немедленно приступил к исполнению...

*А мы привратнику кричим: «Откройте двери,
На нас там занято!» Но нам швейцар не верит.
Открыл и пузом отодвинул он Алёшу:
«А ты, мол, вовсе, ты уже хороший!»*

*«Да нас же трое! Это же не сто!»
А он нам отвечает: «Нет местов!
Я вас за пьянство не хочу обидеть,
Но вы, ребята, все в абстрактном виде...»*

...земля вдруг перестала держать Адмирала, и он воспарил над ней; сознание было вдруг пронзено вспышкой молнии воспоминаний...

Профессура

...Математичка Р. влетала в собственный класс стремительно, как спецназ врывается в штурмуемое помещение. Стены класса были выкрашены в синий цвет, отчего это мрачное скорбное место становилось ещё холоднее и неуютнее. Ёжился на стуле при её появлении, наверное, каждый. На голове вечная химия, осветляющая тёмные волосы наверху, очки тёмные и полностью закрывающие глаза так, что практически невозможно было понять, куда она смотрит. Завершала образ полностью отсутствующая талия. Мужа у Р. не было, но было двое детей — взрослая дочь и старшеклассник сын, учившийся на года 3–4 старше.

— Садитесь! — раздавалось её прокуренным, ненавистным голосом, холодок пробежал у каждого по спине.

Наверное, не было никакого другого учителя, которого ненавидели больше, чем её, не только в нашем классе, но и в школе в целом! В арке 9-этажного дома, сквозь которую вела дорога к школе, кто-то из самых отчаянных голов в отместку за её ор, за унижения, за гнетущую атмосферу на уроках, за полную безжалостность, за всю ту боль, психологически уродовавшую малолетние сознания и ежедневно причиняемую нам, написал из баллончика синей краской шикарным курсивом шедевр, целое художество, под которым, я уверен, мысленно был готов подписаться каждый ученик Р.:

Р. — СУКА.

Естественно, фамилия была написана полностью. Второе слово было написано смачно-размашисто. Надпись

была огромна — буквы по полметра. Все знали, что она ходит на работу через эту арку каждый день. И другой дороги по асфальту нет — только через парк по грунтовке, но Р. там не ходила. Художество висело примерно полгода. Это низко и ужасно, но когда мы, ученики, шли через эту арку с утра и вечером, синяя надпись придавала сил — как от души отлегалось. Ощущалось хоть некоторое отмщение. Словом, примерно полгода эта надпись была отдушиной. После того, как её закрасили, повторить подвиг никто не решился, хотя, вроде бы, автор так и не был найден.

— Света! К доске! — нарочито с наслаждением предстоящей казни вызывала она несчастную на эшафот. Каждый понимал, что сейчас будет — избиение младенцев. В тот день Р. была особенно не в духе, парочка свежевывставленных двоек уже красовались в журнале... Через несколько минут, когда Свету, особо не шарящую в алгебре, доводили чуть не до слёз, брань достигала апогея:

— Света, звезда... — тут Р. заминалась, подбирая приличное слово, — ...балета! Садись, 2!

Следующий несчастный выбирался по журналу, и его ждали аналогичные эпитеты в случае провала, а от шаткой позиции до провала был один шаг — ответы на вопросы Р. были сродни просто гестаповскому допросу — здесь перед глазами явственно всплывала сцена из «17 мгновений весны», когда Штирлиц, оказавшись под подозрением, в тюрьме видит избитого до полусмерти и изуродованного шофера Бормана...

Но стоит признать, при всём при этом она часто, почти всегда, была справедлива. Если кто-то чего-то не знал — получал заслуженно свои двойки и тройки. Знал — ставила отлично. Она редко или почти никогда не снижала

отметки из-за личного отношения... такое впечатление, что мы все были ей одинаково противны; довести до «неуда» дополнительными вопросами было для неё плёвым делом.

Подача же материала у нее была институтская, как я понял позднее. Она требовала в расписании себе неуклонно спаренных уроков. На первом устраивалась лекция — мы писали конспекты. По сути, она, именно она, научила нас конспектировать, причём делала это профессионально — давала время записать, всё разжёвывала. Эти конспекты были, без иронии, шедевром изложения материала, как я понял позднее — когда появилось с чем сравнивать. На втором уроке был, на институтский манер, семинар — практическое занятие. Тут она оттягивалась по полной. Через призму лет абсолютно понятно за что — ведь материал разжёвывался ею досконально, а мы же часто много чего не понимали (но боялись спросить!), много тупили, не всегда всё усваивали с первого раза. И даже со 2-го. И с 3-го. Кроме того, что мы были детьми, которым хочется гулять, прыгать, бегать, дурачиться и ещё чёрте чем заниматься, многие из нас реально не понимали на кой нам сдалась эта математика на таком жёстком уровне. Многие откровенно не тянули и это нормально — не всем же быть лапласами, бесселями, колмогоровыми и т.д. и т.п. Но Р. считала иначе, она требовала с каждого, а кто не тянул — становился объектом едких подколов, унижений, ругательств.

В определенные дни казалось, что всё — точка невозврата пройдена — если завтра школа не сгорит, на неё не упадет какой-нибудь метеорит покрупнее или не смоев цунами, то придётся каким-то самым нечеловеческим и ужасным образом без капли сострадания расправиться с Р., чтобы избавиться от психологического гнёта. Но дальше

синей надписи в арке ни у кого дело не зашло: Р. умела держать аудиторию — не хуже капо.

Нас, «ашников» она называла «профессурой» в пылу гнева и брани за очередной невыученный материал. Ругалась она виртуозно. Как ей удавалось не переходить при этом на мат — до сих пор не понимаю. Годы спустя, прочитав «Географ глобус пропил» [Иванов(2005)], я был поражён — ведь роман был написан в 1995 году, а полностью издан только в 2003, а Р. называла нас так же, как и герой-учитель в книге — профессурой. Совпадение?! Звучало это в её исполнении очень ёмко, хлёстко, издевательски обидно, с чуть протяжным «с».

Май, конец года. Профессуре было поручено вымыть класс Р. Девочкам — отдраить окна, пацанам — вымести пол и помыть его. Хуже наказания и представить трудно. Каждый, я подчеркиваю, *каждый* был бы не прочь разбить эти ненавистные окна в её классе, учинить расправу над каждой партией, каждым стулом, который был в часы уроков раскалён как геенна огненная под нашими ученическими задами. Но нас заставили мыть. Не было в мире бóльшего наслаждения, чем, улучив момент, незаметно помочиться в ведро с водой, которой потом «помыли» пол...

Ко мне Р. относилась как и ко всем — безразлично жестоко. Один раз я никак не мог понять куда в уравнении вида $y = x^2$ девается, собственно, функция? $y = f(x)$ — тут всё понятно: функция это f , а в уравнении $y = x^2 + 2 \times x$? В голове, тем временем, совсем другое — не эти скучные функции, не области определения, не интервалы, отрезки, неравенства и многочлены. Всё это пригодится позднее... но тогда — тогда мы, никто из нас, я уверен, не понимал за что нам такая кара, где мы так провинились? Сейчас разбуди среди ночи и спроси формулу нахождения корней

квадратного уравнения — отвечу. Но зачем, есть же справочники? Кто-то скажет, что всё обучение — ради образования новых нейронных связей в мозгу. Да, возможно, но не таким жестоким способом, попросту калечащим и уродующим неокрепшие детские умы.

Уже не помню по каким причинам, но, кажется, мы мыли её класс часто — то ли в какой-то год у неё не было классного руководства и, соответственно, собственных несчастных кто бы это делал, то ли ещё почему-то. Скорее потому, что у нашей классной было два класса — 1-й был наш «родной» класс, а 2-й, то есть мы, профессура, отдувались на других фронтах работ, куда нас сдавали «в аренду». Конечно, эффективность такого подневольного труда была крайне и крайне низкой.

Говорят, что школьные годы вспоминаются с теплотой — ничего подобного. Как по мне, невозможно вспоминать какое-то время только с теплотой или только с ненавистью — всегда речь идёт о конкретных моментах. Моменты у профессуры были большей частью негативные, даже, я бы сказал, жуткие. Может быть это моменты лишь моего восприятия? Но нет, синяя надпись говорила сама за себя — не только моего. С каким наслаждением я вздохнул после того, как покинул эти стены навсегда! И хотя впереди была полная неизвестность, «профессор» был если не счастлив, то по крайней мере рад.

И хотя я много раз, уже в институте, впоследствии сказал мысленно спасибо Р. за вдолбленные в голову знания, за системный подход к преподаванию, чего многим учителям, как школьным, так и институтским, попросту никогда не удаётся добиться и близко, тогда кроме животного страха, ненависти, желания жестокой расправы она не вызывала ни-че-го, увы. Если так доставалось

«профессуре», я просто не хотел и не хочу знать, как доставалось «отцам» и «зондеркомманде» [Иванов(2005)] — иногда, сидя на других уроках даже на другом этаже, даже за закрытой дверью, нам было слышно, как Р. орёт на очередных несчастных — слушала вся школа — дверь в свой класс она закрывала только на контрольных.

Считается, что плохое забывается со временем. Не всегда! Часто забывается как раз хорошее, поскольку воспринимается как должное. А вот плохое, особенно очень плохое — порой въедается так, что никакими средствами не отмоешь, не выскребешь, не отчистишь. Любой из «профессуры» это подтвердит.

...Покинув стены этого «прекрасного» заведения (к слову, построенного в 70-е по какой-то экспериментальной программе и существующего в единственном, по моим сведениям, экземпляре) и оказавшись на пляже после 9-го класса в компании N, который был младше меня на несколько лет и тоже несчастно попал к Р., я с грустью наблюдал, как он выводил ту самую синюю надпись на камнях и швырял их с горя в воды Чёрного моря — ни яркому солнцу, ни нежному бризу, ни убаюкивающему шуму прибоя, ни ласковой воде не под силу было заглушить эту боль, навсегда засевшую червоточиной в груди.

Джомолунгма

...У неё были густые длинные, чуть суховатые, натурально(?) рыжие волосы. С высоким ростом, нехудощавой комплекцией, широкими бёдрами, волнительной грудью, чуть узковато посаженными глазами она, молодая географичка, казалась нам, 6-классникам, образцом совершенства. Словно для подчёркивания рыжины волос, она предпочитала в одежде зелёный цвет.

На уроках царил порядок — самые отъявленные негодяи стихали, откровенно любуясь её красотой. Конечно же она видела (не могла не видеть!) это и всё понимала, но вела себя в высшей степени достойно, как и подобает настоящему Учителю. Я не совру, если скажу, что почти все пацаны были в неё влюблены, несмотря на то, что она была дочерью математички Р.

В противовес своей матери, она никогда не кричала, вела уроки тихо и спокойно, рассказывая нам о физической географии. Стоило каким-нибудь раздолбаям в классе вдруг зашуметь, она лишь замолкала и пристально откровенно смотрела на них. Это работало ну просто безотказно — парни тут же смолкали под её взглядом, смущаясь, казалось бы, такого желанного внимания своего идола, и сидели внимали.

Порядок, как мне кажется сквозь года, держался исключительно на её внешних данных, спокойствии и личном интересе к рассказываемому — страха не было — во время уроков географии никто не вспоминал про её мать, и уж точно никакая мысль, что Р. может прийти и наорать на нас — что географичка может пожаловаться на нас матери, не была причиной той чарующей атмосферы географических открытий, топокарт, гор и долин, морей

и океанов, царившей на её уроках... Удивительно, но, будучи разительно другой, нежели чем своя мать, она не вызывала у нас с той никаких ассоциаций — никогда ни у кого не возникало желания выместить на ней свою злобу к математичке, отыгаться как-то, наоборот, она воспринималась нами как нечто кристально чистое и незамазанное в общей картине отвратительно-уродского учительского болота, повсеместно окружавшего нас.

Она учила нас пользоваться топокартой: читать легенду карты — условные знаки, определять азимут на местности, обходить препятствия по азимуту, вычислять расстояния. Обучала масштабу и прочей науке... Так моя любовь к топокартам, и без того подпитываемая настоящим советским географическим атласом (с надписью «Главное управление геодезии и картографии при совете министров СССР»), заиграла новыми красками — я осознал насколько география и картография интересные, полезные, нужные науки. Дополнительную пищу для восхищения давал том номер 1 Советской Детской Энциклопедии [ДЭ(1965)], где тоже был раздел про картографию и походы.

Она объясняла нам как вести дневники погоды и составлять розу ветров, как вести путевые наблюдения и различать типы облаков... Словом, физическая география была одним из интереснейших школьных предметов, если не самым интересным — лишь немногим учителям удавалось по-настоящему разжечь в нас какую-то тягу к знаниям, представляя собой личный пример некой одухотворённости — такое впечатление, что ей самой и вправду очень нравилась вся эта географическая кухня.

Всё вместе это — да, именно это — зародило в самых потаённых уголках моей души чувство, что я должен когда-нибудь сам пойти в поход. Чтобы у меня была

топокарта, компас и чувство того единения, того отчуждения от всех, которое испытывают топографы, географы, работая в «полях».

Как помнишь всегда $x_{1,2} = \frac{b \pm \sqrt{b^2 - 4 \times a \times c}}{2a}$, так помнишь в любое время дня и ночи и высоту самой высокой горы — Джомолунгмы — 8848 метров над уровнем моря. Но, как нетрудно догадаться, совсем по другим причинам... Как поразительно разными методами, способами, можно добиться от детей знаний, и как ужасно прочувствовать на себе весь спектр средств, применяемых иными «учителями» в работе...

На географию, ясное дело, мы ходили как на праздник. Ни один школьный предмет не вспоминается с такой теплотой, как этот. Сквозь года очень сложно сказать, сколько географичке было лет, тем более в детстве все кажутся таким взрослыми... Вероятно ей было от 24 до 28, не более. Она была самым молодым учителем в нашей школе. Вскоре на её руке появилось кольцо, и она уволилась.

Курс экономической географии вместо неё читал нам другой учитель, чей «авторитет», манера подачи, внешние данные — короче всё было против неё. Естественно, вся пацанва была жутко расстроена уходом нашей географички, но сейчас, через года, ничего не остаётся как искренне за неё порадоваться — работать в том коллективе учителей я бы не пожелал абсолютно никому.

От экономической географии в голове не осталось ничего, а физическая до сих пор вспоминается не то чтобы даже с теплотой, а с каким-то просветом, ярком лучом... поистине «лучом света в тёмном царстве» остальных предметов. А очарование топографической карты всегда вызывает в душе самые что ни на есть приятные, походные

чувства — вот уже ощущаешь звуки леса и шум реки, запах полей, разнотравья лугов и смолы, вышибаемой жарким летним солнышком из исполинских сосен, проносишься по лучевым просекам и петляющим ниточкам лесных дорог, уносишься в глушь нашей огромной территории, паришь действительно над «зеленым морем тайги», где неожиданно на лесной опушке тебя ждёт охотничья избушка...

Я мечтал стать Географом. И я им не стал...

Митрич и Циркуль

...Циркуль был весьма интересным человеком — худой, как щепка, высокий, как баскетболист, с залысиной, высоким лбом, окладистой бородой и густым голосом. Короче говоря — внешностью он чем-то походил на Достоевского, по крайней мере мне так тогда казалось. неизменные брюки, рубашка, безрукавка дополняли образ интеллигента, коим он, вне всяких сомнений, являлся. Он был учителем рисования и черчения, а также преподавал дисциплину под названием «Мировая художественная культура», которая предполагала знакомство неокрепших умов с шедеврами мировой архитектуры, живописи, скульптуры.

Класс Циркуля был сродни музею — там была парочка репродукций, куча цветов на подоконниках, на шкафах были таблички с пошаговым процессом выполнения портретов и натюрмортов, имелись чертежи деталей в проекциях, гипсовые элементы древнегреческих колонн и всевозможные другие наглядные пособия. К оформлению своего кабинета он подошёл, что называется, со всей душой — находиться там было одно удовольствие; пожалуй, ни один другой кабинет не мог похвастаться такой обстановкой.

В классе имелся диапроектор с дистанционным пультом — слайды переключались автоматически при нажатии кнопки. Это воспринималось не иначе как небольшое волшебство (стоит напомнить, что в то время у большинства из нас ещё не было мобильных телефонов). У Циркуля была огромная коллекция слайдов с шедеврами мирового искусства, и когда он начинал закрывать окна в классе плотными светонепроницаемыми шторами — было сразу понятно, сейчас будет таинство диапроектора

и знакомства с чем-то интересным. Огорчало конечно то, что иногда мы сдавали зачёты по просмотренному материалу — нужно было запоминать, собственно, названия и авторов этих шедевров, что было значительно сложнее, нежели чем просто любование красотой архитектурных и живописных форм. Но, тем не менее, мы как-то справлялись. Особенное впечатление, естественно, производила архитектура и скульптура древней Греции и древнего Рима, а также эпохи ренессанса. Также, у Циркуля был телевизор, по которому он показывал нам различные учебные фильмы и материалы... словом, его уроки были одними из самых интересных за школьные года. На них мы погружались в какой-то другой мир — без синусов и косинусов, в мир красоты и изящества мирового искусства, который был некой отдушиной в нашей, вообще говоря, не очень приятной школьной жизни. Кроме того, на этих уроках существовала прекрасная и такая заманчивая, чего греха таить, возможность немного... подремать в темноте под жужжание проектора — часто эти уроки ставили нам после омерзительной физкультуры или ещё чего-нибудь столь же нелюбимого.

Циркуль вёл также и рисование, рассказывая о приёмах живописи, различных техниках рисунка и прочем. Рисовали мы, в основном, всегда акварелью и простыми карандашами. Это были натюрморты, пейзажи, различные сюжетные зарисовки, простенькие эскизы сценок. Чуть позже он учил нас рисовать людей и обучал построению перспективы на рисунке. Понимание пространства и перспективы очень пригодилось нам в дальнейшем — на уроках черчения, которые Циркуль вёл в старших классах. Тут уже он проявлял себя максимально жёстко, но и корректно при этом — черчение строгая дисциплина, и он старался привить нам эту строгость и опрятность при выполнении чертежей. А чертили мы, понятное дело, простыми карандашами

на ватмане. Ни о каких компьютерных программах для черчения никто и в помине не знал тогда, и хотя век компьютеризации неотвратимо шагал по планете не первый год, до нас, до школьников, это, понятно, не доходило тогда ещё — редко у кого из нашего класса был дома персональный компьютер. Даже уже позже, в институте, я тоже, кстати, чертил руками простым карандашом, к своему стыду, так и не освоив какую-нибудь нормальную чертёжную программу. . .

При всей при этой возвышенности и высокопарности, царившей в его кабинете на уроках, ничто человеческое, естественно, ему было не чуждо. Циркуль имел пагубную привычку курить и, судя по всему, немного этого стеснялся, поскольку не должно Учителю подавать такой пример Ученикам — пагубное занятие не вязалось с образом человека, столь одухотворённо рассказывавшего нам о мировой культуре. Помню как-то раз мы стояли со школьным товарищем и ждали урока у его двери. Циркуль мимо нас семимильными шагами проник в кабинет, попутно убирая пачку «Kent»-а в карман брюк:

— О, кент! — ляпнул мой курящий одноклассник.

Это резануло слух Циркуля по каким-то причинам, и он мгновенно затормозил, обернулся, посерьёзшел в лице и изрёк:

— Не кент, а графство Кент! Юго-восточная Англия! На следующий раз приготовишь нам о нём рассказ.

— Да я. . .

— Приготовишь! — отрезал Циркуль.

Впрочем, доклад о графстве, насколько я помню, всё же спустили «на тормозах». . .

Циркуль вообще был мастером слова и остёр на выражения в хорошем, не обидном смысле слова. Отчего таких Учителей так мало в наших школах...

...Однажды Циркуль предложил мне и ещё одному парню из параллельного класса поучаствовать в районной олимпиаде по черчению. Что ж, я был не против, и в назначенный день мы все вместе отправились на автобусе в соседний район. Саму олимпиаду я помню смутно, задание не показалось мне сложным — мы довольно быстро справились, но на следующий тур нас не позвали — видимо, нашлись работы лучше и опрятнее, а может быть мы где-то и ошиблись. Но это неважно. Гораздо интереснее этой всей олимпиады было само общение с Циркулем в неформальной обстановке — по пути на олимпиаду и обратно. Он рассказывал нам про то, как в армии бегал с СКС-ом*, про то, как учился, как стал впоследствии учителем... вот важны такие разговоры для пацанов. Я имею в виду разговоры именно с учителями в неформальной обстановке, причем как с учителями-мужчинами, так и с женщинами. Но, увы, как правило, такие факультативы учителям не оплачивались и не оплачиваются, а значит, всё происходит на чистом энтузиазме, который, во-первых, не у всех и есть, а во-вторых, сами учителя тоже разные — с кем-то из них мы бы пошли куда угодно, а с кем-то... понятно. Кроме того, в наш век запуганности ответственностью трудно себе и в мыслях представить, чтобы сейчас кто-то из учителей пошёл с учениками в такое мероприятие, как, например, Географ в поход [Иванов(2005)], справедливо не опасаясь нажить себе нешуточные проблемы как с сумасшедшими мамами дитяток, вытирающими за теми сопли, так и с доблестными правоохранителями...

*Самозарядный карабин Симонова, кал. 7,62 мм.

Циркуль оставил в сознании хорошие воспоминания — наверно таким должен быть Настоящий Учитель-мужчина. С грустью думалось тогда — почему он не может преподавать ещё и алгебру? Сколько бы нервов было сохранено?

...Митрич. Он был учителем труда. И хотя в духе идиотических экспериментов и издевательств над школьной программой его предмет назывался то «Технологией» (Технологией чего?!), то «Технологией и ещё чем-то», он всегда неизменно говорил нам, что будет называть его кратко и по-старинке: «Труд». И нас, должен сказать, это вполне устраивало. На его уроках мы выпиливали лобзиком, строгали, делали разные поделки из дерева и металла, работали на сверлильных станках, а позже добрались и до главной мечты и сокровенного тайнства, до чего максимально можно было добраться на его уроках — до токарного станка. Это была фантастика...

Стены его класса украшали плакаты по выполнению простейших операций в сверлильном и токарном деле, по технике безопасности. Посередине класса стояли металлические верстаки с тисками. Это был класс металлообработки, как я позже понял. Потому что было ещё и соседнее помещение, напрочь заваленное школьным хламом — партами, стульями и прочим барахлом. Этот заваленный хламом и оттого неиспользуемый класс раньше был классом деревообработки — там стояли специально приспособленные для этого верстаки иной конструкции, со столярными зажимами. Увы, в реалиях всеобщего бардака в то время, всё было так, как было — кто-то решил, что деревообработкой можно заниматься в классе металлообработки и что больно жирно одному учителю

иметь 2 помещения. Ну да ладно... нам хватало и того, что было, просто порой некая внутренняя обида накатывала, как цунами — ты ведь понимал, что *когда-то тут было всё совсем по-другому! Причём совсем недавно!*

У Митрича были Жигули 2104 универсал, и он часто подвозил к школе, прям к своему кабинету (кабинет труда был на 1 этаже и имел отдельную дверь на улицу!) всевозможные деревяшки и железные прутки — для наших поделок. Мы много раз становились свидетелями такой заготовки материала впрок... очевидно, всё это «добывалось», поскольку денег на покупку материалов, скорее всего, не выделялось.

Итак, в классе металлообработки были верстаки по центру, у стены стояли сверлильные станки, а вдоль окон — вожаемая мечта — токарно-винторезные, ТВ-3. Работать на них мы начали через год от того момента как начались уроки труда, и, конечно же, всем и каждому безумно хотелось освоить это дело. Всё то, что мы делали до токарного дела, было для меня не сильно в новинку, поскольку летом в деревне шла вечная стройка дома и молоток, ножницы по металлу, рубанок, дрель — уже побывали в моих любознательных руках. Токарка же была высшим пилотажем в нашей понимании. Вдобавок, станков было 6 штук, но в рабочем состоянии лишь половина, отчего вокруг них всегда толпилась очередь выточить очередную деталь, подогревая интерес. Начинали мы, конечно, с обработки древесины на этом станке, поскольку по неопытности легко и резец затупить, и по лбу заготовкой получить. Потом, после освоения приёмов продольной и поперечной подачи, автоматической продольной подачи, мы выточили первое стоящее изделие — деревянный подсвечник. Для того, чтобы выточить подставку большого диаметра

для подсвечника, нужно было поставить в шпиндель станка обратные кулачки и развернуть резцедержатель на 90°... словом, дело было безумно интересное. Потом точили уже много чего, перейдя и к металлообработке. Помню кто-то притащил откуда-то стреляных гильз от автомата Калашникова калибра 5,45 мм, и мы тайком от Митрича выточили «пули» из проволоки и загнали их в стреляные гильзы — выглядели полученные «патроны» классно.

Вспоминается ещё один интересный факт. Рядом с «детского» размера ТВ-3 стоял полноразмерный, «взрослый», настоящий токарный станок, огромный просто — он стоял вдоль окон и занимал два пролёта. Это был трофейный немецкий токарный станок — все прикрученные на него чёрные таблички с белыми надписями были на немецком. Был там и немецкий орёл с закрашенной свастикой. Жалко одно — этот станок был в нерабочем состоянии. По крайней мере, нам так говорил Митрич. Эх, мощь! Он был реально огромен и потрясал воображение. Но одновременно в душу закрадывалось какое-то такое нехорошее чувство — а зачем он тут стоит? А у нас, что, своих таких станков нет? Ведь уже не конец 40-х годов, а вообще новое тысячелетие?! Но и понятно — какие токарные станки, когда всё производство в стране в 90-е шло под откос... А нам, по крайней мере мне точно, так хотелось после ТВ-3 попробовать и эту машину — хоть разочек!

Помню, уже после окончания школы, в период увлечения стрельбой из лука у меня сорвало резьбу на зажиме упругого плеча. Я, конечно же, обратился к Митричу с просьбой дать выточить этот «барашек» на токарнике, и он согласился, но потом как-то всё завертелось, закрутилось, стало не до этого... вместо того зажима я просто загнал подходящего размера болт, что было неудобно,

поскольку надо было делать слишком много оборотов для зажима плеча, но вполне решало задачу... Поскольку я ушёл из этой школы после 9-го класса, на токарнике больше поработать мне не удалось, но в глубине души засела такая мысль — на старости лет точно приобрету токарник, поставлю его в деревне и буду самозабвенно что-нибудь точить... эх, мечты!

Одним словом — токарный станок это любовь на всю жизнь... И хотя имеется в хозяйстве маленький столярный станочек, разве может это хоть как-то сравниться даже со школьным ТВ-3, не говоря уже о настоящих «взрослых» токарниках? Впрочем, стоит признать, сегодня можно купить токарник по вполне доступным ценам... но не со станиной... но маленький... и это, конечно, уже будет совсем не то, не будет того восторга, тех детских впечатлений...

Как мёдом ложатся на сердце строчки пролетарско-романтического народного стихотворения:

*Я увидел тебя у станка,
Нежный взор твой меня озадачил.
Ты стояла, вращая слегка
Рукоятку продольной подачи.*

*Я сказал тебе: «Ваши черты
Несомненно полны благородства».
Мне в ответ улыбаешься ты
Без отрыва от производства.*

*Я теперь без ума от тебя,
Быть не может с тобою ошибки.
Ты стояла, в руках теребя
Радиально-упорный подшипник.*

*А под вечер к тебе я приду,
Ты расскажешь мне голосом звонким
О подаче на левом ходу,
О гидравлике и шестерёнках.*

*И не будет ни ветра, ни туч —
Только ты и Луна в целом мире.
Хочешь, я подарю тебе ключ
19* на 24?*

*И вернувшись из ЗАГСа домой,
Этой ночью пленительно жаркой
Будем мы наслаждаться с тобой
Руководством по газовой сварке...*

*Жизнь пройдет, словно миг.
Я у милого тела заплачу
И к могилке твоей принесу маховик...
С рукояткой продольной подачи!*

Уроки труда, особенно токарка, вспоминаются с такой же теплотой, как и физическая география со своими топокартами, и уроки Циркуля. Вместе это — три отдушины, три кита школьных, не дававших совсем упасть духом и поддерживавших баланс добра и зла, так скажем, в остальном море школьных предметов.

*Широко распространена версия «18 на 24», но мне больше нравится 19, поскольку гаечные ключи 19 на 24 в СССР не изготавливались и, следовательно, могли быть только импортными, а посему факт дарения девушке такого ключа свидетельствует об очень сильных чувствах.

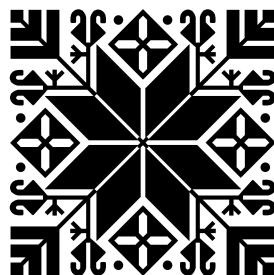
По поводу вышесказанного, что *когда-то тут было всё совсем по-другому* — под окнами кабинета труда была небольшая будочка, где должны были храниться газовые баллоны для подачи газа в кабинеты химии и биологии. Я не оговорился! Газа. В. Кабинеты. Осознаёте масштаб? Не спиртовки или сухое горючее, а настоящие газовые горелки при проведении опытов на уроках! Парты в классах химии и биологии были специальной конструкции и жёстко прикрепленными к полу, и к ним были подведены газовые трубы. Потом на парте был тройник и два газовых крана — на каждого ученика за партой. К партам также подводилось электричество — под партой было по одной розетке на ученика, очевидно, для подключения лабораторных приборов. Когда мы учились, это всё уже не функционировало, отчего также становилось обидно и горько — воистину следы древней, более высокоразвитой цивилизации...

...Конец года после 9-го класса, школьный спортзал залит солнечным светом. Ощущение неотвратимо наступающих перемен, наступления момента подведения какой-то невидимой черты, после которой начнётся другая жизнь. Счастливее ли? Лучше ли? Никто не знает заранее. Что-то, естественно, станет лучше, что-то хуже. Впрочем, как и всегда и во всём, в любом деле. В целом, счастливыми свои школьные года я назвать не могу точно, школа вызывала отвращение. Лишь эти три отдушины, о которых рассказано, были каким-то уголком спокойствия и душевного равновесия. Остальное вызывало животное отторжение и неприятие. Плюс, конечно, время было такое, переходное для нашей страны... всё это понимается уже позже, сейчас. Но в прошлое не попасть и ничего не исправить, что было — то было...

...Ранним утром Адмирал внезапно обнаружил себя спящим в шортах и без тельняшки у костра на берегу р.Чагоды. Носок на одной ноге почему-то отсутствовал. Полная перезагрузка. Сознание было чистым-пречистым, а разум светлым-пресветлым и надо было вести эскадру вперёд.

Глава 7

Амёбы

Утро было тяжёлым для всех, а для Адмирала особенно. Сборы лагеря и снаряжения прошли как-то мучительно долго. Один только Ваня счастливо скакал вокруг нас, поминутно спрашивая что-нибудь. Получая ответ, он успокаивался на пару минут, а потом задавал новый вопрос. Кто-то ругнулся в сердцах, а Ваня сказал, что мы, мол, можем ругаться, потому что он «все-все слова знает!». Бойкий мальчик, подумалось мне.

— Ваня! — повысил голос Дима, — Прекрати!

Но Ваня поймал кураж и не унимался:

— А что, папа? Я все-все слова выучил, я всё-всё знаю!

И, видимо, желая добить папу и показаться нам крутым, продолжил:

— Ты думаешь, я ничего не знаю, а я всё-ё-ё знаю! А ещё я видел в интернете, как...

— ВАНЯ!!! — прервал Дима поток малолетнего сознания, — Замолчи немедленно!!!

Мы не сдержались и дружно заржали... Тем временем, продолжалось ленивое сворачивание лагеря. Красивая стоянка провожала нас в лучах утреннего солнца, и мой экипаж опять отчалил первым. Грести мы особо не гребли, да и состояние было вообще не боевым. Течение само несло по реке Чагоде к одноимённому посёлку, где, как и в прошлом году, мы планировали дозаправиться в магазине продуктами. Я лишь изредка подруливал веслом, как и Геннадич. Плыли как две амёбы, обмякнув в байдарке. По GPS определил, что скорость течения примерно 5 км/ч! Вот это да! Мы совсем расслабились и не гребли, отдыхали. Я достал трубочку, сполз на дно байдарки и расслабился ещё больше, задымив. Геннадич, решивший перед походом бросить курить, жестоко разочаровался в своих намерениях и уже успел запастись вместе с Пашей курувом в Смердомском.

— Сань!!! Подрули чтоли?! — встрепенулся Геннадич.

— Такой сон спугнул! Ёпрст! — приподнялся я со дна байдарки, оперевшись локтями в фальшборта.

— Щ-щ-щас в берег ломанёмся! САНЯ!!!

— Да ёклмн! — пришлось окончательно выковырнуть себя со дна байдарки и резво выправить курс, жёстко табаня...

Команда отстала, потому что снова отчаливали по-очереди. Мы же, лениво подруливая вёслами, добрались до железнодорожного моста в Чагоде. Решили причалить и подняться на него, пока команда догоняет нас. Тем более, я ещё в прошлом году хотел забраться на этот мост, но тогда мы почему-то прошли мимо — то ли рвались

быстрее в магазин, то ли я поздно заметил место, где можно было причалить. Сказано — сделано, и вот мы, совершив манёвр разворота носом против течения, пристали к низкому левому берегу после моста и пошли подниматься на железнодорожную насыпь.

С моста открывался отличный вид на устье Чагоды. Тут происходит слияние рек Песи и Чагоды в Чагодощу. Стоял и думал — хочется ведь и по Песи сходить. Названия рек «Песь» и «Лидь» на разных языках по одной из версий означают одно и то же — «песчаная» [Кузнецов(1999)], что я хорошо усвоил в прошлом году, лихо сев тут в устье на песчаную мель прямо посреди реки.

Песь... С заброской будет не всё так просто, но жутко хочется попасть на неё. Как хотелось в прошлом году на Лидь, так сейчас хочется на Песь. Хотя, что значит непросто, если брать машину? Да элементарно! Песь обещает быть отличной неширокой камерной речкой на всём своём протяжении вплоть до Сазоново! Потому что, откровенно говоря, Чагодоща для байдарки уже несколько великовата — ширина 50–100 м, простор огромный, ощущения камерности нет, зато есть чувство покорения водного простора. Песь иная. Она не такая широкая и больше похожа на Лидь, недаром их названия означают одно и то же. Сходим, обязательно сходим, покорим!

Вид же самого железнодорожного моста был очень запущенным. Облезлая краска, старые рельсы и шпалы, заросшие травой. Железнодорожное хозяйство тут в упадке. Сделав пару фотографий, заметили нашу бригаду, показавшуюся из-за поворота. Пора к байдарке. Дальше наш путь лежал до автомобильного моста, где по старой схеме хотели десантироваться на левый берег и сходить в магазин. Прошли мимо железнодорожного семафора. Я его уже видел

раньше, и причаливать не хотел; команда тоже не выразила желания и мы пошли дальше.

Добравшись до автомобильного моста и места на левом берегу, где я причаливал в прошлом году, обнаружили там двух личностей, судя по виду, без определенного места жительства, спящих под открытым небом. Оставаться в таком соседстве, пока кто-нибудь пойдёт в магазин, не захотели и поэтому переправились на противоположный берег, где никого не было. Координаты — $N 59.15858^{\circ} E 35.32970^{\circ}$. Геннадич и я снова остались караулить байдарки, а команда выдвинулась в магазин, предварительно проинструктированная мной как его найти. Они пересекли Чагоду по автомобильному мосту и сфотографировали нас, а мы их. На мосту же свершалось историческое событие в масштабах посёлка, района, области, страны, планеты, галактики — перекладывали асфальт...

К байдаркам приплыли утки, причём много! И они не очень-то нас боялись, из чего мы подумали, что они домашние. Геннадич всё пытался одну из них поймать, чтобы зажарить на ужин, но тщетно — осторожные! Но это и к лучшему — никто из нас не охотник и освежевать дичь не сумеет. Хотя, не сложнее же курицы, но... утки были осторожны, словно читая хищные гастрономические мысли моего старпома.

Геннадич всё караулил бдительных уток, а я вытащил из байдарки плащ-палатку, расстелил её на траве и амёбно улёгся отдыхать. Состояние плавно улучшалось... Погода стояла облачная, лёгкий ветерок обдувал нас, воды Чагодощи степенно и плавно проходили мимо нас дальше, к Мологе... я лежал в полудрёме и думал о порогах на маршруте — как они там, ждут нас? Или поджидают?

Команда вскоре вернулась с сумками продуктов. Ваня кушал пиццу, а остальные несли позвякивающие пакеты с яствами. Распилили всё прикупленное по грузовым отсекам и скоро отчалили, взяв курс на мою прошлогоднюю стоянку за селом Мегрино. Ориентир — мегринская церковь. После неё ещё километра два, и мы должны быть на месте.

К церкви подошли только около пяти часов вечера, поскольку абсолютно не спешили и часто причаливали для осмотра новых потенциально-стояночных мест. В этот раз при низкой серой облачности место воспринималось совершенно по-другому, не так торжественно что ли, но церковь всё равно смотрелась очень красиво — белая, на левом берегу, среди редких сосен.

Трос через реку для парома в Мегрино был на месте, только мне показалось, что красных флажков на нём несколько поубавилось. Парома по-прежнему было не видно. Итак, оставалось около двух километров до прошлогодней стоянки. Я помнил, что место там появлялось как-то внезапно среди неказистых берегов. Так, естественно, и произошло. После поля на левом берегу и какого-то разваленного сарая последовал перелесок и вот — шикарный песчаный подъём и большая ровная поляна, окружённая соснами и берёзами. Причаливаем!

Я снова нашёл свои старые костровые палки, подумать только! Мы их использовали повторно. Дров было завались — кто-то распилил прошлогоднюю огромную поваленную берёзу. Из той же берёзы, судя по всему, сделали новые брёвна-скамейки около стола. Словом — место класс! Можно было бы и устроить тут днёвку, но команда пожелала найти место более безлюдное — всё таки рядом село и пилорама в Горках. Что ж, с этим я согласен, будем искать днёвку завтра. Только, насколько я помню,

вплоть до Званца места будут не очень — заросшие берега и лиственный лес. А значит, днёвки завтра нам не видать. Но команда этого не знает и надеется. Текущее же место всем понравилось — шикарнейший вид с высокого берега вверх по течению, столик со скамейками для трапезы в тени сосен, оборудованное годами костровище, ровное место под палатки. Естественно, мы остались на ночёвку и стали разгружаться. Координаты — $N\ 59.13567^\circ\ E\ 35.61832^\circ$.

Тем временем, лагерь уже оборудован, костёр пылает, всюю идёт заготовка дров. Я успеваю искупаться и вымыться в реке перед вечерней трапезой. Солнце садится в тучу красным цветом. Не очень хороший знак, как бы не испортилась погода!

У нас, как всегда, замечательный ужин — в этот раз даже на столике и со скамьями из брёвен. Откуда ни возьмись, Дима достаёт забугорное снадобье из агавы. В этом сплаве он и Геннадич — главные виночерпии, наполняющие наши железные кубки. Под вечерний супец, да с прибавтками, всё улетает просто на ура.

Ночь спускалась незвёздная, небо заволокло низкими тучами. Жаль! В этот раз я тащу с собой уже не просто фотострубцину, как в прошлогоднем сплаве, а полноценный фотоштатив-треногу — хочу поснимать всё те же астропейзажи, но каждый раз к полуночи небо заволакивает облаками... не везёт.

Укрыв палатку полиэтиленовой пленкой от дождя, я заполз в спальный мешок и моментально заснул. На завтра, как я помнил с прошлого сплава, должен был быть долгий ходовой день...

Глава 8

Кровососы

Утро выдалось просто отличным — солнечно, редкие белые облачка, лёгкий ветерок. На завтрак снова сварили шикарную кашу по моему рецепту и заварили душистый чаёк, в который я уже было собирался добавить мяту, как вдруг меня прервал Геннадич:

— Сань!

— А?

— Давай мяту больше не будем в чай добавлять?! — вопрошал старпом.

— Э-э-э, а с чего бы? Вкусно вроде получается?! — не понял было прикола я.

— Слушай, с утра ну так сушит, просто капец! — сказал Геннадич, — ясно дело, это ж от мяты! — пояснил он, убирая снадобье из агавы в герму...

— Ха! — заценил я троллинг, не став вступать

в дальнейшую полемику. Что ж, ну, пожалуй, количество мяты можно и уменьшить, как и агавы.

После традиционно обильной и сытной трапезы стали сворачивать лагерь. Видавшие виды кроссовки Геннадича, промокшие вчера, никак не желали сохнуть, и он решил с ними проститься. Организовал ритуал погребения старых кроссовок у сосны под минорную мелодию, сыгранную им на мажорной губной гармошке — вышло комично. Дальше Геннадич сплавлялся в плёпках.

На воду встали нормально, не поздно. Бодро рванули вперёд — погода способствовала. Разгорался жаркий денёк! Кудрявые облака лениво ползли по небу, а солнце припекало нешуточно уже с утра. Геннадич плыл в одной распахнутой штормовке и к часам двум дня у него сгорел живот, став красным, а руки, прикрытые рукавами штормовки, остались белыми, незагоревшими.

Мне было интересно, где мы сегодня сможем найти приличную стоянку, потому как мне в прошлом году этого сделать не удалось на этом переходе. Но это всё ближе к вечеру, а пока что мы гребли́, часто перекладывая курс от поворота к повороту — река начала петлять и появились хорошие песчаные берега — расцвет так называемого «золотого возраста» реки.

Погода стояла изумительная — крупные кучевые облачка, лёгкий ветерок и яркое солнышко. На одной из остановок я вытащил свою солнечную батарею, укрепил её на корме карабинами, зацепив их за люверсы кормового фальшборта — за ходовой день эта батарея полностью заряжала небольшой аккумулятор, от которого ночью, в свою очередь, подзаряжался мобильный телефон. Такая вот походная «зелёная» энергетика.

На одном из золотистых песчаных бережков мы причалили перекусить на обед. У Геннадича окончательно сгорели грудь и живот, став красными, как у рака, потому что не были прикрыты распахнутой штормовкой. Я же, зная о таком коварстве в сплаве, плыл в тельняшке, чтобы не обгореть, но шея сзади все-таки коварно подвятилась и начинала нешуточно жечь, отчего я замотался в шемаг, надеясь облегчить немного участь шеи. Народ стал пошучивать насчёт этого предмета гардероба, что заставило меня замотаться им полностью на манер бедуинов в пустыне, залезть на огромный ствол дерева-топляка, выброшенного на берег, и станцевать туземный танец вождя племени, подтвердив свои адмиральские полномочия. . .

Уничтожили остатки чурчхелы, попили чаю и снова встали на воду. Ваня проявлял активность и даже временами грёб, помогая отцу, который снова удивлял нас, обгоняя эскадру и вырываясь вперёд. Вообще, мы старались идти если не кильватерной колонной, то хотя бы не удаляясь далеко друг от друга. А если такое и случалось, то вырвавшийся вперёд экипаж, как правило, понимал своё положение и давал остальным догнать себя, временно дрейфуя по течению.

Сверившись с GPS, я убедился, что проплываем охотничий кордон на правом берегу. Тут в прошлом году мы лихо сели на мель посреди реки. В этом же году воды было больше и такого не случилось. Уже начинало вечереть и километража оставалось совсем немного. Вскоре я заметил знакомую одинокую берёзу на левом берегу и снова свои костровые палки — моя прошлогодняя стоянка. Причалили. Стоять тут в этом году не хотелось абсолютно, потому что слишком крутой подъем и мало места для нашей большой компании. Мне показалось, что берег даже немного

обвалился с прошлого года, видимо после весеннего паводка, став ещё более крутым.

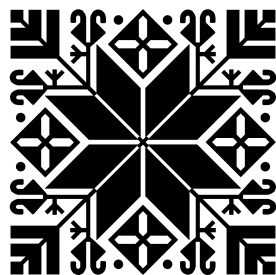
Байдарка С.Ю., тем временем, пока мы разминались у березы, прошла вперёд и разведала стоянку буквально в двухстах метрах ниже по течению. Вот так сюрприз! Как я её не заметил в прошлом-то году? Подойдя спустя пару минут ближе, мы с Геннадичем поняли почему — чтобы увидеть её с воды, надо обернуться и посмотреть назад. Единогласно решили остаться на разведанном новом месте. Экипаж С.Ю. и Паши, выступая в роли разведчиков, очень радовал.

В наличии на стоянке был стол и скамьи из досок, а также реально большой запас уже наколотых и потемневших дров. Чуть поодаль в лесочке мы нашли обветшалые остатки шикарной стоянки рыбаков или охотников — большое слегка обвалившееся укрытие из брёвен, а рядом — навес и скамьи. Правда, туда было идти метров 100–150, поэтому решили оставаться на открытой поляне у стола, чтобы не таскать далеко вещи. Координаты места — $N\ 59.08569^\circ\ E\ 35.94522^\circ$.

Действуя уже привычно, достаточно быстро оборудовали лагерь, развели костёр из найденных дров. Впрок на дрова напилили сухостой, валявшийся тут же рядом. Неподалеку Паша нашёл старицу и отправился туда рыбачить, а я и Дима успели искупнуться в реке, преодолевая прибрежные водоросли, неприятно трущиеся об ноги и тело. Потом все занялись приготовлением ужина. В воздухе витало решение устроить тут днёвку. Что ж, очень даже может быть. Мы все немного устали за длинный дневной переход, так что нуждались в отдыхе. После вечерней трапезы я вытащил сигнал охотника, и мы с Ваней пальнули вверх красной ракетой в ознаменование адмиральского решения устроить тут завтра дневной привал.

Стемнело. Запасы снадобья из агавы и 96-го ещё значительно поубавились, а после было выпито невероятное количество душистого чая на тёмной торфяной воде. Появились надоедливые комары и какая-то мошкá — видимо с той старицы... вот тебе раз! Просто адские *кровососы*!!! Первый раз за поход мы были атакованы насекомыми с такой несвойственной для августа силой. Отпугивал их более менее только дым костра, поэтому мы постоянно норовили словить потоки дыма, отчего сильно слезились глаза. Дневать по соседству с такими комарами мне что-то показалось не очень... По палаткам все расползлись довольно рано в напрасном предвкушении завтрашней днёвки.

Глава 9

Людей совсем нет

Проснувшись и оценив стоянку в лучах утреннего солнца, дневать мне тут расхотелось окончательно и бесповоротно — стол стоял как раз на солнцепёке, а деревья, которые могли бы дать тень, были далеко. К тому же кровососы со старицы налетели уже с утра! Конечно, по раскладке времени похода уже пора бы было сделать днёвку — мы прошли три ходовых дня — и все уже ждали этого окончательного решения, но я, заручившись поддержкой С.Ю., принял решение сворачиваться и уходить, несмотря на вчерашнее решение тут задневать. Будем искать место получше, а то комары здесь просто нереально лютые.

Итак, позавтракав кашей «от Кэпа», эскадра встала на воду и ринулась вперед. Но я-то помнил, что до моей прошлогодней стоянки за деревней Щепье места снова будут не очень. А это значит, что сегодня днёвки нам тоже, судя по всему, не видать...

День снова выдался жарким и безоблачным. Мы часто останавливались на пологих песчаных берегах отдохнуть. В тельняшке стало жарко и дальше после очередной остановки я уже пошел с голым торсом, лишь накинув на плечи и шею шемаг. Даже Геннадич расстался со своей штормовкой, чтобы выровнять загар.

Берега были красивыми, но не очень пригодными для стоянки и тем более днёвки. Хотелось чтобы костер и хозчасть были в тени сосен, но в то же время чтобы была и песчаная коса, где можно хорошо искупаться. Таких мест нам всё никак не попадалось. Песчаные косы оказывались поросшими сплошным кустарником и редколесьем. Хорошего соснового леса без густого подлеска тоже к воде не выходило...

Мы прошли деревни Званец, Клавдино, Слудно и Щепье. Стало вечереть. И вот, наконец, причалили к моей старой стоянке. Координаты места — $N\ 59.18169^\circ\ E\ 36.11501^\circ$. Тут я снова обнаружил свои старые костровые палки. Также, кто-то сделал новый стол и скамейки прямо из толстенных сосен! Я был за то, чтобы задневать тут, но С.Ю. место не понравилось близостью к деревне и обжитостью, выражавшейся в наличии деревни Щепье в двух километрах выше по течению. Пляжика тут тоже не было — снова крутой подъем. Народ стал балагурить и требовать хороший пляж на днёвку. Времени, в принципе было ещё не много и я, на свою беду, согласился с командой. Впрочем, не повторять же точь-в-точь прошлогоднее путешествие? Надо и новые стояночные места разведывать. Мы решили пройти ещё немного в поисках Лучшей Стоянки. Я помнил с прошлого года, что, кажется, в километре-двух ниже по течению кто-то стоял лагерем на правом берегу.

Мы отплыли и вскоре... правильно, начался дождь — сначала мелкий морозящий — словно в наказание туристам-водникам, чересчур привередливо относящихся к поиску места для стоянки. Стали чаще причаливать к берегам для осмотра. После второй тщетной попытки найти стоянку, дождь усилился. Воистину — «Лучшая Стоянка была полчаса назад». Крупные капли дождя колошматили по панаме. Пришлось экстренно нацепить дождевик, предусмотрительно положенный тут же рядом, стиснуть зубы и плыть дальше. Мы ещё несколько раз причаливали для осмотра, но безрезультатно — места никому не нравились. Дождь с ветром усилились, и прекращаться не собирались. Уже не шла речь найти шикарное место для днёвки, а хотя бы просто переночевать и переждать непогоду — как поразительно меняются наши запросы в зависимости от обстоятельств!

Наконец, тучи затянули всё небо, и пошел сильный ливень. Мы совсем перестали грести и просто дрейфовали по течению, закутавшись от дождя кто во что. Я размышлял что делать. Стоять лагерем на песчаной косе смысла мало, поскольку песок будет везде — в палатке, в спальнике, одежде... стоять днёвкой, место для которой хотели вроде как найти, на высоком берегу — намучаешься бегать вниз к реке за водой. Этот клубок противоречий, осложнённый погодными условиями, предстояло как-то разрешить.

Дождь всё не переставал, а мы, дрейфуя, вышли из очередного поворота петляющей реки. Нашему взору открылся вид на пару километров прямого русла, что в сумме с весьма прохладным ветерком и крупным ливнем действовало на меня угнетающе. Словно прочитав моё состояние, С.Ю. заметил место на высоком правом берегу, и мы высадились.

Место было ни о чём. Но сверху лил дождь, с носа капало, времени было уже много и надо бы вставать лагерем... С.Ю. повернулся ко мне:

— Ну что, Адмирал, принимай решение!

— Место ни о чём! Обрыв высоченный, еле забрались! Как лодки затаскивать и шмотки? — парировал было я.

— Ёпрст-прст-прст!!! — пошли толки в бригаде.

— Устали как черти и дождь, похоже, затяжной! — звучало из трюмов...

— Тут делов на 5 минут! Перекидаем по цепочке вещи на обрыв и дело с концом! — посыпались рационализаторские предложения от команды.

Я колебался, но видя наше состояние и погодные условия, понял, что идти дальше бессмысленно и чревато. И решил остаться на ночёвку. Координаты экстренной стоянки — *N 59.19177° E 36.15595°*.

Мы организовали живой коридор для разгрузки байдарок и быстро сделали наверху песчаного обрыва гору из наших вещей и гермомешков, накрыв их полиэтиленовой пленкой от дождя. Потом, орудуя топорами, выровняли место от кустарника и кое-как затащили байдарки на крутой подъём. Следующим верным решением было поставить тент, что мы и сделали первый раз за поход и вообще в походной истории этого тента. Потом перетаскали под него вещи. Фух, можно передохнуть! Я вновь почувствовал уверенность и контроль над ситуацией. Дождик чуть ослабел, но не прекращался. Все отправились на поиски дров. Вскоре мы притащили и распилили несколько, на удивление, сухих брёвен. С помощью газовой горелки разожгли костёр, что было непросто, когда вокруг всё мокрое, и стали готовить чай

и ужин. Пока закипала вода, поставили палатки и накрыли их пленкой. . . В целом, всё как всегда, только под дождём.

Дима, встав на краю обрыва, философски-язвительно заметил:

— Место о-о-очень хорошее, как и хотели! А главное *людей совсем нет!* — и жестом руки показал на противоположный берег по диагонали вниз по течению Чагодоши.

— А что такое? — народ подтянулся к берегу. — Чего там такое?

Ба! Там метрах в 300–400 стояли рыбаки. А мы и не заметили их сначала. Но что-либо менять было поздно, поскольку лагерь был уже развёрнут, да и не нужно — на кой сдались они нам, а мы им?

— Это рыбаки, вон удочки, — намётанным глазом заметил Паша. — а сейчас в дождь какая рыбалка? Они скоро свернутся и уедут, вон, похоже, машина стоит в кустах.

— Да даже если не свернутся, я лодки у них не вижу, — сказал я, — и на наш берег им зачем?

В итоге мы доготовили ужин и, ютясь под тентом, вспомнили про то, что трёхсолодовый давно почил, снадобье из агавы тоже. . . народ было загрустил, но тут Адмирал вытащил свою десантную флягу, полную 96-го и Старпом, приговаривая «два к трём, два к трём», приступил к сложнейшим вычислениям пропорции, пользуясь моей железной кэпской кружкой, как мерной пробиркой.

Дождь, тем временем, закончился, небо стало расчищаться. Просто фантастика! Ещё какой-то час назад мне казалось, что гнуснее погоды быть не может,

а сейчас я был даже счастлив! Костёр, вечерняя похлёбка, шикарное сало с чёрным хлебом и 96-й мгновенно перевели эту стоянку из низшего разряда во вполне себе терпимый. Небосвод на западе расчистился и заиграл закатными красками, а розовое солнце подсветило облако необычной пирамидальной формы на востоке, создав совершенно умопомрачительной красоты картину речного рая.

Я присел на плащ-палатку на краю высокого обрыва, достал кисет с трубочкой и, отхлебнув чаю, подумал, что как же чертовски хорошо устроен мир... пока нет людей. Природа — абсолютно прекрасна. Человек в ней — лишнее. Он только портит её и замусоривает. Не венец он природы, а, как говорит Геннадич, вирус.

— Да, Геннадич? — желая ещё раз услышать подтверждение, спросил я.

— Вирус, вирус... никуда не деться от него! — подтвердил мой Старпом. — Всё засрало, пол-планеты уже... — полилась философия.

— Но почему именно вирус? А не, скажем, животное? — не унимался я. — Ведь вирус это не животное и не растение, а чёрт знает что такое...

— Да как тебе сказать, вот проплывали сегодня пару стоянок — намусорено, мать их ети! — Геннадич распалился вдруг. — И ведь то местные рыбачки грешат, местные, понимаешь! — изрёк Старпом и смачно затыкнулся. — Потом сюда ещё рыбачить придут другой раз, самим не противно?

Да, всё так. Психология временщика — после нас хоть потоп. Нет понимания, что всё это останется нашим детям, внукам... а, впрочем, останется ли? Что ждёт нас в ближайшие годы, какие потрясения? К чему идёт всё

наше «развитие»? Сложный вопрос, подобная философия так и норовит проникнуть в сознание, особенно когда сух и сыт. Мы сидели и тихо подымливали с Геннадичем на краю обрыва, болтая о всевозможной ерунде. . . в голову лезла ещё всякая разная философическая чепуха, но пора было уже и на боковую — вечерний марафон с развёртыванием лагеря в тяжелых штормовых условиях нас подызмотал.

К этому времени палатки были давно поставлены и немного окопаны от дождя. Команда накормлена и переодета во всё сухое. Все собрались под тентом, пили чай со сгущёнкой и печеньем. Рыбаки на противоположном берегу дожгли костёр и тоже утихомирились. На Совете Капитанов решили, что завтра специально начинаем искать днёвку ну прямо с отплытия:

— Пусть даже приличное место окажется уже за следующим поворотом, встаём! — обозначил Паша, выражая командное желание устроить хорошую днёвку.

— Ну да, — соглашался я, — километраж мы опережаем уже примерно на полдня из-за сегодняшнего дождевого рекорда, поэтому почему бы и нет.

— Хотелось бы постоять денёк в красивом месте, — заметили С.Ю. и Дима. — Что там дальше по течению с местами, Кэп?

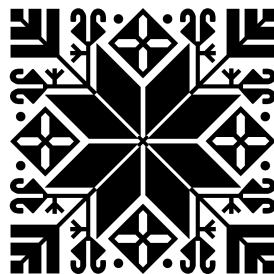
— Ниже обрыва в Загривье я не ходил, но до Бывальцево вроде мест ещё будет предостаточно. — поделился я с командой разведданными.

— А после? После Бывальцево?

— Там русло спрямится и высокие берега песчаные пропадут, — отвечал я, — Так что надо встать до него.

На том и порешили — целенаправленно прямо с утра завтра ищем обалденное место под днёвку. Сегодня же денёк выдался под конец тяжёлый, но мы всё выдержали и даже, вообще-то очень неплохо разместились. Спать разошлись опять поздно, гоняли чай и дымили с Геннадичем. В ночь, как мне показалось, пошел ещё дождик, но я предусмотрительно накрыл также задний торец палатки полиэтиленовой пленкой от влаги и ветра. Хотя, про дождь вполне могло и присниться. Сон у меня в сплаве был ну просто богатырский — я мгновенно отрубался на свежем холодном ночном воздухе, пропитанном запахами леса и разнотравья, а с утра вставал на удивление выспавшимся и обновлённым.

Глава 10

Лукобор

Ночка была не самая тёплая, но, тем не менее, я не замёрз. Новый надувной матрас надёжно изолировал от прохладной земли — всё-таки уже август, хоть и намного теплее, чем в прошлом году, когда я шёл без матраса. Я выполз из палатки не слишком рано, народ тоже потихонечку начал раскачиваться. У меня отчего-то возникло лёгкое ощущение неотвратимо приближающегося конца похода, хотя на самом деле, только-только минула его половина. Видимо, это потому что в прошлом году я антистапелился в Загривье, мимо которого мы должны были сегодня проплыть.

Итак, предстояло найти уникальное место для днёвки. Чтобы и песчаная коса была для купания, и лес красивый сосновый, и ровная полянка для палаток, и чтобы без травы высокой, и чтобы столик был желательно и чтобы, и чтобы, и чтобы...

После завтрака мы неторопливо и аккуратно спустили байдарки на воду с высокого обрыва. Потом привычно погрузились и отчалили. В скорректированном плане на сегодня мы должны были пройти Загривье — место моего прошлогоднего антистапеля — и идти дальше, но не далее Бывальцево, поскольку после него характер берегов Чагодощи снова поменяется — песчаные пляжи пропадут, о чём я вычитал в интернете и соотнёс с топокартой. Погода радовала — небо снова расчистилось, ярко светило солнышко. Белые кучевые облака медленно бороздили высокую августовскую синь. Жарко. Я снова сидел в байдарке, лишь прикрыв плечи шемагом, а голову панамой, постоянно смачивая её водой.

Около деревни Загривье мы остановились на широченном песчаном пляже — там же, откуда я в прошлом году пошёл на разведку выброски. Тут, судя по старой топокарте, должен был быть паром. Остатков парома я также не нашёл, как ни искал. Решили помыться в реке и передохнуть. Течение в этом месте было довольно приличным, так что купались аккуратно. Все намылились мочалками и с громким «плюх», оставляя на поверхности воды мыльную пену с пузырями, занырявали на глубину промыть свои тела. Прохладная водичка приятно бодрила! Покончив с водными процедурами, немного перекусили. На берег приехали местные на машинах. Я стал расспрашивать одного дедка о порогах перед Лентьево. Как оказалось, он слышал о них, но никогда сам лично там не бывал... что ж, посмотрим скоро сами, что это за пороги такие.

Отчалив от пляжа, прошли протоками около Загривья и повернули вслед за руслом направо, оставляя слева высоченный песчаный обрыв с беседкой

наверху. Фотографии этого места вышли просто умопомрачительными. Трепет охватил меня — дальше снова первопроход — если маршрут до этого места был мне знаком, то дальше мы снова идём в неизвестность! Ура-а-а!

Мы с Геннадичем замешкались на песчаной косе, делая фотографии, и сильно отстали от бригады. Вышли на широченный плёс, увидели нашу флотилию далеко впереди, лопатающую веслами. Налетел встречный ветер, стало тяжело идти. Расстояние между нами и авангардом флотилии стремительно увеличивалось. Надо было исправить ситуацию, ибо негоже адмиральской байдарке идти замыкающей. Зарядил сигнал охотника зелёной ракетой и пальнул вперёд под углом градусов 45, чтобы бригада услышала выстрел, заметила ракету и подождала нас. Они, к счастью, догадались и подождали. Дальше пошли более менее стройным кильватерным строем.

Песчаные пляжи и обрывы становились всё краше и краше, но, увы, они скоро должны были закончиться близ деревни Бывальцево, о чём, как уже говорилось, я знал из отчётов и спутниковых снимков. Так что место на днёвку надо было в любом случае найти на этом промежутке до Бывальцево. Плыли медленно и даже, я бы сказал, лениво. Два раза причаливали оценить место — нам всё казалось не очень. То не было пляжика, то место для лагеря слишком далеко от воды, то ещё что-нибудь. Привередничали.

И вот, пройдя примерно половину пути от Загривья до Бывальцево, мне показалось, что на левом берегу сразу за прибрежными кустами должна быть хорошая поляна без травы. Мы высадились на песчаный берег и взобрались по невысокому подъёму наверх. Стоянка была отличная! Поляна ровная, стол, скамейки, куча места для палаток, кое-какие дровишки валялись, мусора не было. И огромная

песчаная коса есть, как и хотели. Решили, что, возможно, это лучшая стоянка из найденных нами в этом сплаве. Координаты — $N 59.16482^{\circ} E 36.28046^{\circ}$. На правом берегу чуть поодаль в глубине леса находилось урочище Лукобор, как оно было обозначено на карте. Что там раньше находилось, мне найти не удалось. Возможно какая-то деревня, потому что место тут и вправду очень красивое — река делает затяжной S-образный поворот и имеются отличные песчаные косы. Ясное дело, мы остались на днёвку.

Делали всё лениво, потому что времени было вагон — на стоянку пришли часов в 14 или 15. Как обычно, перетаскали вещи, байдарки затащили и перевернули вверх днищем, развернули лагерь. Над столом натянули тент, памятуя о внезапно настигшем нас вчера дожде. Костёр сделали чуть в стороне, чтобы не подпалить синтетическую ткань тента. Место под палатки расчищали от безумного количества шишек — видимо тут кормятся бёлки, но самих пушистых непосед мы не видели.

Прошел лёгкий дождичек и появилась радуга. Природа радовала нас, одним словом. Паша и С.Ю., тем временем, отправились рыбачить ниже по течению. Дима и Геннадич обсуждали рок-группы и музыку вообще, а Ваня счастливо участвовал в ничегонеделании. Я тоже отдыхал, слоняясь по лагерю с фотоаппаратом. К середине похода мышцы уже окончательно перестали ныть, привыкнув к физнагрузке, а кожа на руках огрубела от весла, потому что я грёб по привычке без перчаток.

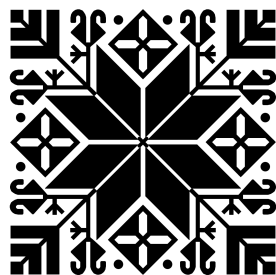
С днёвкой всё сложилось как надо — отличнейшее место в полнейшей глуши... связи и той нет. Я включил телефон и попытался отправить жене смску, но сообщение не проходило. Встал на пенёк, связь лучше не стала. В итоге, походив по берегу и поискав связь, я бросил

это бесперспективное дело, поскольку до ближайшего населенного пункта — Бывальцево — километров 8–10 по прямой, да и не факт, что там есть вышка сотовой связи.

Вечером заготовили дров — притащили ещё брёвен и распилили их. Дима вызвался приготовить ужин, а остальные стали ему помогать. Наш шеф-повар порадовал нас кус-кусом с тушёнкой, салатом с тунцом(!) и традиционным супом. Вот это да! Настоящее походное пиршество! Приготовив ужин, сидели застольничали допоздна, благодарили нашего шеф-повара. Стемнело и в ход даже уже пошли фонари. Геннадич наигрывал на губной гармошке. Я блаженно сидел на стульчике, прислонившись к дереву, и пускал вверх колечки дыма из трубки. Пожалуй, в этот вечер я, возможно впервые за этот сплав, по-настоящему прочувствовал атмосферу уединения и отречённости от цивилизации. Эти сладкие минуты! Дорожу ими. Собственно, ради этих мгновений и затевается всё вот это вот. Они проносят, как будто тайком, нелегально, в душу спокойствие, удовлетворение, сознание дикости, первобытности, естества. Именно эти минуты очищают сознание и именно ради них мы идём в походы, сплавы. . .

Спать расползлись очень поздно — всё равно завтра выспимся! Ведь завтра долгожданная днёвка! Каждый из команды наверно уже много раз тихонько проклинал меня и С.Ю., как командиров, что мы никак не остаёмся на днёвку. Но от длительного ожидания место, выбранное сейчас нами, становилось только лучше в сознании притомленного туриста-водника.

Глава 11

Потапыч

Проснулся достаточно рано, но вылезать из палатки совершенно не хотелось, и вскоре я снова задремал. Соизволил вылезти, когда народ тоже уже проснулся и начал шуметь. Стали готовить завтрак — Геннадич проявил рвение и взял инициативу в свои руки. В итоге у него получилась обалденная каша, в которую также добавили орехи, изюм, курагу и другие сухофрукты — как мы обычно делаем. Пока он кашеварил, я достал флаг Советского Союза и укрепил его на свежесрубленном импровизированном флагштоке. «Неба утреннего стяг...» и снова аккорды гимна в исполнении Геннадича, одной рукой помешивающего кашу, а второй играющего на губной гармошке.

Потом вспомнили, что у нас есть блинная мука и захотели сделать оладьи с яблоком. Приготовили тесто, как умели, и Дима начал готовить. Хотели сначала печь оладьи в крышках котелков. Но крышки оказались слишком тонкими и всё сгорало. Усовершенствовали конструкцию —

стали печь в двух крышках, поместив между ними песок для распределения тепла. Снова почему-то не вышло. Блинчик снизу подгорал, а сверху по-прежнему оставался абсолютно сырым. Дима достал свою газовую горелку, и мы повторили всё то же самое, только теперь не на костре, а на горелке. Но результат вышел тот же — сырой подгорелый блинчик. Тогда С.Ю. предложил просто запечь тесто в котелке. Мы поставили котелок на угли и вокруг тоже привалили углями. Пахло безумно вкусно. Все ходили вокруг котелка в нетерпении и норовили заглянуть что там получается... но увы, всё тоже сгорело, превратившись в полусырую несъедобную массу. Короче, как мы поняли, блины в походе — не мужских рук дело. А вот как теперь отчищать котелок? В нём напроць пригорели остатки «теста». Я сразу в шутку предложил этот котелок выкинуть к чёртовой матери. Но С.Ю. сказал, что свой котелок в беде не бросит и грустно пошёл на берег отчищать его. Поели, короче говоря, оладушков.

Но, поскольку мы уже до того зарядились кашей, отсутствие оладушков нас не сильно огорчило. Так что днёвка начиналась почти отлично. По синему-синему небу плыли частые кучевые облачка, день обещал быть жарким. После завтрака мы с Геннадичем решили сплавать из интереса на противоположный берег, потому что Паша сказал, что видел там... медведя. Оказалось, Паша рано утром встал и пошел на рыбалку, и тут ему улыбнулась удача — несколько крупных рыбёшек стали добычей. Поймав пару окушков, он и увидел медведя на том берегу. Не очень приятное соседство на днёвке, однако. Надо разведать, что там такое, и вот мы уже на пустой байдарке мчимся вдвоём на правый берег, на песчаную отмель чуть ниже по течению, следуя указаниям Паши.

Вылез из байдарки и сразу заметил следы, но не медвежьи, а собачьи — воображаемая линия проводилась между 1 и 4 когтём, пересекая подушечки лапы — значит это собака, а не волк. Откуда тут собака? Ну да ладно, пошли с Геннадичем дальше и... наткнулись на свежие следы медвежонка. Отпечаток его лапы был меньше моего, у меня 44-й размер ноги. Сразу стало как-то не по себе. Сфотографировав свидетельства пребывания тут медведя, мы поспешили убраться с этого пляжа обратно в лагерь.

Настроение у меня подпортилось. Мы встали на днёвку, да ещё место такое живописное, а тут медведь где-то ходит неподалёку! Вот тебе раз! По прибытию в лагерь я сразу проверил на всякий случай на месте ли сигнальные ракеты. Глупо, правда, надеяться, что они как-то помогут в случае нападения хищника. Хотя, с другой стороны, зачем ему нападать? Мы ему ничего не сделали... не считая того, что встали тут на днёвку. Короче говоря, мысли роем носились в адмиральской голове, сталкивались там и думали, что предпринять в данной ситуации... вплоть до снятия со стоянки. Но в итоге я решил оставаться, потому как медведь больше не показывался, погода была блеск, место — супер, а чувство тревоги понемногу ушло.

Паше и С.Ю. улыбнулась рыболовная удача — удалось за день наловить 6–7 крупных рыбёшек. Они решили их закоптить вечером на углях в специальном пакете. Я успел вымыться в реке, перестирал все вещи и развесил их сушиться на верёвку, которую натянул между двумя соснами, росшими посреди лагеря. Потом решил пойти по песчаной косе далеко выше по течению — настолько она была красива. От лагеря отошёл наверно метров на 500 по красивому песчаному берегу-пляжу вдоль левого берега, делающего

затяжной поворот, и обратно приплыл самосплавом по течению, вылез и стал загорать. Часто в нашем сплаве мы находили такие песчаные косы, на которых совершенно не было следов — ни зверей, ни человека. И это просто фантастика, бальзам на израненную душу городского жителя, который только и делает, что каждый день сталкивается в городе с жутким столпотворением народа на улицах и в транспорте. Коса, по которой я шёл, была именно такой — ни единого постороннего следа —

Красивейшее место мы выбрали! Людей нет, тишина просто звенит в ушах! Мирно плещется Чагодоща в своих золотистых песчаных берегах, дует лёгкий, едва уловимый, ветерочек, сверху греет приятное и ласковое августовское солнышко. Вокруг меня летают стрекозы — показатель экологической чистоты местности. . . комаров нет, их сдувает лёгким ветерочком. Кайф! Я лежал на песочке, положив руки под голову и отдыхал — душой и телом. Любимый мною сосновый лес на противоположном берегу дополнял картину — мне хотелось просто распасться на молекулы и раствориться во всей этой красоте, окружавшей меня. А воздух какой?! Запахи соснового леса и разнотравья, приправленные влажностью реки — это просто наслаждение! Вдоволь навалявшись на тёплом, нагретом солнышком песочке, я вернулся в лагерь. Дима сидел у воды на стульчике и читал книгу, а Ваня играл рядом с ним в песочке. Идиллия! Паша и С.Ю. продолжали рыбную ловлю, а Геннадич релаксировал в лагере.

День, тем временем, уже потихоньку клонился к вечеру. Небо совершенно расчистилось от редких облачков, и оранжевые краски закатного солнца залили нашу шикарную песчаную косу. Я взял штатив, фотоаппарат, дистанционный пульт и пошёл на фотоохоту — закатный свет

известен своей мягкостью и кадры, сделанные в это время, получаются особенно хорошими. Так и случилось — кадры вышли замечательными. Но оранжевое солнышко вскоре зашло за сосны — пора было идти в лагерь. С.Ю. и Ваня, тем временем, уже почистили картошку в реке. Ужин поспевал. Ваню обучали рубить дрова топором, но у него пока не очень хорошо это получалось. С.Ю. нашёл в лесу костянику — добавили её в чай. Подоспела копчёная рыба от Паши — объединение! Наш рацион, и без того разнообразный, обогатился таким шикарным лакомством. К копчёной рыбе у нас был даже лимон — просто барство!

Я сидел на скамеечке, обильно закусывал с ломившегося от яств стола и блаженно выпускал вверх колечки из трубочки. А вот у ребят кончилось курево... я им говорил до похода, что на природе расход в 2–3 раза больше, но это все всегда рассчитать не могут — их запасы сигарет кончились. Ребята стали стрелять мой рассыпной табачок и набивать его в кальку от конфет «Коровка». Эти адски смолящие калькой самокрутки мы так и называли — «Коровка».

Вскоре после перекуса копчёной рыбой, мы навернули сытнейший ужин и продолжили опустошать запасы 96-го, травя всякие байки и болтая о всевозможной чепухе. И тут-то хозяин леса снова дал о себе знать — на противоположном берегу послышался громкий хруст веток!!! Мы повскакивали от стола и вышли на берег. В зарослях определённо ходил кто-то массивный — ветки хрустели, кусты гнулись. Виновника не было видно. Честно, стало не по себе. Я стоял в оцепенении и перебирал в голове варианты, что бы предпринять. В итоге я взял два топора и стал соударять их, извлекая громкий и мелодичный протяжный металлический звук из своего кованого топора. Хруст углубился в заросли

и удалился. Мы стояли и продолжали трапезу уже стоя — не отвлекаться же от ужина, в самом деле?

Я догадался включить запись видео в фотоаппарате. Но вскоре стало вообще не до смеха — на том же бережку, куда мы с Геннадичем плавали с утра, показался *мишка*. Видимо, испугавшись звона топора, он отошёл вглубь зарослей и вышел подальше от нас к воде. Не смотря даже в нашу сторону, он медленно подошёл к реке, постоял, помедлил, попил воды. В лагере нарастало напряжение.

— Чё делать то, а??? — вслух то ли рассуждая, то ли пытаясь успокоить сам себя, сказал я, не прерывая видеосъёмки.

— Зум 100%-й сделай, спокойно предложил С.Ю.

— Да сделал я уже 100%-й зум...

Я достал из штормовки два сигнала охотника и зарядил их. Стрелять или не стрелять вверх, вот в чём вопрос! Отпугнёт это или, наоборот, привлечёт зверя? С медведем я сталкивался 1 раз в Башкирии, но тогда я лично его не видел, да и нас было 50 человек, так что момент истины я тогда как-то не прочувствовал. А сейчас, стоя с двумя сигналами охотника, готовый к стрельбе «по-македонски» с двух рук, я размышлял, что же всё-таки делать.

— Зараза, он ведь щас вброд перейдёт! — сказал Геннадич.

— Ладно, чё делаем то?! Стреляем ракету или нет?!

— ТЫ СМОТРИ, ТЫ СМОТРИ ЧЁ ДЕЛАЕТ!?!?!?!?!?

Мишка, вообще не обращая на нас никакого внимания, попил воды и стал переплывать реку НА НАШ БЕРЕГ!!!

Правда, не в нашу сторону, а по диагонали от нас — ниже по течению. Но это всё равно — на наш берег!!! Я протрезвел буквально за секунды! Ване, крутившемуся между нас, сказали не бегать и он замолчал. А потом расплакался, видимо тоже, наконец, ощутив страх. Ваня запричитал, чтобы мишка не кушал его, а кушал нас, потому что мы — старые по его мнению. До-о-о-брый мальчик! Ну, так-то да, заросшие щетиной мы кажемся старше, чем есть на самом деле. Ваня, впрочем, быстро успокоился и ещё раз напомнил нам, что мы старые, и нас кушать уже можно, а его нельзя, чем разрядил обстановку. Я ещё немного постучал топорами друг об друга, издавая громкий протяжный звук. Мишка, в свою очередь, ровно никак не реагировал на моё стучание топорами и спокойно, зараза, переплыл реку, вылез на берег и углубился в лес... вроде бы не в нашу сторону.

— Окружает! — попробовал похохмить Паша.

Но что-то остальным было не особо до юмора.

— Наши предки как-то же охотились на медведя без огнестрельного оружия? — Дима схватил топор и вырубил две огромные рогатины, но никто не поддержал его энтузиазма.

— В случае чего, — предложил я, — надо уходить по реке на пустой байдарке, а потом вернуться за вещами — мишка не станет вечно околачиваться в районе лагеря, а, скорее всего, найдёт что поесть, да и побредёт прочь.

— Не успеешь ты ничего, — поползли упаднические настроения, — даже байдарку до берега дотащить...

Короче говоря, перепугались мы не слабо. Естественно, здоровый сытый зверь боится человека. Но не пойдешь же

искать его и спрашивать, мол — ты сытый и здоровый или нет?

Потапыч ушёл, а тревога осталась. Кроме того, погода начала портиться, стал накрапывать дождик. Что делать?! Сниматься со стоянки под ночь?! Кажется только С.Ю. сохранил хладнокровие:

— Это большая удача, что мы вообще увидели медведя, ребят! — и сделал единственно верное дело: унёс остатки сала от стола и повесил пакет с ними на берёзу в стороне от лагеря, — А остальные продукты сложим около стола, а не в палатках, как обычно, — сказал он.

— Ну да, только стол в центре лагеря!

— Тогда тоже на ту берёзу повесим!

Так мы и сделали. Потом, оглядев нашу порядком струхнувшую бригаду, С.Ю. сокрушенно изрёк:

— Зря боитесь. Зверь боится нас гораздо сильнее, чем мы его. — и т.д. и т.п., что и так вертелось у меня в голове, но нервишки и куча видео с нападением медведей на туристов, которые витают по интернету, подсказывали другое: «Жги костёр!». В голове будто совещались здравый смысл и страх:

— Но ведь медведь боится нас сильнее...

— ЖГИ КОСТЁР!

— А как же природный страх животного перед человеком? Ведь все животные боятся человека и огня...

— Ж-Г-И К-О-С-Т-Ё-Р !!!

Дима с Ваней пошли спать, С.Ю. тоже улёгся пораньше, а мы с Пашей и Геннадичем остались жечь костёр и добывать конфеты «Коровка». Впрочем, Паша скоро тоже ушёл, напившись чаем, остались только мы с Геннадичем. Под шум редкого дождика жгли костёр и болтали о разном, стараясь разогнать сон. В шуме ветра и дождя мне всё чудилась поступь хищника, блуждающего по лесу.

Перевалило за полночь. Вздурораженное сознание рисовало медведя, сидящего в засаде и тихонечко ждущего, когда же эти негодные людишки наконец уснут. Стали болтать про печальную судьбу группы Дятлова, инопланетян, бактериологическое оружие массового поражения и прочие страшилки у костра.

О группе Дятлова слышал, пожалуй, каждый турист в нашей стране. Ребята оказались неготовы к погодным условиям, а просчёт руководителя с местом ночёвки на склоне горы Холатчахль стал роковым в той истории. Все остальные бредовые версии об их гибели, конечно, являются спекуляцией на горе и результатом особенности человеческого сознания скорее поверить в нечто сверхъестественное, чем в банальную неготовность группы к тому маршруту в сложных условиях.

И вот теперь, тоже оказавшись в не очень приятной ситуации с этим медведем, аналогии с группой Дятлова так и лезли мне, как руководителю нашего сплава, во вздурораженное сознание. Что если я был не прав, и надо было свернуть лагерь и уйти со стоянки? Вдруг медведю захочется подойти к лагерю поближе?! В здешних местах туристы не слишком часто ходят чтобы медведи к ним привыкли, но всё же, кто знает что у этого медведя на уме?! Какого чёрта мы не снялись со стоянки? Выиграть в схватке с медведем современному человеку без соответствующих

навыков и без огнестрельного оружия — шансы нулевые. Добежать вдвоём (потому что одному не справиться!) до байдарки, принести её к воде и отойти от берега подальше — на всё это просто не хватит времени при встрече с потапычем. Кроме того, он великолепно не только плавает и быстро бежит, но и лазает по деревьям — на окрестных соснах тоже не спастись. Кроме огнестрела особо весомых аргументов-то и нет, собственно. Но ружья у нас с собой не имелось, так что мы продолжали сидеть у костра и заниматься болтологией для самоуспокоения.

Но, чем дольше мы сидели, тем больше я понимал, что это всё, конечно же, зря и надо бы спать. Но мы почему-то всё сидели и подкидывали дрова в костёр, когда он начинал угасать под редкими порывами ночного ветерка и очень некстати начавшимся под ночь дождичком. На кой медведю в такую погоду шататься по лесу? Залёг, небось, уже в свою берлогу, или где он там ночует, и спит, зараза, а мы тут рефлекслируем почём зря...

Дождик помаленьку прекратился. К этому времени мы с Геннадичем выпили неимоверное количество чая и порядком опустошили мой кисет. Болтали о всяком разном, вспоминали наш институт, студенческие годы, как «учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь», потом перемывали кости преподавателям, вспоминали однопоточников и, естественно, немногочисленных однопоточниц...

«Приём, приём!»

...Наверно каждый помнит гайдаевское «Наваждение», историю про Шурика и Лиду, когда в институтской аудитории амфитеатром шёл приём экзамена по электротехнике и легендарное: «Диктую ответ на 1-й вопрос»... Это снимали в аудитории моего института, на кафедре физики. Антураж там был что надо! Старые парты, шкафы с лабораторным оборудованием, рулонная доска крутящаяся и поражающая воображение вчерашних школьников, и, собственно, сам амфитеатр. Мне довелось не только сдавать вступительные экзамены в этой аудитории, но и позже слушать в ней лекции по физике. Историческое, можно сказать, место! Немного, конечно, огорчало то, что образ профессора из «Наваждения» никак не стыковался с реальными преподавателями. А позже эту аудиторию отремонтировали, напрочь убив современной отделкой и мебелью весь колорит, антураж, саму былую атмосферу «винтажности» этого места, увы!

Учёба в институте, в целом, была намного лучше школьной — было больше свободы, больше возможностей, и при этом меньше контроля при кратно возросшей сложности и ответственности. Мне удалось поступить в институт на 2 года раньше по возрасту, поскольку школу я окончил экстерном, и поначалу эта разница в возрасте между мной и сокурсниками, одноклассниками, очень чувствовалась и угнетала. Выровнялось это лишь к середине периода обучения, наверно, но никак не раньше.

Проходные условия на факультет были не особо высоки, и поначалу все группы на потоке были большими, человек по 30, раздолбаев хватало. Впрочем, всё как

по «Наваждению». Но, поскольку учиться было непросто, ряды поредели очень и очень сильно — к концу обучения в моей группе осталась только 1/3 первоначального состава — среди моих знакомых в других институтах такого отсева не было ни у кого, но, должен признать, по большей части отсев был справедливым.

...Лабораторные работы — это «песня». На них, традиционно, группу разбивали на бригады по несколько человек, чтобы каждому хватило приборов и т.д. Моя первая бригада по физике определила мою дальнейшую дружбу с Сергеем Лунёвым и Кириллом Рябковым. И хотя Кирилл (Кир или Киря, как мы его называем в нашей компании) позже отчислился и мы ненадолго потеряли друг друга из виду, впоследствии мы стали вместе ходить в сплавы... но я забегаю вперёд.

Итак, лабы по физике. Было сложновато, поскольку школьные лабораторки были просто «детским садом», и этот разрыв между школой и институтом чувствовался мной очень жёстко. Но как-то справлялись. Серёга сразу на 1 курсе устроился на подработку и учиться ему стало тяжелее обычного, я даже не представляю как он вытянул. Поэтому в основном подготовка к лабам в нашей бригаде держалась на мне, увы. Серёга однажды даже сказал мне, что если бы не я, то, скорее всего, вылетел бы он с 1–2-го курса. Впрочем, я склонен думать, что он преувеличивает...

...Одно из ярких воспоминаний — лабы моей бригады по физике у товарища Гв-го. Это был конец 2-го курса уже. Наши неокрепшие умы, мой так точно, не сразу поняли, что запах, источаемый им, это не изысканный парфюм, а просто-напросто жёсткий вчерашний перегар:

— Ребят, ну у вас в подготовке тут... это вот что такое тут написано? — странно растягивает Гв-й.

— Так, ну здесь... — начинаю объяснять было я, но понимаю уже, что у дяди тяжелейшая похмелуха, и все мои слова не ложатся на его мироощущение в текущий исторический момент.

— Так, незачёт, пш-ш-шли отсюда! — это для студентов нашего вуза звучало как приговор, поскольку недопуск к этим, часто совершенно идиотским по содержанию и техническому оснащению, лабам означал то, что их надо будет сдавать в конце семестра, в зачётную неделю перед сессией, когда и так пар из ушей. Соответственно, преподавателям на зачётной неделе тоже не до переделок этих лаб, а без них нет допуска до экзамена... Сочетание этих факторов с неопытностью зелёных студентов приводило чаще всего к одному — накапливанию долгов и отчислению. Поэтому чему лабы нас, как студентов, и научили, так это крошечной лжи, изворотливости, хитрости, безбожному подгону результатов ради допуска и сдачи, увы.

Нашу бригаду Гв-й тогда не допустил до лабы и удалился в свою каморочку в лаборатории.

— Вот же пьянь!

— Шурик, а чё делать?! — Серёга был, казалось, как и я, раздавлен ситуацией.

Откладывать на конец семестра это всё — последнее дело. Я понял, что Гв-й сейчас, возможно, похмелится и поболеет?! Подождали минут 10, пока он не вышел к нам снова с а-а-абсолютно стеклянными глазами, и со 2 раза получили допуск к выполнению, показав ровно те же самые расчёты, которые, что вдвойне обидно, были сделаны

правильно. И такая штука случалась часто. Постепенно весь задор, запал, с которым я пришёл в институт, попросту пропал из-за таких вот моментов. Исчезла какая-то надежда, что «чем дальше, тем интереснее», начались просто рутинные серые будни...

...Вспоминается незаурядный Леб-в с кафедры физики. Сухенький старичок с огромными линзами в очках. Он, конечно, был физик знатный, формулы из него лились сплошным потоком и устилали всю доску. Но, увы, будучи хорошим лектором, семинарские занятия он вести попросту не умел — это быстро осознала вся наша группа. Он распылялся, уходил в сторону от темы, начинал что-то несуразное объяснять вместо того, чтобы при разборе задач сказать, что вот так и так — «хорошо» потому-то и потому-то, а вот эдак — нет. Помнится, один раз мы с ним схлестнулись в словесном поединке на целый семинар в обсуждении моего расчёта напряженности поля в металлах и диэлектриках — он сыпал формулами, я пытался отвечать, так и не понимая чего он, собственно, хочет от меня. Длилась такая битва минут 30 точно, никто не хотел отступать... Пришлось мне переделывать расчёты, добывая сведения в книжках, справочниках и у старшекурсников. Леб-в так и не смог нормально объяснить что было не так, я сам понял позднее. Ещё один гвоздь в крышку, как говорится...

...Радиоматериалы нам читал профессор Ар-ев. Народ на потоке ошалевал от беспросветной отсталости даваемого материала — весь мир давно ушёл в нанометры, а тут... был полный финиш. Полный. Как эту муть сдавать, что

называется, «без слёз и боли» — не знал никто. Впрочем, как-то сдали.

Вспоминается случай на лабораторках по этому предмету. Был опыт по пробое диэлектрика, в роли которого выступала многослойная промасленная трансформаторная бумага. В лабораторной методичке особо подчёркивалось, что *нельзя, чтобы в зоне пробоя между слоями бумаги оказался воздух*. Ибо тогда при электрическом пробое бумага может воспламениться. Стоит ли говорить, что соблазн был чересчур велик??? Естественно, моя бригада устроила небольшой пожарчик, который, впрочем, был быстро мною потушен ветошью из старых синих лабораторных халатов под улюлюканье бригады.

Профессор Ар-ев очень плохо выглядел, он был уже в довольно преклонном возрасте. Вспоминается один случай с его лекции. Была, кажется, весна, а, значит, это был 2-й семестр курса третьего, наверно. Слушать его радиоматериальскую муть никому не хотелось, понятно. И вдруг он, как чувствуя это, спросил:

— Ребята, ладно, а вот такой вопрос — что лить: спирт в воду или наоборот, воду в спирт?

Народ мгновенно оживился! Люди у нас, конечно, на потоке были всякие, но разведением спирта водой мало кто занимался в принципе по причине доступности всего остального. Тем не менее, разгорелась жаркая дискуссия:

— Да не, ну понятно, что... — начал было кто-то.

— Не-е-ет, надо наоборот, потому что... — парировал другой, засыпая оппонента доводами.

— Да вы ващ-щ-ще не в теме! Слушайте сюда опытного человека! — жарко спорили студенты между собой.

Ар-ев слушал, слушал доводы противоборствующих сторон, потом он отчаялся, видимо, втолковать нам верный вариант и изрёк:

— Ребята, пейте лучше сразу водку!

Аудитория грянула молодецким хохотом. . .

. . . Начкурса была одиозной личностью. Орала на поток она исключительно хорошо — децибелы зашкаливали. Однако мне, прошедшему «школу» печально знаменитой Р., это было не в новинку и особо не трогало, поскольку никогда не касалось адресно меня лично — мы с ней встречались лишь в конце семестров при подписании допуска к экзаменам. И всё. Но не все были как я, и именно к таким «не таким» были обращены её вопли и праведный гнев, который, по сложившейся традиции, слушали все, весь поток — для профилактики, так скажем. Сложно сказать, насколько это действовало на отдельных раздолбайского плана личностей, скорее всего, что никак — отсеив на потоке был большой и постепенно таких студизусов практически не осталось. А начкурса осталась и продолжала свою деятельность. Поговаривали, что вообще-то она горой стоит за «нормальных» студентов, однако воочию я лично такого не наблюдал:

— Хороших студентов я не знаю, в том смысле, что они редкие гости у меня, — распиналась она перед потоком. — потому что им просто незачем ходить ко мне, а вот *некоторые* (тут следовал её красноречивый взгляд в сторону какого-нибудь претендента на вымещение злости) у меня из кабинета ну просто не вылазят со своими проблемами!!!

— Я... — хотел было что-то возразить студизус,

но начкурса набирала воздуха и, не давая тому опомниться, выдавала очередную тираду:

— Молчать!!! Вчера пропустил лекцию N!!! Да ты знаешь... — брань нарастала, как цунами, окрашиваясь всё новыми виртуозными эпитетами и определениями наших умственных способностей, а децибелы её речи стремительно увеличивались, резонируя в историческом амфитеатре.

Огромные полупрозрачные тёмные очки наводили суровости на лицо, а короткую стрижку с кудрявящимися волосами дополняла ма-а-аленькая пластмассовая заколочка, зачем-то прикреплённая сбоку надо лбом. Она, эта заколочка, была совсем ни к чему — она ничего не держала, просто была прикреплена, словно говоря: «Я — женщина, если кто не понял!!!»

Она бдила нас на первых семестрах очень жёстко, что, как мне казалось, было абсолютно лишним. Те, кто хочет, и так получают своё, а кто не хочет — отсеется. Направила ли она «на путь истинный» хоть одного раздолбая? Едва ли. Помогла ли тому, кто нуждался? Хотелось бы верить. Однако я убеждён — всё хорошее можно нести и без ора и без крика...

Однажды я вышел на сессию «на пределе» — в последний день зачётной недели, в последний час, можно сказать. И бегом бежал в её кабинет проставить печать:

— Успел! — как отрезав, бросила она, когда я, постучав, зашёл в её каморочку. — У кого?

— Метрология... у Кар-ко.

Сдать даже зачёт, не говоря уже про экзамен, у Кар-ко считалось не очень просто — дядя считал метрологию

не иначе как царицей наук, а уж на лабораторки по этому предмету попортили кровушки знатно.

— Молодец! — будто бы подобрев на мгновение, ответила она и молниеносно проставила штамп о допуске в зачётке...

Шестнадцатая

На нашем потоке было 7 групп. Шестая носила обозначение «16» и имела специализацию на биомедицинские аппараты и системы. То была группа Геннадича. Помимо весьма необычной специализации для нашего факультета, особенностью данной группы было то, что она процентов на 70–80 состояла из девушек, в то время как в других группах потока было по одной-двум девушкам максимум, а в каких-то группах их не было и вовсе. Иначе говоря, 16-я была просто малинником.

— М-м-м, угоститься?

— Без проблем, — протянул я Геннадичу кисет. — Держи.

И он ловко скрутил очередную «коровку». Я подкинул ещё дров в огонь, забрал свой кисет и потуже набил трубочку, прикурив от хворостины из костра — моветон прикуривать от спичек или зажигалки, когда рядом горит костёр.

— 16-я была класс... — мечтательно стал вспоминать я былое, — ну, ты понимаешь, о чём я...

— Да чё класс, Сань, не в моём все были вкусе так то, а так всё хорошо.

— А вот N, например?

— Она после техникума к нам пришла, она ведь старше нас всех года на три и потому всегда немного сторонилась... — Геннадич вдруг внезапно открыл мне неизвестную страницу былой истории, и это спустя почти 4,5 года от выпуска...

Мне вдруг явственно и с горечью вспомнился 1 курс, когда всем было 17–18 лет, некоторым и более, как выяснилось, а мне 16. Разница эта сотрётся полностью только к выпуску, но не ранее, отчего существовала, особенно на первом и втором курсе незримая пропасть в гипотетических поползновениях в сторону прекрасной половины «шестнадцатой». Быть может, оно и хорошо — больше дум и времени было обращено, собственно, к учёбе, а не к... но по прошествии лет, думаю... зря, зазря ребята, пролетело то время! Всё равно от большинства предметов ничего не осталось в голове, стоило ли так упухиваться? Риторический вопрос...

На 3 курсе в конце весеннего семестра мы отмечали «экватор» учёбы. Под эту цель был снят домик за городом и заехали туда на выходные — часть народа добиралась на электричке, часть на своих машинах (было и такое). Был, кажется, апрель. Снег ещё лежал в полях, и тут мы. Пиво отгружали ящиками... М. был ответственен за шашлык, заранее замаринованный ещё в пятницу. Не весь поток, естественно, был на этом «экваторе», а наиболее дружные части 11-й, 13-й, 16-й групп. Так сложилось, что именно таким составом мы часто отмечали сдачу экзаменов.

Помню, когда мы приехали, «малинник» был сильно озадачен — посуды в доме не оказалось никакой! А народ хотел сварить картошечки, всё как полагается... Через полчаса Е. нашёл какую-то чистую, что не характерно, алюминиевую кастрюлю! Победа, казалось бы, но днище было пробито, такое впечатление, что шлицевой отвёрткой. 16-я стала паниковать, что кулинарная часть под угрозой, так сказать, срыва. Но тут в дело включился я и достаточно быстро предложил законопатить узкую пробоину... деревянными зубочистками. Разбухнув от

воды, они бы ещё лучше устранили течь, справедливо положил я. Так и сделали — я и однокурсник, впоследствии получивший прозвище «Вентилятор», проделали сию операцию и «спасли» мероприятие, сорвав немного женского внимания «шестнадцатой».

Перепились, конечно, почти все на этом «экваторе», но такова уж традиция. Наутро выжившие продолжили «заряжаться», помню ещё даже остался целый не распакованный ящик пива... Ближе к середине дня я покинул сие мероприятие и в весьма абстрактном виде туманно добрался домой на перекладных.

Впоследствии мы ещё соберемся в похожем формате позднее, уже после вручения дипломов, в ресторанчике около Измайловского парка, чтобы выйти из него в другую, совсем иную жизнь — как обычно при подведении невидимой черты думалось: лучше ли она будет, счастливее ли? Тогда казалось, что да. А сейчас? Как обычно — в чём-то лучше, в чём-то хуже, закон сохранения энергии никто не отменял. И всё же — хорошо, что во время обучения на потоке была «шестнадцатая» группа...

Спец

...Это был уже 4 курс, вовсю начались спецпредметы. Один из таких спецпредметов нам читал профессор Б-ов. Он был довольно грозным дядей, но объяснял материал не особо хорошо. Пособия по этому предмету же выглядели словно древний манускрипт — мало что было понятно. И нам приходилось как-то выкручиваться, справляться.

Один раз его лекция шла уж как-то совсем вяло. Он то и дело ошибался, стирал пол-доски, начинал заново. Обычно с ним такого никогда не бывало — он всегда был грозен как скала. Но тут мы поняли — это жесточайшее похмелье... очередная формула была записана как-то не так:

— Ух, ё! — стёр он последнюю строку чуть не рукавом своего зелёно-коричневого пиджачка, осознав написанное.

В аудитории пошёл смешок — это было уже не первое исправление, а речь нашего лектора была несколько растяжной.

— Что, смеётесь над лектором? — не то грозно, не то отстранёно-безразлично произнёс сказал он, — Вчера на кафедре диссертацию докторскую защитили, впервые за N лет! Да что вы в этом понимаете... — подумав о чём-то о своём, как-то грустно добавил Б-ов, махнув рукой.

Аудитория ликовала, подстроившись под его волну.

— Ладно, это лирика всё! Итак, кто скажет что тут надо исправить? — продолжал он сыпать формулами.

— Издевается, ё-мое! — подумал я, — Знали бы что добавить и исправить, не ходили бы сюда!

Этот спецпредмет был одним из самых сложных, на лабораторках творился буквально страшный суд. И тут со мной произошла неприятность — я загремел в инфекционную больничку почти на месяц или даже больше. И пропустил несколько лаб по этому предмету. Это было катастрофой, серьёзно. Одно дело выполнять весь этот лабораторный кошмар вместе со своей бригадой и группой, и совершенно другое — в конце семестра в одиночку... но надо, значит надо. Я подал себя в списки на переделку лаб, честно готовился. Надо было сделать, кажется, 3 лабы за одну пару — нереально. Провести все измерения, выполнить расчёты, построить графики, написать выводы и т.д. как обычно. Естественно, я был подготовлен — у меня был уже этот весь материал, я представлял что и как надо делать. Более того, у меня уже были заготовки от моей группы с теми результатами, которые должны быть. Ну а что, иначе не выжить. Б-ов появился в лаборатории:

— Ну что, пришли, раздолбай?

— Пришли, да...

— И чего хотите? — вполоборота сев на стул, лениво полистал он материалы подготовки к лабам — мои и нескольких таких же несчастных, по тем или иным причинам тоже сдававших лабы в конце семестра.

— Да вот... — начал было кто-то.

— Да знаю, знаю, что вы нифига не знаете! Так, давай, рассказывай, что тут должно и как быть, какие результаты, как будешь мерить.

Я начал отвечать, понимая, как откровенно не хочется Б-ову нами заниматься, как ему это сейчас лениво.

— Достаточно, — прервал он, — рисуй такую-то функцию, такое то сечение для такого-то случая.

Рисунок покрыл бумагу, Б-ов принял. Допрос длился долго, минут 30, не меньше. И это была только первая лаба, а там ещё две...

— А почему пропустил-то столько? — спросил он меня.

— Да в инфекционке лежал.

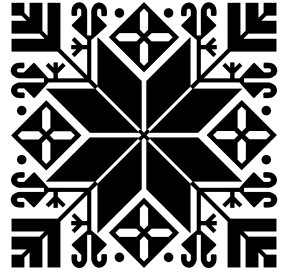
— Ну, руки мыть надо, ёпрст, перед едой! — в своём неуклюжем грубом стиле, полагая, видимо, это верхом остроумия, попытался пошутить он, просматривая подготовленный мной материал на остальные две лабы, — Всё, надоело, зачёт, иди отсюда, — отрезал он и расписался в зачётке.

В голове у меня моментально возник закадровый голос Е.Копеляна, объясняющий спасение радистки Кэт в 11-й серии «17 мгновений весны», где Штирлиц вывозит её с младенцами в Швейцарию: «Произошёл тот случай ... который бывает лишь раз в жизни...»

...Когда пошёл четвертый час ночи, мы с Геннадичем, не сговариваясь, подкинули в костёр три больших бревна, сделав подобие таёжного костра, и разбредились спать по своим палаткам. Уснул, несмотря на поздний час, я очень беспокойно, сжимая рукоять топора в руке.

Глава 12

Пороги и Салынь

Проснулся. Жив. Уже хорошо. Выполз из палатки и стал разжигать костёр. Дров практически не осталось — спалили почти все запасы вчера. Утро команда провела в опаске, димины рогатины лежали рядом. Медведь, однако, и не думал появляться снова, и мы более-менее спокойно приготовили завтрак и быстро свернули лагерь.

Вышли на воду не поздно. Погода испортилась. Нас нагнали тучи, и стал накрапывать дождик. По плану у меня оставалось 3 ходовых дня, из них последний чисто символический — 5 километров. Так что, поход, кажется, сокращается. Берега после Бывальцево стали неприветливыми, как и писали в отчетах, и заросшими сплошной буйной смешанной растительностью. Характер реки резко изменился — песчаные пляжи и повороты пропали — русло спрямилось и уширилось. Течение, правда, почему-то усилилось. Судя по GPS, мы вплотную подобрались к порогу Горынь.

Дождь зарядил пуще прежнего. Мы надели дождевики и укутали ноги полиэтиленовой плёнкой от брызг с весла. Налетел встречный ветер. Похолодало. Руке, опущенной в воду, было теплее, чем в воздухе! Стали активнее грести, чтобы не мёрзнуть. Вскоре запищал GPS — подошли к первому порогу... а его нет. Изгиб русла как на карте, а порога нет — слишком высок уровень воды! Но мы всё равно причалили передохнуть. Единственное, что хоть как-то намекало на порог — у противоположного берега виднелся большой камень...

В GPS очень некстати сели батарейки, пришлось аккуратно заменять, прикрыв прибор своим телом от лившихся с небес потоков воды. Потом прошёлся по местности — сплошной уклон и холмы. Ровного места нет. Дров нет. Лес голый. Место, видимо пользуется популярностью у рыбаков — на правом берегу заметили что-то вроде засидки. Прикинул, что лагерем вставать не только рано, но и пока что негде — места все попадались не очень, да и тут, у «порога», не лучше. Поплыли дальше.

У деревни Мережа прошли точку с координатами порога Буг. Тоже без каких либо проблем по высокой воде. Ничего не заметили вообще. Ну островок в русле. Всё. Разочарование. Я не ожидал, конечно, какого-то категорийного препятствия с белой бурлящей водой и острыми камнями, но всё таки хоть что-то в этом месте должно было быть, иначе зачем на топокарте обозначать это место как порог? Непонятно! В устье Лиди и то был пережат посущественнее, ну да ладно.

Перед деревней Мережа прошли интересное место на реке — в русле было два плотно заросших лесом острова, стоявшие не друг за другом последовательно, а как бы параллельно в русле. Река тут протекала по трём протокам

между этими островами. Течение в протоках было не просто приличным, а сильным. Мы с Геннадичем пошли в левой протоке и не прогадали — течение вынесло нас вперёд перед теми, кто пошёл посередине.

Мы шли дальше и вскоре на правом берегу показались домики деревни Мережа. Причаливать не было никакого желания, тем более, что дождь явно не собирался заканчиваться. За левым поворотом реки после Мережи должен был быть последний порог — Вяльская Гряда. Но, вы уже догадались, его тоже не оказалось там, как и двух предыдущих. Не было ни малейшего намека на какое-то водное препятствие. Я был, конечно, раздосадован. Уж подобие быстрины или переката должно было быть, думал я. С другой стороны, если бы пороги действительно были на своих местах, да причем серьёзные, возможность получить повреждения байдарок в такой чертовски хмурый, пасмурный и дождливый день с неприветливыми берегами в мои планы явно не входило.

Дождь лил и лил, а силы наши таяли. В расслабленном режиме плыть не получалось, потому что замерзали. Надо было искать стоянку среди заросших берегов. Пройдя урочище Гвёрстно на левом берегу, заметили на правом берегу стоянку с одинокой байдаркой. Тоже уже хотелось где-нибудь причалить. Я смотрел на GPS и не верил своим глазам — мы перевыполняем норму километража, а времени до вечера ещё очень далеко! Вот что дождь и течение делают!

В устье реки Любосивец попробовали найти место для стоянки, но берега показались нам непригодными. Что ж, последняя надежда — конечная точка на сегодня — урочище Салынь. Добрались да него довольно быстро, просто в каком-то едином порыве, налегая на вёсла. Место вокруг было необычайной красоты! Река делает изгиб влево, огибая

два острова подряд, и снова круто берёт вправо. На мысу сосновый лес, маленькая бухточка как раз для байдарок, плавный подъём, наверху ровная площадка и дальше холмистый рельеф с сосновым редколесьем.

Я находил информацию, что раньше тут располагался склад сплавного леса. Мы же обнаруживаем кучу необрезных досок, стол и скамейки. А также кучи мусора повсюду... это удручает. Чем ближе мы к цивилизации, тем более загаженными оказываются обжитые стоянки. Люди, зачем вы это делаете? Остался мусор — сожги его в костре! Железные банки от тушёнки, обожжённые в костре, достаточно быстро ржавеют и разлагаются! Бумага, пластик — всё это сгорает. Не хочешь жечь — увези с собой мусор!!! Не можешь увезти — закопай, в конце концов, поглубже, сделай милость! Но поделаться в данной ситуации ничего было нельзя и мы, вооружившись сапёрной лопатой и перчатками, приводим стоянку в более-менее нормальный и пристойный вид...

Дождик постепенно прекращается, но вокруг всё мокрое! Расходимся по лесу в поисках сухих дров. Местность, где мы причалили, очень впечатляет — холмы и впадины, резкие перепады высот. Под ногами мягкий мох белёсого цвета, лес в основном сосновый. Одним словом, красота! Вскоре каждый притаскивает по одной-двум оглоблям, которые мы распиливаем, и я приступаю к разведению костра из этих всё равно сырых дров.

Продрогли. Дал задание притащить ещё сухих, по возможности, дров, а сам всё вожусь с костром. Никак не разгорается — дрова насквозь промокшие за целый день дождя. Дима предлагает вскипятить воды на чай на его газовой плитке. Так и поступаем — пока делается чай, я всё колдую над костром, разжигая его газовой горелкой.

В итоге, уже почти с кружкой свежего чая в руке, мне удаётся поддерживать нормальное горение костра, и мы немедленно приступаем к готовке ужина, а также ставим тент от дождя. Хочется поскорее откусать горячей еды. Чистим картошку, достаём очередные банки с тушёной — всё как обычно. Вскоре наш ужин почти готов.

Я с наслаждением откидываюсь в походном стульчике, сидя под тентом, попыхивая трубочкой и ожидая вечернюю похлебку. Паша и Геннадич крутят «коровки», стреляя у меня табачок. И тут меня осеняет, что завтра же выброска и маршрут мы прошли на 1 день быстрее и все договоренности о микроавтобусе... так, надо бы позвонить водителю. Бригада доделывает ужин, а я включаю телефон... связи мобильной нет. Хожу, ищу место, вдруг появится... нахожу. Стою на пеньке с телефоном на вытянутой руке... показывает одну «палочку» связи. Но прозвониться не удалось. Тучи сгущаются над адмиральской головой.

Диме удаётся прозвониться Владимиру в Москву и зачем-то напрячь его поисками нам микроавтобуса. Я же пока безуспешно ловлю связь в попытках прозвониться в Москву. Тут С.Ю. и говорит:

— Все эти ваши смартфоны — гуано, это понятно же! — и достаёт из гермопакета кнопочное чудо китайской радиоэлектронной промышленности с sim-картой другого оператора связи и полным заполнением индикатора уровня сигнала.

— Спасены! — я звоню по этому чуду в контору, где заказывал заброску и спустя полчаса договариваюсь о выброске, а Владимиру отсылаем отбой.

— Ну, Адмирал, это был просчёт!

— Кто ж знал!!! «Иридиум»* дороговато с собой брать, знаете ли! Итак, ура! Завтра вечером нас заберут на микроавтобусе от моста в Лентьево, довезут до Москвы и развезут прямо по домам, вопрос решён! — объявил я бригаде.

Бригада поглаживает отросшие щетины и вопросительно смотрит на меня. Оста-а-лся, конечно остался ещё 96-й, как раз на этот вечер. Старпом, традиционно приговаривая «два к трём», вновь разводит алхимию с кружечкой. Ужин, тем временем, поспел, а С.Ю. нарежает остатки сала. Сил этот день у нас отнял прилично — мы прошли около 35 километров под проливным дождём. Фляги мои окончательно опустели, всё приготовленное мы скушали. Сидели под тентом за столиком и попивали чаёк, уплетая печенье с мёдом и доедая остатки сала.

Погода к вечеру снова испортилась, небо нахмурилось, опять стал накрапывать дождик. От ощущения того, что наше мероприятие подходит к концу, стало грустно. Я, можно сказать, только-только недавно ощутил этот дзен отчуждения и вот скоро снова город. Всё хорошее в этой жизни, увы, скоротечно. Будем радоваться, что это было с нами. По палаткам расползлись рано, около 10 часов вечера.

В этом сплаве я отчего-то не вёл хронометраж и не указывал время в судовом журнале, а вообще зря. В основном я пользовался GPS и метками в нём, благо мой прибор обладал хорошей чувствительностью и ловил спутники даже в густом лесу, а уж на воде под открытым небом вообще никаких проблем с этим не было.

*Всемирный оператор спутниковой телефонной связи.

Глава 13

Выброска

Вылезать из палатки совершенно не хотелось. Сознание того, что нам осталось пройти 5 километров до антистапеля, а водитель на микроавтобусе будет только вечером, расхолаживало окончательно. Поэтому утренние сборы я вообще пустил на самотёк. Абсолютно неспешно приготовили традиционную утреннюю кашу, ещё более неспешно позавтракали, ещё более лениво свернули лагерь. Погода в этот день радовала — светило солнце, частые низкие облака скользили по небу. Полностью подготовились к отплытию только около полудня. Я символично оставил в углублении на дереве коробок спичек как дар богам леса в знак того, что в этом походе мы ничего не забыли из личных вещей на стоянках, кроме моей ложки.

Итак, в путь! 5 километров — это можно и пешком пройти, поэтому не гребём совершенно, а только подруливаем, течение само нас потихонечку несёт. Облака рассеиваются, погода налаживается, скидываю штормовку.

Вскоре после урочища Салынь, где мы ночевали, проходим любопытный островок в русле. Течение резко и, я бы сказал, борзо ускоряется тут при сужении реки, и мы с Геннадичем, налегая на весла, ради хохмы замеряем скорость по GPS — выходит 10–11 км/ч! Вот это да! Дальше после этого уже абсолютно неспешно плывем по течению, особо не гребя.

Проходим деревню Шелохачь на левом берегу и вскоре после неё слышим шум машин. Показывается из-за поворота мост трассы А-114. Это и есть наша конечная точка маршрута. Я достаю фотоаппарат и делаю снимки с воды, а Геннадич, достав губную гармошку, начинает наигрывать «Плыли,плыли, вдруг остановка...». Сие действие мне удаётся даже заснять на видео! Проезжающие по мосту машины грохотом отдаются в его железобетонной конструкции. Пройдя под мостом, я запримечиваю хороший спуск к воде на низком левом берегу и мы, по всей науке, развернувшись на 180° по курсу, причаливаем. Всё. Сплав окончен, да здравствует Новый Сплав! Бригада подтягивается, тоже причаливает. Антистапелимся.

Времени до выброски микроавтобусом у нас часов 6–7. Запас огромный. Отдыхаем немного, разведываем место, где причалили. Берег укреплен бетонными плитами около моста, под мостом проходит грунтовка. Местность идёт как бы двумя террасами — на верхней располагается грунтовка, потом укрепленный бетонными плитами откос и снова площадка внизу, выходящая уже непосредственно к воде. Погода в этот день очень ветреная и переменчивая — может в любой момент пойти дождик. Хотя и светит яркое солнце, облака плывут вполне себе дождевые. Поэтому решаем все вещи перетаскать под мост, предварительно расчистив там площадку от битого стекла.

Байдарки разгружены, вещи перетасканы, настал черёд разборки и мытья наших байдарок. Разборкой занимаются Капитаны — С.Ю., Дима и я, а Геннадич и Паша, взяв сумку, уходят искать магазин и вести разведку местности. Ваня счастливо бегаёт между нами и помогает разбирать лодки. Какие же лёгкие КНБ-шки! Дима и С.Ю. быстро сдувают их, моют в реке и раскладывают шкуры сушиться. Я тоже достаточно быстро разбираю свою ласточку «Таймень». Неудобство, как всегда, доставляют лишь замки стреляющих стрингеров, которые заклинивает после недельного сплава. Потом промываю кости в реке и сматываю их любимой синей изолентой. Далее промываю шкуру от песка и тоже раскладываю её на бетонных плитах сушиться. Вскоре Дима и С.Ю. уже запаковали свои лодки, а я всё ещё вожусь, пытаюсь впихнуть кости покомпактнее. Через минут 15 мне это удаётся и мы сваливаем наши упаковки с байдарками около опоры моста, а сами располагаемся на стульчиках тут же рядом. Видим, как возвращаются наши гонцы из магазина. На сборку байдарок ушло где-то полтора часа.

Геннадич и Паша притаскивают ящик(!!!) пенного и закуску, мы садимся трапезничать. Тушёнки у нас ещё осталось очень много — я же брал из расчета на восьмерых человек, а нас всего шестеро. Поэтому каждый, кто хочет, берёт и вскрывает себе отдельную банку и уминает её с хлебом. Тут погода моментально портится, с неба опять льёт, как из ведра! А нам всё нипочём, мы сидим под мостом, кушаем. Геннадич достает гармошку. . .

*Сидим под мосто-о-ом,
Нам всё нипочё-ё-ём!
Мы плыли сюда-а-а,
Промокла нога-а-а! . .*

и т.д. — что вижу, о том и пою, походный блюз! Потом он выдает на гармошке гимн Советского Союза и саундтрек из «Титаника», вышибая скупую мужскую слезу.

Погода-погода, ты такая переменчивая! Снова светит яркое солнце, дождик заканчивается, как и ящик светлого. Под мостом против течения проходит моторная лодка с рыбаками. До выброски ещё очень много времени, мы с Геннадичем снова идём в магазин. Вздвигаемся на мост, я фотографирую дорожный указатель «р. Чагодоща». На нашем пути пост ДПС*, где два «товарища» странно косятся на нас, облачённых в одинаковые штормовки. Режем от греха угол через какие-то заросли и остатки какого-то завода или автобазы, пробираемся к магазину. Наверно в этот день мы сделали им недельную выручку. Приобретаю магнитик на холодильник с фотографией и надписью «Устюжна» — это город тут неподалеку на реке Мологе. Такого экспоната у меня ещё нет — все знакомые, разглядывая на холодильнике коллекцию магнитиков, непременно спрашивают теперь, мол, а где ж эта Устюжна? И тут я начинаю им свой рассказ...

Идём обратно, позвякивая пакетами. Горланим с Геннадичем на все окрестности:

*Круговая порука мажет, как коготь —
Я беру чью-то руку, а чувствую локоть...*

а потом и

*Одинокая пти-и-ица, ты лета-а-аешь высоко-о-о
В антрацитовом не-е-ебе безлунных ноче-е-ей...*

* Дорожно-патрульная служба

и прочее из Наутилосов. Возвращаемся к мосту и аккуратно спускаемся, шатаясь, по крутой лестнице вниз, к грунтовке, а потом и к нашей стоянке у опоры моста.

Народ уже очумел сидеть на одном месте и ждать выброску, поэтому мы снова принимаемся за тушёнку и горючее, потом в ход идут разные истории из жизни и прочих трёп. Геннадич решает сделать из пустых бутылок ксилофон... Ставим в ряд бутылки, наливаем в каждую своё количество воды, чтобы получалась разная тональность, и он начинает палочкой по ним стучать, подбирая мелодию. Кстати, получается довольно интересно и даже похоже — наигрывает мелодию из «Крёстного отца».

От скуки решаю исследовать мост. Я где-то давно читал, что во всех мостах должны быть минные камеры, чтобы в случае войны можно было легко подорвать мост и не дать противнику переправиться через реку. Поднимаюсь наверх по насыпи, потом, ухватившись за край металлоконструкции и подтянувшись, оказываюсь под мостом, где он лежит на крайней опоре и переходит в насыпь. Тут, под полотном моста, идёт своеобразный служебный мостик из металлоконструкций, позволяющий попасть на опоры моста и вообще перейти реку не по полотну, то есть не сверху как положено — где машины ездят, а под ним. Правда, страшно — мостик узкий, перила низкие, и всё это из арматуры сварено. Под ногами щели и метров 10–15 высоты. Но во мне разыгрывается авантюрная нотка — я ставлю ногу на этот мосток и медленно начинаю продвигаться к опоре.

С.Ю. внизу кричит, мол, а не дурак ли я? Отвечаю, что всё под контролем и аккуратно продолжаю продвигаться вперед. Вскоре я, переступив через перила, оказываюсь на опоре моста под дорожным полотном и начинаю

осматриваться. Конечно, непонятно неподготовленному моему взгляду, что тут может быть минной камерой — всяких закоулков, образованных металлоконструкциями, тут множество. Потом ещё больший дух авантюризма заставляет меня пойти дальше, на середину реки, по этому маленькому мостику. А он шатается и трясется каждый раз, когда сверху проезжает машина и ещё сильнее, если грузовик.

Дойдя до середины, посмотрев вниз на реку и многозначительно решив, что миссия выполнена и дальше я не пойду, поворачиваю обратно к опоре. У опоры бригада фотографирует меня, запечатлев этот безрассудный поступок, и я благополучно добираюсь до конца моста и вылезая из-под него. Ух! Было не по себе на высоте, но сейчас всё позади. Спускаюсь вниз к бригаде. Почему иногда тянет на такие безрассудства? Глубинное сознание того, что хочется это сделать, а так же чувство, что если не сделаешь, потом будешь долго корить себя за то, что не преодолел свои страхи.

Я снова блаженно располагаюсь на стульчике, укутавшись в шемаг и штормовку — похолодало. Набиваю последним табачком трубочку и тихонько попыхиваю. Связь тут отлично ловит — рядом Лентьево — все позвонили родным, поболтали чуток, сказали, что всё хорошо и скоро будем дома. Эх, своя сладость есть в этом чувстве возвращения домой. Домой, где тебя ждут! Может быть, надо иногда ощутить себя в отрыве от привычного, чтобы ярче и сильнее заиграла красками прежняя жизнь в городе? Определено так! Уже представляю, как жена выскочит из подъезда и бросится ко мне, заключая в свои жаркие объятия!

В голову, как и всегда в таких ситуациях, лезет ещё всякая философия, мысли об окружающей природе,

о далекой туманности Андромеды и прочих галактиках, как вдруг раздаётся звонок от водителя. Он свернул у поста ДПС налево, как мы ему и говорили. Теперь надо идти в село встречать его и показывать дорогу. Оглядев команду и увидев мутные взгляды Паши и Геннадича, я понял, что идти придётся мне. Вздобрился припасённым чаем из термоса, взял телефон и бодро потопал по грунтовке в Лентьево.

По пути перепрыгнул с разбега через ручей, разлившийся, видимо после недавно прошедшего дождя, прямо на дорогу. Вскоре, минут через 5–10, я вышел в край села Лентьево и был поражён красотой отделки изб! Такая красота уже исчезла из ближайшего подмосковья. Резные наличники, разнообразные вариации на тему резьбы по дереву и всё это сдобрено разноцветной красочной раскраской! Красота, да и только! Иду по улице и каждый дом такой! Висят тарелки спутникового телевидения, палисадники ухоженные, ворота и заборчики тоже. Не умерло село, пережило разруху 90-х, а теперь потихоньку возрождается, что не может не радовать. Может быть, это только дачи, а постоянно тут мало кто живет, но нет, какие же дачи? Тут в округе Лентьево и есть самое крупное село, не считая города Устюжны.

Вдалеке замечаю белый микроавтобус на перекрестке, звоню водителю — так и есть, это он. Развернувшись, он подбирает меня, и мы катим к мосту за бригадой. Переехав на обратной дороге через разлившийся ручей, мы оказываемся у нашего антистапеля под мостом. Удобно и быстро грузим вещи — у этого микроавтобуса сзади нет рядов кресел, так что места для багажа достаточно — сваливаем все наши тюки и немного переводим дух — рюкзаки с байдарками таки тяжёлые.

Команда начинает рассаживаться, я делаю пару фото, а потом по традиции бегу на прощание умыться водой из реки. Вернувшись, сажусь вперёд, рядом с водителем. Оборачиваюсь назад в салон, оглядываю с прищуром бригаду и, изрекая залихватское юрино «Поехали!...», мы начинаем выбираться из села на трассу А-114. Предстоит выброска в ночь. Припасённый «Старый Кёнигсберг» начинает медленно исчезать под закуску лимоном, который удалось достать в местном магазинчике. Жируем, однако.

Сворачиваем с трассы А-114 на Устюжну и почти сразу же нам дорогу перебегают огромный лось! Но скорость наша низка, да и лось далеко, так что никакого вреда друг другу мы не причиняем. Я даже успел вскинуть руки и сделать несколько снимков — вышло смазано, но очертания лося проглядываются вполне узнаваемо. Вот так да! Лис, зайцев, сов, ёжиков, даже медведя видели, а теперь ещё и лось!

Продолжаем наш путь — перед самым поворотом непосредственно в Устюжну заезжаем на заправку. Бригада лениво тянется в магазин за минералочкой. Через ещё час всё, что крепче воды, оказывается уничтожено, и с задних рядов слышится чей-то богатырский храп. Странно, но у меня сна ни в одном глазу, я болтаю с водителем. Он оказывается чрезвычайно интересным человеком, причём такой невыговариваемой национальности народов Кавказа, что как я ни повторял её, запомнить к своему стыду, не смог. Причем православной национальности, что меня ещё больше удивило — захотелось побольше узнать об этих людях. Водитель удивлялся обилию заброшенных церквей в тех краях, что мы проезжаем. Я рассказал ему краткую историю этого края, что некогда богатый Тихвинский водный путь пришел в упадок, а затопление купеческого города Молога для организации Рыбинского

водохранилища окончательно поставило крест на былом расцвете региона... но жертва Мологи не была напрасной. В тяжелые годы Великой Отечественной войны Рыбинская ГЭС¹ снабжала осаждённую Москву электричеством. Заводы Москвы и области продолжали работать и снабжать фронт, спасая нашу Родину, в том числе и благодаря этой электроэнергии — ЛЭП² на Москву из Рыбинска была проложена в 1941 году...

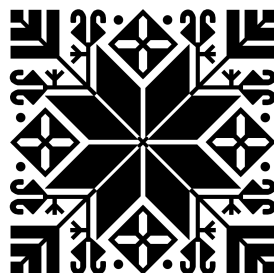
За разговорами мы незаметно подобрались к Ленинградскому шоссе и дальше полетели уже на одном дыхании, ещё раз заехав на заправку уже при подъезде к Москве. Я несколько раз всё-таки проваливался ненадолго в сон. Потом снова ободрялся чаем из термоса. Бригада мирно спала, убаюканная под тихие звуки радио. Вскоре мы уже пересекли МКАД³ и понеслись выгружать Ваню и Диму, что и сделали, когда на часах было часа 4 ночи. Потом выгрузили Пащу и С.Ю., а затем, спустя полчаса, и меня. Геннадич помог перекидать мои тюки и байдарку из машины, и они с водителем поехали дальше — так мы распределили логистику выброски.

Ну вот я и снова оказался дома. Сваленные вещи лежали прямо на тротуаре. Вокруг тихо и только начинает светать. Позвонил жене — она уже ждала меня. Как я и ожидал, она радостно выпорхнула из подъезда, и мы страстно обнялись, радуясь встрече! Что может быть прекраснее возвращения домой, где тебя любят и ждут? Стало быть, прав я? Освежает недолгая разлука чувства? Ещё как!

¹Гидроэлектростанция

²Линия электропередачи

³Московская кольцевая автомобильная дорога

Глава 14

Заключение и выводы

Вот так и закончилось наше мероприятие — я всё описал, что называется, от подъезда и до подъезда в прямом смысле. Мы вместе с женой затащили все вещи в квартиру, мне уже приготовили горячую ванну и бритву — зарос щетиной я почти как кубинские революционеры. Отмывшись и побрившись, откушал завтрака и стал с энтузиазмом рассказывать про наше путешествие, а жена внимательно слушала и уверяла, что в следующем году обязательно пойдёт вместе со мной. Эмоции при рассказе про медведя и просмотре видео с ним просто зашкаливали!

Этот сплав принёс мне не только уверенности в том, что я могу организовывать такие мероприятия, но и сознание полноценной завершенности маршрута №57, хоть для этого и потребовалось два года. В этом сплаве всё было гладко, мы прошли маршрут чётко по моему плану и безо всяких пробоин. Воды, как я уже писал, было достаточно.

Экипажи, подобранные мной и С.Ю., оказались удачными. Все трудности, какие нам встречались, мы преодолели.

Выводы:

1. По маршруту:

- Интересный участок с высокими берегами и узким руслом закончился вместе с рекой Горюн. Так что, возможно, лучше стартовать все-таки от Ефимовского, а не от Вожаней, но тут опять же, не угадаешь с уровнем воды. Горюн более предсказуем по сравнению с Лидью, однако последняя оставила в моём сознании более красочные воспоминания.
- Чагода и Чагодоща, будучи более полноводными в этом году, понравились больше, потому что не было опасности сесть на мель посреди реки.
- Пороги на Чагодоще — миф. Возможно, чтобы их хоть как-то заметить, надо как раз попасть туда в такое маловодное лето, как в 2015 году.

2. По заброске/выброске:

- Заброска микроавтобусом была чрезвычайно удобной — нас буквально довезли от подъезда до берега.
- Водители, которые ездят на дальние расстояния, как правило, уже опытные люди и им привычно всю ночь проводить за рулём, но я всё равно предпочёл как можно дольше не спать и контролировать ситуацию — лишним это мне не показалось.
- По выброске получилось, что мы раньше на 1 день снялись с маршрута, и пришлось заново

договариваться с водителем. Это неизбежные трудности, которые надо учитывать при подготовке и обсуждении выброски с водителем.

3. По экипажам:

- 6–8 человек — предельное, на мой взгляд, количество народа, когда кончается порядок и начинается хаос.
- Ребенку одному в походе было скучновато. Лучше, если детей будет несколько — тогда они организуют «междусобойчик».
- Опыт чисто мужского похода показывает, что женщин с собой всё-таки надо брать. В их присутствии мужчины стараются не выражаться крепко и вообще ведут себя по-другому. Дополняя сказанное про хаос от женщин в походе [Квадригин(1985)], стоит отметить, что, по моему мнению, это касается незамужних дам. Замужние, обычно, пытаются командовать только своими мужьями, а не всеми подряд. Тут уже наше мужское дело давать этому отпор.

4. По снаряжению:

- Этот поход стал удачным подтверждением моей теории о том, что одному экипажу следует согласованно подготавливать список вещей. Геннадич умудрился все свои личные вещи впихнуть в одну герму, как и я. Ну, кроме, может быть фотографического штатива. Остальное снаряжение, которое было у нас в байдарке — это групповое. Как то — тент, топор, пила. . .

- Тент в сплаве нужен. Если в 2015 году его даже ни разу не вытаскивали из чехла, то это только от хорошей погоды. В этом году он нас здорово спасал. Ставили его на моих вёслах от «Тайменя», что оправдало себя.
- Надувной матрас лучше изолирует от холода земли, нежели туристический коврик. Впрочем, Геннадич брал два туристических коврика и утверждал, что не мёрз. Днём коврик сворачивается трубочкой и служит спинкой в байдарке.
- Газовый резак для разведения костра — брать однозначно! Даже не представляю, насколько затягивалось бы разведение костра в этом дождливом сплаве, если бы я не обзавёлся такой горелкой.
- Газовая плитка. Один раз на ней мы приготовили плов и несколько раз вскипятили воды на чай. Степень нужности сильно зависит от наличия дров на маршруте.
- Панама оправдала себя лучше, чем кепки. Харизматичная фетровая шляпа С.Ю. была вне конкуренции.

5. Общие выводы:

- Сработал принцип 2/3 к 1/3, когда большинство команды знает друг друга к стапелю. Из этого получилась хорошая команда, способная к сплоченным, быстрым и организованным действиям.
- Музыкальный инструмент в походе однозначно должен быть. В этот раз это была губная гармошка.

Я был приятно удивлен, как столь, казалось бы, простой и небольшой инструмент, способен скрасить не только погодные условия, но и вообще принести много удовольствия. Хочу еще попробовать варган. . .

- Для отпугивания диких животных иметь с собой по крайней мере одну сигнальную ракетницу. Конечно, лучше иметь и полноценное охотничье ружьё с собой, но пока среди моих знакомых не нашлось охотника.

На этом закачивается повествование о нашем водном приключении на реках древнего Тихвинского водного пути по рекам Горюн-Чагода-Чагодоща. Вся наша команда, безусловно, шикарно отдохнула на воде и вернулась загорелая и обновлённая. Мы испытали на себе и милость нашей природы, которая выражалась в хорошей погоде, упоительно красивых берегах и красивых стоянках, и хмурость дождей и ветра, напоминающую нам о том, что мы — не хозяева природы, но составная часть её.

К концу нашего сплава у меня сложилось непроходящее чувство, что в следующий раз я обязательно попаду на реку Песь. Так ли это? Посмотрим.

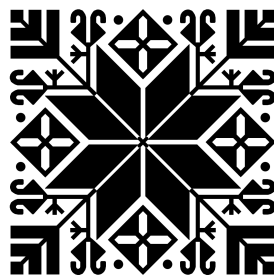
КОНЕЦ

© Соболев А.А., Москва, 29.05.2017
ред. 27.02.2018, 11.05.2023

Часть III

Лидь 2017 или Vepsän
jogi

В повести рассказывается об очередном и не менее авантюрном, чем прежние, сплаве по рекам бассейна Верхней Волги — Лиди, Чагоде, Чагодоце. Автор спустя 2 года вновь оказывается на том же маршруте и вновь проносится по самым глухим закоулкам на так полюбившемся ему стыке Ленинградской и Вологодской областей, на стыке двух миров... Лидь, *вепсская река* (вепс. Vepsän jogi), снова проявляет свой коварный нрав и окунает путешественников в желанную атмосферу отчуждения от мирской суеты. На этот раз путешествие начинается в деревне Радогоць (вепс. Arskaht'), бывшем административном центре Радогощинского сельского поселения, и заканчивается в посёлке Чагода, ставшем для нашей группы своеобразным местом притяжения.

Глава 1

Отчаяние

*Считай по-нашему, мы выпили не много —
Не вру, ей-богу. Скажи, Серёга!
И если б водку гнать не из опилок,
То что б нам было с пяти бутылок!*

Владимир Высоцкий,
Милицейский протокол, 1971

— А не пошло бы всё к чёрту? — говорю я себе в очередной раз, — Что-то всё безумно тошно, безумно утомительно и безумно пошло, противоестественно, невозможно и вообще... — с почти такими мыслями я аккурат каждый день вываливаюсь из электрички и иду на чёртов автобус, ибо добавить себе ещё двухкилометровую прогулку от станции до дома вечером после работы — почему-то выше моих сил. Не потому что не могу пройти эти 2,5 километра, а потому что лень. Впрочем, нет,

обманываю — иногда иду пешком — если есть насущная и животрепещущая необходимость заглянуть в магазин... но это редко — маршрутка до дома и вперёд. А дома что? Дома принять горизонтальное положение, растянуть свои кости и усталые мышцы. Это старость? Увы, нет — было бы простительно! Это всего-навсего только чёртовых 27 лет...

О чём это я? Ах да — не пошло бы всё к чёрту? Встал в 6:15 утра, в 7 с копейками прибежал на электричку чтобы к 9 быть на работе... к половине восьмого вечера оказался дома, при условии, что улизнул пораньше с работы. Йех! А что, у нас так всё подмосковье живёт и хорошо ещё, если так. Тьфу! Электричка вся занюханная, что, впрочем, не смущает никого регулярно поднимать на неё цены, и давка в ней приличная такая... ну, словом, вы понимаете. Как в такой ситуации сохранить здоровье и не только физическое? А очень просто — почитайте бессмертное «Москва — Петушки» [Ерофеев(2020)], а после проедьтесь самолично по этому маршруту — сразу поймёте, прочувствуете, пронюхаете, так скэзэть. Контингент начинает пить уже на вокзале, совершенно не стесняясь проходящих мимо полицейских патрулей, которые в петушинскую электричку стараются и не заходить от греха подальше, видимо.

Словом, каждое утро как селёdochка в бочке, будь любезен, и марш с улыбкой на лице зарабатывать, как можешь, на своё якобы светлое и якобы счастливое капиталистическое будущее. Зато типа «честно» и «свободно», говорят нам. Заработал — вот оно, не заработал — свободен... Свободная же страна у нас? Вот и... свободен. И никакой пенсии по старости, что-то мне кажется. А что, это теперь не Советский Союз, не социально-ориентированное государство — никто тебе

ничего не обещал. А кто говорит, что обещали с танка в 91-м — гони того поганой метлой.

Но какое оно, это будущее, к чёрту светлое? Тут на настоящее, порой, не сильно хватает. При этом мысли о существовании от зарплаты до зарплаты все чаще начинают походить на навязчивые идеи околोकриминального характера.

— Езжай на машине, делов-то! — скажут вам прожжённые оптимисты! — Не мучайся в своей зачуханной электричке, раз так не нравится, и вперёд, в «светлое капиталистическое будущее» на личном авто...

Ха! Три раза ХА! Таких советчиков сразу посылайте по известному адресу, да поглубже! Действительно, это занятие для мазохистов — езда по Москве и Подмоскovie на машине в часы пик на работу и с работы — поверьте, я знаю, о чём говорю. А цены на бензин, а почему-то вдруг ставшие платными парковки... печальное положение дел... на машине, ха-ха! Словом, чем дальше в лес, тем толще партизаны и всё вот это вот...

— Москва! Как много в этом звуке!...

Город трансформировался во что-то не просто уже не родное, а во что-то местами целиком и полностью... странное, и разросся совершенно неприлично, зачем-то построив вставные челюсти вроде безвкусных небоскрёбов и поглотив, вдобавок, Троицкий район.

Места какие-то из детства — не узнать. Взгляду не за что зацепиться. Да, конечно, многое приведено в порядок, многое улучшено — этого не отнять, но... нет уже того, что было раньше, в детстве, в юношестве, что оставило какие-то приятные воспоминания, ощущения...

все это застроено чем-то новым и не всегда нормально воспринимающимся. . .

А ты давай, сопли свои вытри о рукав и вперед — в занюханную электричку! Не нравится? Плати в 2 раза больше и шуруй за счастьем на электричке-экспрессе. И чебурек в ней купи с пивасом у проходящих торговцев. В пути, теперь, понимаешь, и кормят и поят. Чтоб совсем не подох, электорат:

— Ма-а-ароженое, пи-и-иво, се-е-емачки! — идёт противная жирная торговка по вагону, проталкивая свою тележку-холодильник.

Кто-то берёт, естественно. Добавить-то надо! Эх, любители! Ибо профессионалы берут только с собой, втридорога не покупают у этих торгашей.

— Ха-а-алодное пи-и-иво, ма-а-ароженое, семачки! — проходит, удаляясь, дальше по составу.

Бр-р-р! Хорошо, что запретили это непотребство — как вспомнишь, так вздрогнешь. . . колорит исчез и чёрт бы с ним.

С виду «всё культурненько, всё пристойненько», а держат тебя «невидимой рукой рынка» за. . . за горло. Ослабят чуть — счастлив! Рученьки целовать готов. И всё тему норовят сразу перевести, мол, а страна-то у нас какая! У-у-у! Природа, погляди какая! Ы-ы-ы! Дух захватывает! Народ-то у нас какой! А-а-а! Великий! Люди, правда, отдельно взятые, почему-то часто на поверку — Г редчайшее. И чем ближе хоть к какой-то власти и деньгам, тем. . . сами понимаете. Так и живём. . .

И среди всего этого, отягощенного непростым прошлым, попробуй-ка найди своё место. . . место посреди дикого посткоммунистического, недо- или пере-капиталистического,

вообще не пойми какого мира. Соединение коммунизма, социализма, национализма, религиозности и капитализма, царизма, непременно имперских амбиций и чудовищных, ужасных контрастов, а также, традиционно, раздолбайства и воровства.

— Совсем бред! Что не нравится-то? — слышим мы снова возмущение тех, у кого всё хорошо или тех, кто думает, что у него всё хорошо. Тех, кто не пользуется общественным транспортом каждый день, не спускается в метро, не ездит нашими поездами и электричками, кто чувствует себя если не «хозяином жизни», то, по крайней мере, «удавшимся человеком». У которого всё «типа» удалось. Или тот, кто в «розовых очках», что многократно гнуснее. Отъезд, камрад, за 200 километров от Москвы на какую-нибудь периферию непопулярного направления — и всё-ё-ё! Кончилась цивилизация!

Тут, правда, начнут непременно всякие напоминать разнообразные клише о нашей стране, свидетельствующие, по их мнению, о нашей великости. Это-то, конечно же, да. Ракеты там, автоматы, Гагарин и Большой театр... стереотипный список можно продолжать весьма долго, но: братцы, всё же это не отменяет простого эксперимента, который может провести каждый — ну отъезд ты за 200 километров от Москвы...

Грустно всё это, товарищи. Тут хочется выйти на балкон, забить туго трубку, дымить и долго смотреть в закат. Но это всё, конечно, не то. И сбегая я... сбегая в очередной раз ото всего этого. Не могу и не хочу видеть я этой действительности. Не-хо-чу! Изменить что-то — не в силах, терпеть — терплю, но тошно просто безумно. Зомбоящик смотреть — одно расстройство, радио за редким исключением — сплошной шлак, а на интернет пока

смотрят-смотрят, понять до конца не могут что это такое, но прикрыть грозятся...

Где же Эра Мирового Воссоединения?! [Ефремов(2000)] Нельзя? Нельзя... человеческая сущность, увы, не такая... сделав ставку на создание нового человека, нового общества, коммунисты и проиграли в итоге. Да, монархию конечно в расход и старые порядки туда же, но люди-то, общество-то — всё с треском не переключить мгновенно, не перестроить за один миг; это всё надо ломать и строить заново — нудно, мучительно долго и, вообще говоря, непонятно как. Неужели этого никто не понимал? Странно, очень странно — вроде неглупые люди были, по крайней мере, не те, кто с винтовками. Но вся эта шумиха, коммуны и прочее, быстро относительно закончилось — получилось совсем не так, как мечтали эти наивные мечтатели с наганами. Их самих слегка проредили и стали строить что-то другое, что было более реально, что могло защищаться, как-то развиваться и существовать, повергая в страх остальной мир кажущейся дикостью и традиционно имперскими амбициями...

И всё бы ничего, как мне кажется. Не могло так быть вечно — всё равно бы встали на околосоциалистический путь, как это с успехом делает поднебесная сейчас. Но нет, терпеливо работать, менять всё потихоньку, учитывая недостатки — не наш стиль. Наш стиль — «здесь и сейчас»! Наш стиль — 300% «навара» сегодня, а завтра — трава не расти. Всё или ничего! И опять великие потрясения. Снова «до основания, а затем»... Ну и что затем? Затем натовские «наблюдатели» ногами открывали все двери в стране. Всё производство, каким бы отстающим оно ни было — к чёрту. Зато баксы, шмаксы, джинсы, кока-кола, «заграница нам поможет» и прочее, прочее,

прочее, так ярко пришедшееся на пору «детей 90-х», к которым себя причисляю... А теперь, спустя ещё четверть века, вроде как Запад нам снова если не кровный, то точно какой-то враг и всё такое прочее... Где «свои», где «чужие»? Где политрук, который честно и открыто скажет об этом? Всё шиворот-навыворот.

Но ведь и что-то хорошее было в Союзе? Не могло ведь не быть, иначе совсем петля или «парабеллум». Да, было. Хотя почему было, оно и есть, продолжает быть. Только не для всех и не даром. Да и раньше не для всех и не даром, подсказывают тут всякие... И опять не во всём. Нет универсального критерия, чтобы рассудить. На машину раньше фигушки накопишь, а накопишь — ещё фигушки купишь. Сейчас — работай, копи, покупай, бери в кредит... Лучше? Кажется, что да. По крайней мере обилие авто на улицах явно говорит само за себя — лучше. В «сытые» перерывы между кризисами накопить на загранпоездку и поехать — вот просто так, на недельку — реально? Реально. Привет, такого не было точно! Вот с жильём было якобы проще, подсказывают заклятые сталинисты. Потолки под три метра и всё в таком духе. Но тут тоже как посмотреть... а ещё молоко по 36 копеек и мороженое «лучшее в мире» и тэ дэ и тэ пэ...

Если так всё прелестно было, что ж так быстро всё свергли? Надоело всем, накопился огромный вакуум, стало быть. А что надоело? Чтобы понять — надо жить тогда... а всё остальное, что сейчас говорят по этому поводу — полуправда в лучшем случае. Нам уже не понять, не осознать — мы, наше и последующие поколения, не прочувствовали. Вакуум... надо было чем-то его заполнить. Чем? Ясное дело, всем западным. Слепо, просто слепо всем западным, без разбору. Просто потому

что оно другое. Красивое, другое... западное, одним словом. И это и есть наша самая большая трагедия — ломать, не реформируя в здоровой конкуренции, старое. Ломать и не глядя заимствовать. А вакуум, надо полагать, был в самом, казалось бы, простом — продовольствии и товарах народного потребления. В одежде, обуви, каких-то предметах быта... чтобы и красиво было и не стоять за этим унижительно в очереди с талоном в руке... но это опять же — взгляд на прошлое от непрочувствовавшего — и поэтому никак не претендует ни на истину, ни на полноту охвата.

Тут многие снова начнут возмущаться — мол, как же так, поднадоел уже со своим нытьём:

— Ты определись-ка, за кого ты — за красных или за белых? А то ни то и ни то, похоже, не нравится! И вообще, это уже о сплавах или где?

— Нет-нет, постойте, я ещё пожужжу! Чтобы понятнее было от чего я убегаю на реки.

Изменить ситуацию сверху — никто не хочет, потому что, похоже, не знает как. Да и не надо им этого — у них и так всё хорошо. Сверху знают лишь как удержаться на этом верху и продолжать всех доить. И доить как можно дольше. Снизу изменить это — нет больше такой возможности, как в 1917-м, да и не переживёт страна такого в третий раз. Как пить дать не переживёт. Не надо нам снова таких потрясений. И печаль-то момента в том, что изменить снизу — ха-ха! — уже нельзя! Всех купили! Да-да... с потрохами просто! Купили капиталистическим укладом жизни, мнимой вседозволенностью, кредитами купили. Купили незаметной и заметной пропагандой, «лишь бы не было войны», купили «счастливым» будущим, купили круглогодичными бананами в магазинах (как дикарей,

право), круглосуточными услугами и всё такое прочее. И сработало! Ну а кто бы отказался? Мало денег — заработай, говорят. Что-то не устраивает — в твоих силах изменить! Надорвёшься, правда, но что-то конечно изменишь. Своё положение относительно уровня земли, к примеру.

К чему я это всё? Больно оно надо рассуждать о всяком непотребстве вокруг нас? Достало. Сильно достало. Но ведь есть же что-то хорошее, иначе совсем петля и «парабеллум»? И вообще, уже опять кричат тут, определяйся, за кого ты? А всё дело в том, что я за то, чтобы сохранять всё лучшее, что у нас есть, при этом изобретая новое, нужное, перспективное, чтобы когда-нибудь жить хотя бы чуточку похоже на то, как написано в [Ефремов(2000)]... делать все рационально, летать к далёким галактикам, исследовать космос... но, это, похоже, так же несбыточно, как и Вторая Великая Октябрьская. И надо бы просто, как советуют некоторые, «забить» на эту всю несправедливость и попытаться улучшить что-то для своей семьи, для себя лично. Звучит просто, да бывает трудновато сделать... да и правильно ли это? Кто-то говорит, что да, правильно, естественно. Что-то внутри говорит, что не совсем — а как же ефремовская Эра и всё вот это вот? Неужели проклятый капитализм в крови у человечества? Не хочу, не желаю я в это верить!

Единственная альтернатива — забыться... капитально забыться. Отстраниться. Сбежать. Освободиться. Сорваться. Уйти в параллельные миры. Миры путешествий по диким, дичайшим просто закоулкам нашей Страны. Где первозданная Природа и полная Свобода... где мы плывём на своих байдарках. В этой параллельной реальности ощущаешь — насколько мало надо человеку, чтобы

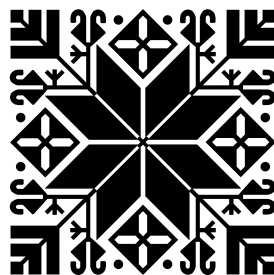
радоваться жизни... эти бескрайние леса Вологодчины — светлые сосновые боры, верховые болота, буйство кустарников и мхов никого не оставят равнодушным; они очистят душу, откроют прекрасное в каждом сердце, однажды соприкоснувшись со всем этим.

Почему так полюбился мне этот край — бассейн Верхней Волги, а конкретно район рек Лидь, Чагода, Чагодоща, Кобожа, Песь, Молога? С.Ю. открыл мне этот заброшенный край с природой, очень похожей на нашу, родную Владимирскую, района реки Киржач. Только реки там, на Севере, интереснее — полноводные, местами порожистые, и населённых пунктов почти нет. Зато есть чувство бесконечной Свободы и глубокой отрешенности от остального мира. Это всё овладевает сознанием настолько, что становится навязчивой идеей оказаться там и прочувствовать это вновь и вновь. И что удивительно — не надоедает! Из года в год всё по-разному и в каждый год открываешь для себя что-то новое в этом забытом всеми крае...

Так, сидя перед монитором, разглядывая топографическую карту и думая обо всём этом, нажал клавишу «Enter» и маршрутные точки вместе с путевой нитью сплава стали перекачиваться в GPS¹ навигатор. Идём на реку!

¹Global Positioning System — спутниковая система навигации.

Глава 2

Авантюра

После успешного «бумажного» закрытия очередного этапа — полгода тишины и урезания зарплаты. Загнивающий «ящик» во всей красе. Атмосфера беспросветной унылости. Всё тот же облезлый кожаный кресел у окна и наши с С.Ю. обсуждения маршрута. Выходило странно. Вроде бы утвердили на этот год реку Песь. Причём очень заранее утвердили — ещё зимой, кажется. Я распланировал все переходы, примерные места стоянок... запланировал посещение песчаного карьера и заброшенного паравозного депо Горны, что на железнодорожной ветке, соединяющей Подборовье и Кабожу. И даже уже заложил путевые точки и маршрут сплава в GPS-навигатор... но что-то витало в воздухе такое неуловимое...

— Ли-и-идь! — напевал северный ветер странствий и жажда реванша над этой коварной красавицей.

— Ли-и-и-идь! — вторило ему эхом желание С.Ю. двухгодичной давности пройти по этой реке.

И вроде всё ровно и гладко распланировано по Песи. . . что же такого особенного зовёт на Лидь? Ощущение дикости, полного, абсолютнейшего отрыва от всего. Там не встретишь байдарочников. Не будет множества стоянок. Почти нет деревень и сёл. Ничего нет. Только река разбивает то низкие, то высокие песчаные берега своей чистейшей тёмной водой. . . Когда с утра вылезает из палатки — вокруг рассветный туман. Стоишь так один посреди лагеря в невольном оцепенении, ощущая себя песчинкой в масштабах природы, планеты, космоса. . .

Эта необъяснимая тяга к отчуждению сделала своё дело. Мы стали колебаться. Я заложил в навигатор ещё и маршрут по Лиди. Так, на всякий случай. Точное решение пока не пришло. . . шла внутренняя борьба запланированного с авантюрным.

А пока собирали снаряжение. Идти на речку не впервой, поэтому сборы прошли гладко. Докупили с женой ещё один надувной матрас и пару вещмешков для снаряжения. Всё. Остальное есть с прошлых сплавов. И самое главное и радостное — в этом году нам с женой удалось совместить отпуска и взять по две недели на конец июля! Ура-а-а! Отпуск проведём вдвоём! А то уже два года подряд не получалось провести оба отпуска по две недели вместе.

Обычно в конце июля стоит тёплая погода, и мы надеялись, что в этом году будет так же, как, например, в 2016-м. Ан нет! Лето 2017 года выдалось непривычно холодным! И дождливым. И вообще непохожим на лето. С ужасом следил я за прогнозами погоды, тщетно ожидая улучшения. Улучшение не наступало. Зато дожди лили с завидной регулярностью. Уровень воды в Мологе рос не по дням, а по часам, на полтора (!!!) метра превышая среднее значение для июля, о чем я узнавал в интернете

на портале регистра и кадастра, где была возможность посмотреть уровень на ещё сохранившемся водомерном посту в Устюжне.

Что ж, если в Мологе столько воды, то в Лиди и Песи тоже должен быть высокий уровень. Это придавало некоторую уверенность, что если всё-таки пойдём на Лидь, то вероятность пробиться там на камнях, как в 2015-м, будет гораздо ниже. Но клей и заплатки, естественно, бережно проверил и взял с собой.

По команде в этот раз получалось совсем как-то уж грустно. Хотели пойти тремя байдарками, потому что очень понравилась такая схема в 2016-м. Первый экипаж — мы с женой, второй — Паша и С.Ю., а с третьим проблема — Дима с Ваней не смогли по датам, Геннадьич тоже. Я как всегда кинул без особого энтузиазма клич по ближайшим знакомым — ожидаемо никто не согласился. Вообще стало как-то грустновато. Жена тоже считала, что надо ещё народу на один экипаж или хотя бы одного человека. И тут я нашёл у себя в контактах Олега, с которым мы были знакомы через моего одногруппника N по институту. Олег скептически отнёсся к перспективе выбить отпуск на требуемые даты, но одновременно, внезапно почти сразу, выразил желание идти с нами. Я же, в свою очередь, не давил и ждал окончательного ответа.

Параллельно мы с С.Ю. думали, что делать с заброской. Олег пока не давал точного ответа, так как не было написано заявление на отпуск, и нас в команде официально было четыре человека. Я искал нам машину типа «Газели», чтобы заброситься сразу от Москвы... но по мере поисков приходило осознание того, что это мероприятие выльется в солидную копеечку, по сравнению даже с прошлым годом, потому что нас идёт всего четверо... вообще и грусть,

и печаль, и всё вот это вот. И с командой ещё к тому же непонятно... то ли будут ещё люди, то ли нет. Пришлось привезти в город оба комплекта байдарки — на «Таймень-2» и «Таймень-3». Таким образом, я был готов к любому развитию событий по численности команды... и ещё пришла мысль — уж если пойдём вчетвером — то не плацкартом ли ехать до Ефимовского?

Олег, тем временем, уладив вопрос с отпуском, подтвердил своё решение и согласие идти с нами. Поиски людей в команду прекратили и окончательно решили идти двумя байдарками — КНБ* двушкой «Гарпун» начальника и моей трёшкой «Таймень». И как-то незаметно выкристаллизовалось решение ехать в путешествие на своих машинах... да-да! Представьте, эти прожжённые любители плацкарта выкинули такой фокус! Нам, естественно, хотелось впервые в жизни проехать на своем авто на такое дальнейшее расстояние — около 750 километров, тем более, что я уже более менее освоился на дороге и привык к сцеплению. Ещё раз всё взвесив несколько раз, мы с женой, С.Ю. и Олегом решили, что однозначно надо ехать на своих авто — это и экономия, и удобство, и вообще «первое, второе и компот» — полная свобода действий! Паша тоже поддержал такое наше решение, тем более, что это означало существенную экономию денежных средств.

Но машины надо где-то оставить на время, собственно, сплава. Стали искать гостиницы в Чагоде — получалось, что эта географическая точка стала для нас чем-то вроде центра притяжения — от неё мы бы сравнительно легко попали дальше хоть на Песь к Ракитинскому озеру, как первоначально планировали, хоть на Лидь в Радогощ, хоть на тот же Горюн к Вожанскому озеру как в прошлом году.

*Каркасно-надувная байдарка

В результате переписки с гостиницей в Чагоде, мы решили оставить машины у них на стоянке. До стапеля же дальше решили добираться на уазике «буханке», которую любезно пообещали достать для нас в гостинице.

Вопрос с гостиницей и стоянкой уладили, вещи все собраны, остаётся самое неприятное — дожждаться, наконец, отпуска и отпусковых. А потом — заправить полный бак и вперёд, на вольные луга — полный Отрыв, полная Свобода!

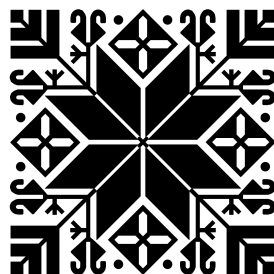
Традиционно заранее организованно закупились продуктами. На этот раз мы с женой вдвоём поехали на машине и купили всю провизию в сетевом магазине, а за тушёнкой отправились вместе с С.Ю. — на базу в Перово, как и в прошлом году. Взяли, как обычно, белорусскую — говяжью и свиную, а также белорусское сгущённое молоко в банках и пластиковых тубах. Как хорошо, что батяка их там ещё держит за причинное место — продукты что надо! Продуктовая эпопея на этом почти закончилась — надо было ещё купить еду в дорогу, а С.Ю. должен был достать хорошего сала на всех.

По техническому оснащению в этом году у нас было небольшое новшество — весной я обзавёлся двумя радиостанциями и теперь решил непременно взять их с собой, чтобы держать связь между машинами и, возможно, потом между байдарками, потому что нередки случаи, когда один из экипажей отстаёт. Поэтому, помимо штатного аккумулятора, к рациям были взяты дополнительные батарейные отсеки и упаковка элементов питания. Конечно, для полного счастья неплохо бы и ещё тангенты выносные и антенну на крышу авто, но это, видимо, уже в следующий раз. Пока что и этого было достаточно. Продукция китайского радиопрома непривычно удивила качеством

сборки и работы — ничего не люфтило и качество звука было отменным. Посмотрим, как рации покажут себя в деле!

Итак, сборы были окончены, команда обещала быть отличной, потому что 4/5 её уже были испробованы в предыдущих сплавах, а Олег внушал доверие. Последняя рабочая пятница, естественно, неотвратимо настала, и мы с С.Ю. и Пашей разошлись с работы по домам, чтобы назавтра, в субботу, снова встретиться на точке сбора у С.Ю. и начать нашу очередную авантюру, наше погружение в мир путешествий, открытий и первобытности.

Глава 3

Час быка

В день отъезда мы с женой очень долго собирались. Времени было вагон — в путь нам только к вечеру. И это расхолаживало. Поспать подольше не вышло — сон совсем не шёл. Как ни старался я заставить себя уснуть днём, чтобы отоспаться впрок, никак у меня это не получалось. План дальнейших действий был таков — встреча в 17 часов на точке сбора, потом часов 10 дороги с учётом остановок, и к утру мы должны были быть в Чагоде. Так я хотел самое опасное время суток — «час быка», 1–3 часа ночи — проехать уже ближе к Чагоде, где движение не такое оживлённое.

Наконец, жена почти закончила свои сборы, я уже был полностью экипирован и готов к этому времени — надо таскать вещи к машине. Тут звонит Олег и говорит, что он подъехал на точку сбора команды. На полчаса раньше. Вот оно как! Придётся ему у С.Ю. подождать нас. А мы пока с женой резко активизируемся —

надо распахать всё снаряжение по просторам багажника и заднего ряда сидений. Делаем два-три похода вниз к машине и обратно в квартиру за новой партией тюков и вещмешков. Поскольку мы поедем с женой в машине только вдвоём, то всё свободное пространство заднего ряда сидений заваливаем вещами. Байдарку вмещаем в багажник, откинув задние сидения и затащив с горем пополам этот тюк с «костями» — шкура помещается на этот раз отдельно — иначе упаковка не входит в невысокий багажник седана. Вещмешки с тушенкой, топором, прочим групповым снаряжением кладём в багажник сбоку от байдарочных костей, а малые гермомешки с провизией — распахиваем в салоне между рядами сидений. Наши большие гермомешки с личными вещами располагаем в салоне сзади поверх всего остального снаряжения. Уф! Всё влезло! Не с первой попытки, как всегда, но влезло.

В итоге, стартуем от подъезда уже около 17:00. Пока доезжаем до точки сбора в Новокосино, проходит ещё минут 40. Ну, нормально. Адмиралу можно и задержаться! Въезжаем во двор, паркуемся. Созваниваюсь с С.Ю., а тут и Паша показывается — традиционно с удочкой. И вещей заметно меньше он набрал в этом году — становится опытным сплавщиком. Итак, все в сборе! Олег почти не изменился с тех пор, как мы виделись у N. Постояли, пообщались, обсудили план. А план один — плана нет! Ах-ха-ха! Вперёд на просторы!

Но нет, план у Адмирала, конечно же, есть небольшой — едем как в 2016 году по МКАД* до Ленинградского шоссе, далее по Ленинградскому шоссе, избегая всяких платных участков, до Твери. Въезжаем в Тверь, уходим на Бежецк, затем до Весьегонска, после

*Московская кольцевая автомобильная дорога

которого на Устюжну, а потом направо до трассы А-114 и уже по ней до Чагоды. Ну как то так вот безоблачно и легко это выглядело на словах и на карте. Выдал Олегу рацию — он с энтузиазмом воспринял такую возможность поддерживать связь между машинами, Паша тоже оживился.

Несмотря на то, что у Олега машина на газу и багажник уменьшен на объём, соответственно, газового баллона, вещи на троих человек вместились отлично, потому как всё групповое снаряжение и продукты ехали у меня. Так что проблем с размещением вещей, байдарок, снаряжения и продовольствия не было никаких.

Итак, историческое событие свершилось — успешно стартовали примерно в шесть вечера, 15 июля. Нормально, хоть и на час позже, чем хотели. Без проблем вышли на МКАД и Олег резво рванул в левый ряд и полетел дальше. Я ещё не очень уверенно чувствовал себя в таком потоке машин, но решил не отставать и, держа связь по рациям, догнал Олега. Дальше мы пошли более менее не отставая друг от друга. Начались вечерние пробки, и пришлось немного потолкаться на выезде из Москвы, хоть это была суббота, а не будни. Олег предупреждал, что не любит ездить колонной, потому что у каждого свой стиль вождения и т.д. и т.п., но в итоге мы, всё равно почему-то поехали колонной и меня это нисколько не напрягало.

До Твери добрались отлично — Олег, как более опытный водитель, шёл первым и держал хороший скоростной режим. Притормаживали мы только перед населёнными пунктами. Я достаточно быстро освоился в новой ситуации — ещё никогда прежде мне не доводилось ездить в колонне. Мы несколько раз ездили семьёй на юг на машине, но тогда я был не за рулём. И хотя общие ощущения были теми же — дорога, скоростной режим и всё

вот это вот, всё же некоторое было в новинку. Концентрация внимания кардинально отличается, когда идёшь в колонне. Взгляд в основном прикован к впередиидущему и его действиям, нежели к другим участникам движения и обстановке, хоть это, наверняка, и не совсем правильно.

Несколько раз менялись местами в нашей маленькой колонне — то Олег шёл впереди, то я. Перед Тверью едва не пропустили поворот — Олег шёл впереди, а я слегка отстал и в последний момент прокричал по радиии, что пора поворачивать направо, иначе бы мы оказались на объездной Твери, что в наши планы не входило. Свернув в Тверь, мысленно порадовался, что у нас есть радиии.

Пока что мы в точности повторяли наш маршрут заброски 2016 года. В Твери пересекли Волгу и ушли на Бежецк, остановившись ненадолго — Олег по радиии запросил остановку для того, чтобы пополнить запасы походной аптечки в придорожном магазине.

Романтика путешествия увлекала нас всё больше и больше. После выезда из Твери машин стало исчезающее мало, а по мере удаления от неё, так вообще. Погода стояла весьма влажная — выпал обильный туман, видимость снизилась примерно до 400–500 метров. Спустя около получаса после выезда из Твери, мы решили остановиться и перекусить, что и сделали прямо на обочине дороги — движение на трассе было не слишком оживленным. Олег разложил запасы провизии прямо на багажнике своего издавшего виды седана, и мы подкрепились бутербродами, сыром, закатанным женой в лаваш и чаем из термосов. После продолжили наш путь по разбитым тверским дорогам...

Дороги — действительно наша беда, и неизвестно какая из всем известных двух хуже. Я понимаю, конечно, что

расстояния у нас не как в европах, но всё же — почему не сделать один раз нормально дорогу по нормальной технологии?! Ничего подобного! Зато заплатки — это пожалуйста. Время от времени латать ямы — сколько угодно! Порой мы снижали скорость до 50–60 км/ч или и того ниже при разрешённых 90 на этих участках. Разрешённые 90 тут звучит как издевательство скорее.

Так, с переменным успехом, добрались до Бежецка, а потом и до Красного Холма, где в столь поздний час было неожиданно много народу на улицах, и стояла полиция. Как мы поняли — местные отмечают с большим размахом чью-то свадьбу. Мы же аккуратно объезжали гуляющих по дороге подвыпивших местных жителей и продолжали дальше наше путешествие.

Через десяток километров после Красного Холма, в Хабоцком, проехали тот злосчастный левый поворот на Молоково, где неслабо протряслись в прошлом году на ужасно разбитой дороге, и поехали прямо — на Весьегонск через Кесьму. Там, как я надеялся, дорога будет лучше! Во всяком случае, в интернете утверждалось, что покрытие там — асфальтобетон. Смущало только отсутствие панорамных снимков с дорог в этом крае... но это всё от его заброшенности, думалось мне, и мы с каждой секундой приближались всё ближе и ближе к городу Весьегонску, порту на Рыбинском водохранилище. И я, конечно, понимал, что со смертью Тихвинской водной системы порт этот, как и город, конечно же, будет в полном упадке, но масштаб разрухи края, в который мы погружались с каждым мгновением всё глубже и глубже, просто поражал и не переставал удивлять... а ты ещё там смеешь жаловаться, что плохо в своей Москве живешь, столице, понимаешь ли! Тут-то вообще полный край.

Явственно начал я ощущать с наступлением темноты и резким уменьшением количества машин на дороге атмосферу полного отчуждения, нереальности происходящего; та самая неуловимая тонкая грань стыка двух миров вновь подкралась как-то незаметно и быстро овладела сознанием, увлекая нас, путников с тюками и байдарками, всё дальше и дальше в бескрайние просторы нашей Родины... я ощущал себя уже и не дома, но ещё и не на реке; уже не в привычной атмосфере города, но ещё и не в привычном ритме сплава — мне казалось, что сейчас я, как канатоходец, иду вперёд по этой тонкой грани, балансируя над пропастью, боясь сорваться в обыденное, привычное, опостылевшее...

Погода стояла очень и очень влажная — мы ехали, взрезая своими авто обильный туман. Видимость резко ухудшилась. Пробовал разные комбинации — ближний свет и противотуманки или только противотуманки... с дальним ехать вообще невозможно — слепит. Приходилось снижать скорость... пришёл к выводу, что лучше просто понизить опустить фары с включенным ближним светом и всё, а противотуманки почему-то больше слепят, чем помогают... так что их выключил. Как-то вот так и ехали.

До Весьегонска добрались раньше расчётного времени, что радовало. Остановились в самом его центре у бывшей железнодорожной станции, чтобы перекусить, походить, размять ноги. На часах было около часу ночи. Мы преодолели почти 2/3 пути или около 450 километров. Оставалось ещё примерно 170 километров до Чагоды, и я был относительно спокоен — большую часть мы прошли, в сон не сильно клонит, концентрация внимания не снижается, реакция в норме. Хотя, некоторая усталость, естественно, начала ощущаться. Жена временами

подрёмывала, откинувшись в кресле. Ей не мешала даже постоянно играющая в салоне музыка.

Не могли упустить возможность сходить на железнодорожную станцию в Весьегонске — пошли вместе с С.Ю. исследовать сей заброшенный объект посреди ночи, подсвечивая себе фонариком. А это оказалась и не станция вовсе, а просто пассажирская платформа. Вокзал сгорел несколько лет назад, как я потом выяснил, а новый строить никому не надо. Табличка новая на платформе висит — красивая, красочная, в новом стиле — красная с серым, и на английском ещё продублированная. Расписания нет. Поезда не ходят от слова вообще. Пассажирское сообщение тут отсутствует с начала 2000-х годов — раньше ходило несколько прицепных вагонов... а сейчас, наверно, и «кукушек» не осталось. И что это — беспросветный упадок или наоборот, все такие богатые и на машинах теперь рассекают?! Решайте сами... Станция Семичеловечья [Иванов(2005)], так и раз эдак, с красочной табличкой посередине.

Рядом находилось какое-то закрытое здание — видимо автобусная станция. Ещё дальше виднелись огоньки и громко играла музыка — местная дискотека или клуб. И всегда так — вспомнить даже музыку из лагеря под Тургошью в 2015 году — чем хуже дыра, тем круче там «отдыхают»... до беспамятства, с размахом и громкой музыкой... иначе совсем петля и «парабеллум», видимо... Мы же стояли и попивали чаёк из термосов, разминали ноги. Потом умылись с Олегом водой, освежились. У Олега для этой цели была припасена целая пятилитровая канистра. Снова пора в путь!

После остановки в Весьегонске нам оставалось не так уж и много — всего-то добраться до Устюжны, а там

уже по хорошо знакомой трассе А-114 до Чагоды. Но на выезде из Весьегонска я почуял неладное — дорога стала просто кошмарной!!! Я поздно заметил капитальную яму и применил экстренное торможение до срабатывания антиблокировочной системы, параллельно выжимая сцепление в пол... реакция-то в норме, а внимание притупилось по-любому, вот и пропустил... инстинктивно глянул в зеркало заднего вида и обнаружил, что Олег, уходя от столкновения со мной, выехал на встречу. Благо и скорость была не так высока, и на встрече никого не было...

— Не де-е-елай так больше, — недовольно и вполне справедливо послышалось по радию от Олега.

— Извиняй... — поёжился я в кресле, — Проморгал! — ответил я и отпустил тангенту.

Впредь поехали аккуратнее и теперь я, давя на тормоз, старался все же бросить взгляд в зеркало заднего вида... Дорога, тем временем, становилась только хуже. Просто Дрезден после бомбардировки союзной авиацией!

Началась грунтовка! Чёртовы карты — где обещанный асфальтобетон?! А ямы какие?! Временами даже 30 км/ч — непозволительно много. Полный кошмар. Мне стало безумно жалко подвеску автомобиля. Я вспомнил карту и понял, что весь участок Весьегонск—Устюжна будет таким, поскольку больше крупных населенных пунктов тут нет... выходит, в прошлом году через Сандово было ещё очень даже неплохо! Там хотя бы был асфальт, а тут просто грунтовка! Хоть и широкая и местами укатанная, но грунтовка. С ямами, колдобинами и лужами. Движения, естественно, никакого. В час ночи тут практически никто не ездит. И вот — мы одни, в такой откровеннейшей глуши, пробираемся на этом, уже

вполне осязаемом, стыке миров — нашего и параллельного, к конечной цели — Чагоде... и это кажется нам просто вечностью при такой дороге. Как караван в сердце пустыни Кара-Кум — с такой же, временами, скоростью.

Если дорога до Вёсьегонска пролетела ну почти как один миг, хоть и составила $\frac{2}{3}$ по расстоянию, то после Вёсьегонска, как мне показалось, мы тащились просто как черепахи. Временами удавалось разогнаться до 50 км/ч, но тут же приходилось сбрасывать, заведя колоссальные выбоины и колдобины. Один раз опять слишком поздно заметил выбоину и влетел левым колесом до пробоя подвески... остановились, взял фонарик, пошёл осмотреться, изрекая неблагозвучные послания тем, кто делал эту дорогу, тем, кто за ней должен следить и вообще проклятия до седьмого колена на всех наших дорожников. Визуальный осмотр ничего не дал — вроде бы всё было на месте, и даже диск с виду не погнулся. Навигатор язвительно показывал ограничение скорости 90 км/ч... Аккуратно продолжили движение, впредь стараясь всё же не разгоняться выше 40 км/ч. Так и ехали. Оживлённее потекли радиопереговоры по рациям — это хоть как-то снимало тоску от перспективы сотни километров разбитой грунтовой дороги...

А туман, тем временем, стал ещё гуще. С дальним светом ехать опять стало невозможно, поэтому шли с ближним. Встречного и попутного транспорта не было и в помине. Мы одни. В такой глуши, что временами становится даже немного страшновато, жутковато. Но ветер странствий, задувающий в открытое окно, зовёт вперёд и некогда грустить — надо объезжать ямы! Встречались редкие населённые пункты, а точнее таблички с их названиями — сами деревни в стороне от дороги. И ни души...

Ближе к Устюжне остановились ещё разок — умыться и освежиться. От влажности и тумана у меня стало сильно запотевать лобовое стекло. Решил испытать, как работает обогрев лобового стекла — раньше я не встречал, чтобы прямо в него были вмонтированы тончайшие нити для обогрева. Обдув в комплексе с обогревом стекла очень выручили, а Олег ещё подсказал включать в такие моменты кондиционер — он осушает воздух и эффект запотевания пропадает... так и ехали — временами закрывали окна, включали обогрев стекла и кондиционер. Снаружи же стала спускаться приятная ночная прохлада, вечерняя духота давно пропала. Я часто открывал окна, чтобы заглотнуть свежего воздуха, а потом и вовсе выключил кондиционер и полностью открыл окно водительской двери. Приятный прохладный ночной воздух растекался по салону, окутывая нас и ободряя от мимолётно набегающей усталости.

Въехали в большую деревню или даже село. Укреплённые избы, ухоженные участки, но самое главное — появился асфальт! Это было просто спасением после нескольких часов ужасно разбитой дороги! Мы капитально приуныли от этой грунтовки, на которой нам встретились на всём протяжении лишь одинокие остановки автобуса (!) «времён Очаковских и покоренья Крыма» около забытых всеми деревень, да парочка лесовозов... Туман пропал, но погода и не думала улучшаться — стал накрапывать дождик. Мы вплотную подобралась к Устюжне, и Олег по радиии сообщил, что недурно было бы заправиться — бак подобсох. Возвращение к какой-никакой, но цивилизации — райцентр всё-таки. Решили заправиться бензином сразу по выезду из Устюжны. Газовую заправку для Олега решили специально не искать, поскольку справедливо рассудили, что ночью они не работают.

В Устюжне так же, как и в 2015 году, постояли на одиноком светофоре в самом её центре и поехали в сторону Лентьево, повернув не налево на адскую грунтовку через деревню Мочала, как тогда в 2015-м, а направо. На выезде из Устюжны заправились бензином, выяснив, что газовая заправка ночью у них в городе действительно не работает. Вот так! Заправили полные баки под горловину и полетели дальше — на трассу А-114, до которой оставались считанные километры. Асфальт стал заметно лучше! Асфа-а-альт! Выехав на А-114, мы вообще воспрянули духом — дорога мечты после грунтовки Весьегонск — Устюжна! Снова пошли с хорошей скоростью, не забывая про камеры. Однако вскоре пошёл легкий дождь, покрытие стало мокрым. Пришлось умерить скоростной аппетит, да и усталость стала накатывать волной от единообразия дороги — хороший асфальт, прямая дорога, ямы объезжать не надо. Останавливались ещё раз умыться водой и освежиться. Потом, примерно на середине пути от Устюжны до Чагоды, ливень стал очень сильным, вокруг вновь образовался туман, снова стало запотевать стекло. Резко снизили скоростной режим и предельно аккуратно выполняли редкие обгоны...

И вот, наконец, указатель поворота на Чагodu. Ура! Теперь остаётся совсем немного. Усталость уже сильно чувствуется. Но мы включаем музыку погромче, жена уже не дремлет и мы болтаем, разгоняя усталость. Вскоре впереди видится что-то вроде полицейской заставы — машины, сине-красные мигалки... что такое — непонятно, поэтому снижаем скорость. Оказалось, что это совершенно жуткая авария. 3–4 развороченных до состояния металлолома машины, куча, видимо, родственников, пластиковые чёрные мешки, содержимое которых не оставляет сомнений, полицейские, разруливающие движение... короче картина ужасная. Видимо под утро кто-то уснул за рулём и свернул

на встречу, скорее всего*. Мне было не впервой наблюдать такую картину, но, тем не менее, пробрало до мурашек. Действительно, «час быка»... Дальше поехали предельно аккуратно.

Чагода встречала нас хмурой погодой и мелким противным дождичком. Пересекли реку Чагодошу по тому самому мосту, на котором в прошлом году дорожники перекладывали асфальт, и, проехав ещё пару поворотов, оказались на Кооперативной — центральной улице этого рабочего посёлка. Притормозили около нового магазина — в прошлом году его не было — чуть передохнули и сделали последний рывок до гостиницы, что на окраине посёлка. Пока ехали туда, мимо промелькал чагодощенский стеклозавод, производящий бутылки и прочую тару. Площади большие, производство не простаивает, судя по всему. На этом заводе, надо полагать, и работает подавляющее большинство местного населения...

Наша цель, гостиница, оказалась на месте, отмеченном на старых топокартах как «лесобиржа», и представляла собой двухэтажное здание из силикатного кирпича. Со стороны это строение больше напоминало частный дом, нежели гостиницу. Но, это было то, что надо. Припарковались рядом и вышли из машин. Мы добрались сюда! Мы сделали это! Первый этап заброски пройден! Но состояние какое-то вообще не боевое. Достал трубочку, набил потуже. Ценой невероятных усилий не стали доставать заветные канистры прямо сейчас — вопрос с дальнейшей заброской-то ещё не решён. И хотя я сомневался, что нам придётся снова садиться сегодня за руль своих авто, подумали, что лучше не рисковать.

*Позже, через год, я узнал от местных, что водитель был пьян, увы.

Решили перекусить и немного поспать прямо в машинах, поскольку было ещё слишком рано — часов 5 утра. Устали. Дорога вышла утомительная не только для водителей, но и для пассажиров — грунтовка после Вёсегонска нас просто вымотала. В гостиницу решили пойти попозже, чтобы зря не будить дежурную. Всё равно заселяться нам не надо, а просто ходить туда-сюда смысла нет. Поэтому мы перекусили, разложив уже привычно провизию и термосы на олеговом багажнике, и расползлись по машинам поспать или хотя бы сделать вид.

Подремать не очень-то получалось. Откинуть кресла назад нельзя — там сзади вещи навалены и разбирать багажник под дождём не хотелось. Поэтому довольствовались тем, что было, кое-как устроившись поудобнее. Дождь зарядил пуще прежнего, небо тёмного, свинцового цвета. Настроение вновь подавленное какое-то. Впереди полная неизвестность, потому как вопрос с дальнейшей заброской окончательно решён ещё не был — надо было дожждаться утра и хозяйки гостиницы. Кроме того, и речку-то тоже могли запросто переназначить прямо здесь и сейчас, если с заброской всё окажется печально... в любом случае, надо было ждать утра.

Быть может не самое разумное распределение времени вышло, но я считаю, что расчёт был верен — самый плохой участок ночи, когда клонит в сон, 3–4 часа утра, как раз пришёлся на конец пути и пустынную хорошую трассу. Если бы мы выехали из Москвы позже, то бóльший остаток пути до Чагоды пришлось бы ехать в таком квёлом и разбитом состоянии, что не есть хорошо. И словно в подтверждение моих дум об опасности этого рассветного времени, мы встретили ту страшную аварию на въезде в Чагodu...

Часов в 7 утра решил, что хватит ждать — набрал хозяйке гостиницы... и был неприятно удивлён, что о нас забыли. А вся переписка по электронной почте воспринималась ею, оказывается, лишь как предварительная договорённость, и водитель уазика о нас знать не знает... Мда, это, конечно, моё упущение, как Адмирала. Но, как говорится, клиенты уже на месте и почему не заработать? Поэтому я и не очень переживал по этому поводу — почему-то была уверенность, что транспорт образуется. Так и вышло. Сама хозяйка подъехала через час, повздыхала, что мы такие-сякие безответственные и могли бы позвонить при выезде из Москвы. Да, это было бы наверно не лишним, она права — учтём на всякий случай в следующий раз.

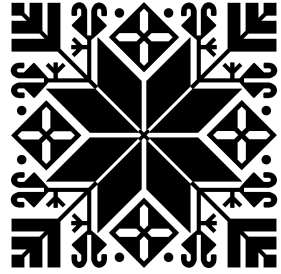
О стоянке договорились — загнали машины на задний двор гостиницы, где параллельно стояли ремонтировались несколько дальнобойщиков. Потом хозяйка пригласила нас на кухню, напоила горячим чаем с печеньем и сказала подождать, пока она попробует договориться об уазике. Я почему-то был относительно спокоен. Это выльется ну в 5–7 тысяч и навряд ли кто откажется за несколько часов немного подзаработать. Так и вышло — спустя буквально полчаса пришёл Юрий — водитель уазика «буханки». Мы быстренько пошли перетаскали вещи из наших машин в «буханку», где внутри были скамейки по бортам, а посередине пустота, куда и было свалено всё снаряжение. Бригада разместилась вдоль бортов на лавочках, а я сел спереди и достал GPS. В путь! Водитель согласился ехать до Радогощи. Это означало — Лидь!

Попрощались с хозяйкой и отъехали. Пока проезжали по Чагоде, вовремя вспомнили, что забыли докупить хлеб — хотелось местного свежеевыпеченного хлебушка — и остановились на выезде около небольшого магазинчика,

где я взял три батона белого и буханку чёрного, мгновенно наполнивших салон авто ни с чем не сравнимым прекрасным хлебным ароматом. Убрали немедленно хлеба в припасённый С.Ю. специальный холщовый мешочек, дабы нас не разобрал соблазн отломать по горбушке.

Дальше дорога ясна — снова до трассы А-114, поворот направо — на Ефимовский. Потом после Ефимовского по гравийно-грунтовой дороге до Радогощи и там. . . нас ждёт коварная красавица Лидь!

Глава 4

Радогощь, стапель и Лидское озеро

«Буханка» неслась по трассе. 80 км/ч для неё был просто предел. Стрелка на спидометре прыгала с разбросом ± 20 км/ч из-за дикой тряски. Всё-таки предназначение этого пепелаца — далеко не шоссе. Суровость и простота — убийственные. Вдобавок, почему-то не выключалась печка. Из воздуховода дуло горячим воздухом прямо мне в ноги и закрыть или как-то отключить это было нельзя. Водитель тоже ехал и, видимо, терпел (ну а что ещё делать?), ведя машину в сапогах. Я же максимально вжался в дверь, отстранив ноги от патрубка, откуда дул горячий воздух, и мысленно завидовал бригаде, разместившейся в салоне. Открыл стекло двери ручкой, устроился поудобнее и начал писать, преодолевая тряску, путевые заметки, чтобы отвлечься.

До Ефимовского добрались нормально, а дальше поехали по заметно ухудшившийся, но пока ещё асфальтовой дороге. Вскоре пересекли Тихвинский канал и дальше началась гравийная дорога, кстати, весьма и весьма

приличная. Но скорость по ней держать высокую невозможно, да и на «буханке» это нереально. Поэтому ехали не торопясь, умерив скоростной аппетит с ухудшением качества дороги. Один раз остановились сходить освежиться. Дорога как-то затягивалась. Путевые заметки стало писать невозможно — очень сильная тряска. Бригада сзади тряслась на лавочках. Паша прилёг на деревянную скамейку, получая, несомненно, отличный массаж спины.

Проехали поворот на Пудрино — там оказалась разбитейшая грунтовка с огромными лужами и грязищей. Даже на «буханке» там было не проехать. Но мы об этом знали из спутниковых снимков и панорам и ехали дальше — на Радогощь. Пересекли мост через маленькую речушку Ундрегу, которая впадает в Лидское озеро. Речушка была очень узкой и заваленной, так что начинать сплав с неё мы, ожидаемо, не стали. Гравийная дорога при подъезде к Радогоще закончилась и началась укатанная грунтовка. Вскоре пересекли ещё один мосток через ручей, также впадающий в Лидское озеро, а потом показалась и Радогощь.

Радогощь — это одно из самых южных поселений вепсов, если не самое южное. И названия местные все сплошь из вепсского языка. К слову сказать, вепсы относятся к финно-угорским народностям, а их алфавит состоит из латинских букв. В настоящее время больше всего вепсов проживает в Ленинградской области и в Карелии. Так что, побывав в этих местах, мы смогли легонько прикоснуться к истории этого народа.

В Радогоще при советской власти, по моим предположениям, располагался крупный совхоз и посреди современной деревни стоят два обшарпанных трехэтажных панельных многоквартирных дома (!!!). Упадок русского севера просто колоссальный. Тут наверняка вовсю кипела

жизнь, а малые гидроэлектростанции на реке Лидь давали электричество окрестным деревням и весям. Теперь-то электричество есть и так, без этих давно разрушенных гидроэлектростанций времён плана ГОЭЛРО¹, от которых остались только разрушенные плотины, а уровень жизни и обжитости края падает из года в год... все бегут в города — оно и понятно, кому охота жить в таком всеми забытом захолустье, куда ведет лишь гравийно-грунтовая дорога? А самое главное — как и где тут можно заработать на жизнь...? Ладно, брюзжу как всегда.

Мы повернули направо на центральном перекрёстке, проехали мимо этих самых трёхэтажных панелек, которые в контексте места своего расположения смотрелись просто сюрреалистично. Дальше начиналось самое интересное — надо было найти место для стапеля. Я достал навигатор и рассудил, что лучше вставать на воду около разрушенной ГЭС², но реальность оказалась иначе — грунтовая дорога становилась всё хуже и хуже. В итоге водитель отказался ехать дальше и съехал на ответвление вправо, где уже стояли две машины. Делать нечего, нужна разведка. Мы вылезли, прошлись. Действительно, к ГЭС не проехать, хоть до неё и оставалось метров 300–400. Пешком туда не пошли — жидкая грязь и лужи — а жаль. Увидели б своими глазами, что там осталось от плотины... но не пошли так не пошли. Должно оставаться что-то непокорённое — а то если всё покорить, что дальше делать? Отвлеклись на диких, нет, просто дичайших комаров! Они атаковали нешуточно! Такое обилие насекомых очень не радовало. Надо было что-то решить с местом выгрузки и поскорее залезть в вещмешки

¹Государственная комиссия по электрификации России, созданная после Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917г.

²Гидроэлектростанция

за репеллентами, ибо комары настолько обрадовались свежей человечинке, что немедленно и беспощадно стали дегустировать нашу кровушку.

Юрий ушёл вправо по разбитому ответвлению дороги и вскоре вернулся. Там, по его словам, до реки близко. Решено. Подключив передний мост «буханки», он развернулся и задним ходом подъехал максимально близко к началу топкого разбитого участка, за что ему большое спасибо. Координаты — $N 59.77112^{\circ} E 34.87456^{\circ}$. Там мы выгрузили вещи из салона, и надели бахилы химзащиты ОЗК*, а С.Ю. — полукомбез от костюма химзащиты Л-1, подготовившись, таким образом, к грязище. Заброска автотранспортом пройдена! Теперь надо перетаскать вещи на берег реки. Я расплатился с водителем — заброска от Чагоды до Радогощи обошлась нам в 5 тысяч. Юрий пожелал нам удачи и, немного погодя, уехал, а мы стали потихоньку таскать вещи к берегу, обильно набрызгавшись репеллентами.

Бахилы химзащиты нереально выручили — грязь была мокрой, топкой и ужасной. Преодолев самое топкое место, мы пробрались сквозь заросли и вышли на берег Лиди. Это было то, чего я ждал целый год — начинается этот дзен, это отчуждение, это приключение, этот отрыв!!! По-о-олный отрыв! Но времени размышлять о высоком не было — комары дико атаковали и надо было быстро перетаскать все наши тюки и начинать собирать байдарки.

Снаряжение перенесли довольно быстро — каждый сходил к берегу и обратно к месту выгрузки всего

*Общевойсковой защитный комплект — средство индивидуальной защиты от отравляющих веществ, биологических средств и радиоактивной пыли; состоит из плаща, перчаток и чулок (бахил), часто применяемых в сплавах/походах.

раза по два-три. На берегу около нашего стапеля стояла на привязи чуть подтопленная деревянная самодельная лодка. Жена моментально облюбовала место в ней и сидела копалась зачем-то в телефоне. Все приходили в себя после гравийной дороги и начинали распаковку вещей и байдарок, параллельно сделав несколько снимков на фотоаппараты.

Места на берегу было маловато и везде грязь, однако удалось всё же найти более менее чистый участок с травой, где мы и начали сборку своей трёшки вместе с женой и Олегом. С.Ю. и Паша собирались тут же, в пяти метрах, тоже на траве, чтобы зря не пачкать снаряжение на влажной жирной почве. Примерные координаты $N\ 59.77112^{\circ}$ $E\ 34.87456^{\circ}$.

Выяснилось, что рацию, которую я отдал Олегу, он оставил в машине в Чагоде. Связи между лодками не будет... обидно, знаете ли, но что делать — всегда без этого ходили и сейчас обойдёмся. Свою рацию, ставшую бесполезной, пришлось выключить и убрать в гермомешок.

На сборку байдарки ушло около получаса, а С.Ю. справился немного раньше. Олег на лету схватывал принцип сборки «Тайменя» и работа спорилась. Трудности, как всегда доставила лишь натяжка фальшбортов, но тут уж, традиционно, с помощью пассатижей и обценной лексики, удалось, спустя минут 10, закрыть все застёжки. Привязали чалку, спустили байдарку на воду. Стали таскать и грузить вещи. Комары при этом не дремали и атаковали в полную силу — от такого я уже давно отвык! Лоб и руки начали мгновенно распухать от укусов. Репелленты не помогали практически никак, лишь на несколько минут ослабляя натиск неутомимых насекомых, жаждущих свежей кровушки... С.Ю. с Пашей быстрее нас погрузились в байдарку, отчалили, не дожидаясь на то команды,

и скрылись за поворотом, желая оторваться поскорее от берега в надежде спастись на воде от дичайшего полчища летающих кровососов.

Мы же возились с погрузкой — компактно укладывали вещмешки. Как всегда, это дело техники и спустя пару пять мне удалось более менее приблизить компоновку вещей в трюмах к идеальной, и мы стали усаживаться в байдарку.

И тут случилось... непоправимое. Правда, понял это я уже потом, вечером на стоянке. В запарке, в желании догнать ушедший экипаж и тоже оторваться от комаров, усаживаясь в лодку, я на доли секунды потерял свой GPS навигатор из виду. Усевшись, я решил, что он упал на дно байдарки и откатился назад, сбоку от моего сиденья. Отчалив, мы стали держать курс на левый поворот реки, отбиваясь от немыслимых туч комаров и стараясь увернуться от веток, нависающих над водой с правого берега, а я шарил рукой по днищу в тщетных попытках найти прибор. Но нет. Отплывая всё дальше и дальше, я понял, что, скорее всего, выронил навигатор за борт... но надежда ещё теплилась — надо было на стоянке основательно обшарить корму — мне казалось, что он непременно должен быть там. Тщетно. На следующей стоянке навигатор найти не удалось. Так коварная Лидь недовольно встречала путешественников, дерзнувших покорить её...

Пошли без навигации, а куда деваться. Маршрут и карту я помнил достаточно хорошо, а уж ниже Заборья я и вовсе уже ходил. Кроме того, как справедливо заметил С.Ю., с реки-то всё равно никуда не денемся. Так-то оно так, но вскоре Лидь впала в озеро Глубокое, из которого надо было найти выход. Припомнив карту, относительно без проблем нашли выход. Не так-то уж и нужен навигатор, хе-хе! Тем более, что в герме был резервный комплект

бумажных карт, да и GPS в смартфонах никто не отменял. . . Но вскоре попали во второе озеро. Его я по карте что-то не припоминал и сначала принял уже за Лидское, но размеры явно были меньше. Оказалось, что это озеро Малое. И вот в нём-то мы изрядно попетляли в поисках выхода. Тут бы, конечно, утопленный GPS пригодился. И трек похода теперь не запишешь. . . у-у-у-у-у!!! горе-горюшко!!! Это ж надо было так утопить навигатор прямо в первый день! В первую же минуту сплава! Но что произошло — то произошло, и уже ничего не изменишь. Даже если бы вернулись и стали обшаривать дно у стапеля — оно очень топкое, илистое и мутное. Шансы найти маленький утопленный прибор стремились к нулю. Подмывало достать флягу. . . но мы шли дальше.

Вскоре вышли в Лидское озеро, встретив несколько рыбаков на лодках. . . рыба, стало быть, есть, раз местные ловят. Наши рыбаки, Паша и Олег, встрепнулись и тоже хотели поскорее закинуть удочки на стоянке, о которой уже пошли некоторые толки среди экипажей — народ хотел пораньше встать на стоянку после тяжелой ночной дороги и ухабистой заброски.

По Лидскому озеру стало реально трудно идти, потому что течения нет, вода стоячая. Хорошо, что хотя бы ветра нет. Однако пошел дождь, пришлось нацепить дождевики. В мои планы не входило геройствовать в первый же день — я намеревался встать лагерем на первом острове на этом широченном озере. Но уровень воды в этом году был высок, как никогда, и остров оказался подтоплен. Пришлось идти дальше. По мере продвижения стало понятно, что характер берегов тут везде одинаков — они все подтоплены и поэтому встать лагерем на озере вряд ли получится — придётся искать выход в реку и попытать счастье там.

Погодка не радовала — лил дождь, с носа капало. Бригада была не в самом лучшем расположении духа после бессонной ночи, а погодные условия как будто специально решили испытать нас на прочность. Экипаж С.Ю. и Паши то и дело подходил к правому берегу на разведку — нет ли там выхода из озера. Но тщетно. Я не разделял их энтузиазма, поскольку помнил по карте, что до выхода ещё лопатить и лопатить — почти до конца озера, а мы только-только проплыли почти опустевшую деревню Пудрино, что в самом его начале. Вскоре прошли и заброшенную деревню Буржаиху за лесистым мысом. Выход был явно дальше. Экипаж С.Ю. и Паши вновь предпринял попытку найти исток реки из озера, и отклонившись от фарватера к правому берегу, а наш экипаж сбавил ход подождать их и передохнуть. Мне наскучило слепое скитание по водному простору, и я достал телефон из гермокоробки, включил GPS. Привязавшись к местности, сориентировался — выход из озера должен был быть перед следующим мысом, куда мы и стали держать курс после небольшого перерыва в гребле. Выключил телефон для экономии батареи и убрал его в гермокоробку — утопить ещё и телефон было бы слишком.

У всех было желание поскорее встать на стоянку, обогреться и основательно поесть — уже около суток мы держимся на перекусах и из горячего только чай в термосах, который, кстати, уже закончился. Почти сразу на выходе из озера в Лидь, встретили стоянку с ещё дымящимся костровищем. Вспомнил, что пока мы шли по озеру, мимо нас пролетела моторная лодка — видимо это те рыбаки тут стояли. Позорище — ушли и не залили костёр... Бригаде стоянка не понравилась, пошли дальше. В принципе, времени было ещё мало — можно плыть и плыть. Преодолели что-то вроде остатков моста или небольшой плотинки.

Позже посмотрел по карте, что это остатки моста дороги к Платанихе. Попытались найти место сразу за бывшим мостом у правого берега, но неудачно. Попадались лишь рыбацкие стоянки, да все почему-то замусоренные. И ведь местные сами мусорят, не сплавщики, коих тут раз, два и обчёлся. Эх... культура! После нас, я клянусь, остаётся всегда только потушенный костёр, остатки напиленных дров и обожжённые банки из-под тушёнки, не более! Тот мусор, что горит, мы обязательно сжигаем. А тут... стеклотара, полиэтилен, обёртки какие-то, бутылки... срамota!

Отчалили от места очередного просмотра берега. Начала чувствоваться усталость. Сколько точно мы прошли, я без навигатора сказать не мог, но по моим прикидкам выходило около 15 километров, что подтвердилось позже. На стоянку встали после заброшенной деревни Платанихи, от которой ничего не осталось. Координаты места — $N\ 59.68915^{\circ}$ $E\ 34.89413^{\circ}$. Имелись напиленные дрова, поляна, много места для палаток и вполне приличный для такого высокого уровня воды спуск к реке. Стали выгружаться.

Дальше действовали как обычно — разгрузили байдарки и затащили их на берег, поставили на вёслах тент от дождя. Сложив всё снаряжение и провизию под тентом, отправились за дровами и костровыми палками. Лес мокрый после дождей и сухостой промок, но мы упёртые! Нам удалось найти парочку брёвен посуше.

Пока ставили лагерь и разводили костёр — комары просто заедали. Выяснилось, что Олег забыл свои репелленты в машине, а С.Ю. и Паша и вовсе их не брали. . . остались только наших с женой два маленьких баллончика, которые почему-то оказались не особо эффективными. При таких кровососах это была катастрофа! Немедленно провели санобработку верхней одежды всей команды.

Правда, спасало это ненадолго. Больше помогал дым костра... комары как будто с цепи сорвались — полчища неокормленных кровососов атаковали нас непрерывно!

Над костром уже приветливо пошумливал котелок кипятка на макароны с тушёной, когда Паша вдруг так кстати предложил, поглаживая бороду:

— А где, собственно, канистра?...

— У-у-у-у-у! Ы-ы-ы-ы-ы! Да-а-а-а-а! — завопила походная братия, ибо, возможно, только горячее сейчас было способно отвлечь нас от полчищ насекомых.

— Иди сюда, родимая! — Олег немедленно извлёк из пакета пятилитровую яблочного снадобья. Открыл, вдохнул ароматы целительного нектара и принялся наполнять наши железные кубки...

Это было то, что нужно! Надо расслабиться и снять лишнее напряжение в мышцах, которые пока ещё не слишком понимают, что весло — это дней на десять, а не просто так! Переход по озеру тяжело дался, отсутствие постоянной спутниковой навигации и плохая погода тоже радости не добавляли, поэтому яблочная уходила восхитительно.

— Хы-ы-ы-ы-ы! Ключница делала! — изрёк Паша, зелье было превосходно.

— А то! Не в 1 раз беру, проверенное качество, ё-моё! — со знанием дела ответил виночерпий.

— Что-то и комары подотстали? Или нет, а? — закусывал салом Олег.

— Чёт пока нет!!! Ну-ка, плесни-ка ещё!

— Подставляй!!!

Паша, тем временем, уже забросил удочку и выловил ма-а-аленькую рыбёшку. Клевало не очень, поэтому он оставил удочку заброшенной и тоже присоединился к нашей яблочной вакханалии, достав припасённый лимон из гермы с продуктами. Временами, когда колокольчики, привязанные к удочке, начинали позвякивать, Паша стремглав срывался к берегу в напрасной надежде выловить достойный экземпляр... Дождик временами то начинался, то прекращался, и макароны с тушёной мы вкушали сидя под тентом на деревянных чурбачках, напиленных кем-то тут бензопилой.

Девизом этого похода можно назвать фразу: «Хрен знает, в какой-то герме!»:

— Са-а-ань, а где то-то? (Имеется в виду что то из еды или из снаряжения).

— Хрен знает, в какой-то герме! — неизменно был мой ответ.

— Да хорош, Сань! Где то-то?...

Я что-то настолько расслабился и пустил всю кухню на самотёк, видя, как народ и так нормально справляется со всем, что справедливо рассудил — рано или поздно сами освоятся. Но этого не происходило — народ тоже расслабился и снова и снова спрашивал:

— Са-а-а-ань, имей совесть, где то-то?

— Хрен знает, в какой-то герме! — и взрыв моего подогретого хохота... хотя я был явно не прав. Если гермы с продуктами ещё отличались по цвету, то всё остальное лежало в четырёх одинаковых армейских вещмешках, и понять где что было невозможно — надо обязательно залезать внутрь... но, тем не менее, выглядело это всё

несколько забавно. Пришло решение впредь повязывать разноцветные ленточки на вещмешки для их опознавания или сделать бирки с надписями. Впрочем, спустя несколько дней народ освоился, и, не стесняясь, преспокойно рылся в гермах и мешках в поисках нужных вещей, чего я и добивался.

Олег расчехлил свою потёртую и от того имевшую такой бывалый вид гитару. О-о-о, это было нечто! «Таймень» — это, пожалуй, единственная байдарка на постсоветском пространстве, а может быть и в мире, в которую без проблем сверху можно положить гитару. А уж если «Таймень-3», как у нас сейчас, то это вообще крейсер! Чтобы был понятен масштаб — в нашей байдарке ехала вся (!) провизия на пятерых (!!) человек на 10 (десять!!!) дней, включая тушёнку, а также всё групповое снаряжение — пила, топоры, котелки, газовая горелка для разведения огня, складная сапёрная лопатка, тент от дождя, плёнка полиэтиленовая для бани, складные стульчики. И, само собой, личные вещи экипажа, а также палатки. И, при всём при этом, сверху в грузовом отсеке ещё оставалось место для гитары. . .

Кроссовки Олега промокли и он повесил их сушиться у костра, а поскольку в шлепанцах находится было совершенно невозможно из-за комаров, то ноги он поставил в полиэтиленовый пакет, замотал верхушку поплотнее, усевшись на походном стульчике, и взял в руки свою издававшую виды гитару:

Вот! Новый поворот!

И мотор-р-р р-р-ревё-ё-ёт. . .

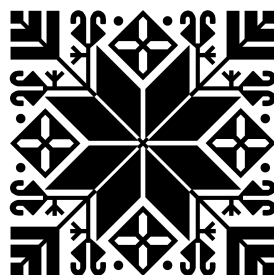
— понеслось над поворотами Лиди. Сидя у костра и отбиваясь от комаров, полистывая сборник песен, Олег выбирал что-нибудь из него или из памяти,

и исполнял, а мы подпевали, как умели. С уменьшением содержимого канистры песнопения наши становились всё веселее и веселее... гитара в походе — это однозначно не просто огромный плюс, а то, что однозначно должно быть. Вместе с гитаристом, разумеется. Сразу атмосфера становится другой и даже на комаров сразу наплевать... ну, почти. Так мы сидели на берегу этой тёмноводной, красивой и местами коварной речушки и самозабвенно пели любимые песни...

*А не спеть ли мне песню... а-а-а любви,
А не выдумать мне... новый жа-а-анр?*

Солнце уже давно зашло, красивого заката не было — мы стояли в окружении высокого леса и густого подлеска, да и облачно. Настали сумерки. Яблочная уходила на ура, притупляя комариные укусы и бессонную ночь за рулём. Меня просто рубила усталость, и мы с женой залегли спать в этот день рано, около 10 часов вечера, потому как очень хотелось нормально выспаться, а бригада утихомирилась чуть позже.

Глава 5

Тресновская ГЭС

С утра я традиционно приготовил свой фирменный походный завтрак — овсяная каша на сухом молоке и сгущёнке, с добавлением кураги, чернослива и орехов. Вышло, как всегда, отлично. Вдобавок, в этом году не удалось купить нормального сухого молока, поэтому взяли старые запасы, а также приобрели сухие сливки, которые по составу обещали быть натуральными и не обманули — это было нечто! Жирность была что надо — каша на сливках стала сразу похожей на кашу, а не просто так, лёгкая закуска!

Снова обработались заканчивающимися репеллентами, но это как-то не возымело никакого эффекта на полчища комаров и мошки... надо брать репелленты с содержанием средства ДЭТА* как можно больше. А в наших этой ДЭТА оказалось так, «для галочки». До Заборья около двух ходовых дней и раньше никаких магазинов нет. Вопрос с комарами стал просто животрепещущим! Одеколон

*Диэтилтолуамид

«Гвоздика», взятый С.Ю. в качестве проверенного средства от комаров, тоже помогал лишь на несколько минут. Оставалась только одна слабая надежда — что в селе Лидь, а это в пределах одного ходового дня, есть хоть какой-нибудь магазинчик.

Свернули лагерь, погрузились и отчалили нормально, не поздно, в районе 10 часов утра. Олег был новичком в нашей команде, но всё схватывал на лету, что очень радовало — ничего не надо было разъяснять или показывать — чувствовался человек, много проводящий в околороходных условиях на природе — на рыбалке... а это очень важно — когда идёшь таким микроколлективом, то люди должны понимать что надо делать даже не с полуслова, а на уровне телепатии. И в нашей команде, к счастью, это было так или почти так. Слаженность действий и их следование единому замыслу. Но довольно философии — пора на воду!

На воде ждало спасение — комары и мошка отставали. Лишь слепни временами догоняли, но вскоре быстро отставали, отгоняемые нами. Так мы и шли дальше, увлекаемые тёмными водами Лиди. Временами, как и вчера, встречались подобия перекатиков, но о-о-очень, очень отдалённые — воды в этом году много и все камушки были глубоко под водой, что не может не радовать — очень не хотелось добавить заплаток на днище трёшки.

Вскоре дошли до развалин Тресновской ГЭС. Отчего никто не достал фотоаппарат — вообще не пойму, снимков этого места не осталось. Зрелище было завораживающим — большая разрушенная бетонная плотина, сплошь заросшая лесом и густым подлеском, а посередине ревущий слив примерно на метр. Естественно, сходу проходить не стали — звук клокочущей воды как-то не способствовал. Причалили

для осмотра к левому берегу. Берега крутые, вылезти нормально можно только в одном месте.

Я осторожно оказался на берегу и стал пробираться сквозь заросли оценить ситуацию. Олег держался за прибрежную траву, чтобы байдарку не сносило ниже. Экипаж С.Ю. тоже причалил позади нас и стал потихоньку вылезать. Аккуратно взобрались на плотину и прошли ниже по течению оценить характер слива. С таким препятствием я столкнулся впервые. Вышел, подошел к краю обрыва и, цепляясь за ломкую ольху, которая не преминула сломаться, спустился к воде, к самому ревущему водопаду. Ничего не понятно. С.Ю. попытался пройти хотя бы метр по воде на слив, чтобы понять — есть там брёвна, препятствия или что-то подобное — иными словами — можно ли пройти слив на байдарке или надо обносить? Перспектива обноса не радовала — подъём на плотину весьма крутой, сплошные заросли. . . короче та ещё прелесть. По итогам осмотра ничего толком не поняли и решили всё же попробовать пройти слив ближе к левому берегу — рискнуть. Я продолжал стоять на небольшом островке перед сливом. Экипаж С.Ю. занял места в байдарке, и они пошли первыми — я страховал на подходе к сливу и наблюдал за происходящим.

Байдарка С.Ю. немного криво вошла в слив. . . секунды казались вечностью. . . и вот. . .

Падение!

Волны!

Рёв воды!

Белая пена. . .

Уф-ф-ф! Прошли! Нормально! Лихо заложили разворот и встали у берега против течения, ожидая нас. Прокричали нам сквозь шум слива и показали жестами, что всё в норме! Теперь наша очередь! А слив зловеще клокочет!

Прямо как настоящий Ниагарский водопад! Я вернулся к своему экипажу, занял место в корме, сел повыше, чтобы лучше видеть ситуацию впереди, и мы предельно аккуратно, у самого левого берега, слегка цепляя камни днищем, стали ювелирно подходить к ревущему сливу...

Секунды тянулись безумно медленно! Казалось, будто время остановилось в сознании! Олегу крикнул не подруливать веслом, а сам, табаня, выравнивал курс, придавая нам небольшую отрицательную скорость... мы медленно, но верно приближались к зловещей пропасти... время как бы мгновенно разморозилось и, ускорившись, полетело стремглав в неизвестность... впереди был слив! У-у-у-у-ух!!!

Пш-ш-ш-ш-ш!!!!!!

Плюх!!!!!!!!!!

Нос байдарки нырнул в пену... и сразу же вынырнул — вода как бы не поняла, что могла перелиться через борт, и отступила. Байдарка будто бы изогнулась лёгкой дугой, и вот уже корма, спустя доли секунды после носа, прошла сквозь белую, кричащую, словно в ужасе, пену и перепад высот. В действительности прошли какие-то мгновения, доли секунды, но в моём сознании подход к сливу и падение были вечностью... Мы прошли! Невероятно! А казалось страшнее, чем было на самом деле!

Экипаж С.Ю. подождал нас, и мы вместе пошли дальше кильватерной колонной. Жена выразила восторг от прохождения слива! Ещё бы! Я и сам был на мощнейшем подъёме — такое препятствие! Сначала, конечно, всем было боязно, и неизвестность пугала, но сейчас мы счастливо обсуждали, как классно нырнули в эту пену. Осознание преодоления этой плотины придало нам сил и уверенности.

Небольшой экстрим — те самые ощущения, ради которых мы и оказались здесь, на реке.

Судя по старому описанию нашего маршрута, при высокой воде он относится ко второй категории сложности. Так что мы можем, почти не моргнув глазом, рассказывать теперь всем желающим за рюмкой чая, что прошли по маршруту второй категории сложности — впереди нас ждала ещё одна плотина... но это потом, не сегодня... сегодня нам бы подобраться вплотную к селу Лидь. Олег и Паша впервые проходили такое препятствие и держались молодцами. Мы уже с женой проходили перекаты на Зилиме, потом знаменитый сливчик на Киржаче... а я ещё и плотину, которая дальше тут на Лиди после Заборья. Опыт С.Ю. тоже чего-нибудь, да значил. Так что Тресновская ГЭС стала «боевым крещением» для наших двух матросов.

Плыли дальше и думали — отчего мы все так растерялись и забыли про фото и видеосъемку? Невероятно! И я-то тоже хорош! Мог бы додуматься достать фотоаппарат! Такое красивое интересное место и так бездарно прохлопать возможность запечатлеть его! Придётся возвращаться против течения и повторять на бис — шутили мы. На самом деле, маршрут по Лиди достоин того, чтобы проходить его вновь и вновь. Места удивительно дикие, красивые... хоть и затопленные в этом году — все песчаные пляжи скрыты под водой, подходы сплошь поросли густой травой, о стоянках байдарочников и речи нет — за год пройдет максимум 1–2 группы, судя по стоянкам, а точнее по их отсутствию вдали от населённых пунктов...

Мда-а-а, с фотосъемкой разрушенной плотины явно сплеховали. Но, с другой стороны, не станешь же напрасно рисковать и доставать фототехнику, когда вокруг ситуация

каждое мгновение грозит бедою? Искупать зеркальный фотоаппарат было бы слишком, хватит и утопленного GPS. Поэтому-то и ставят страховки ниже по течению, оператора со штативом и камерой у слива, имеют радики, чтобы не орать сквозь шум воды... так проходят препятствия, пороги и сливы, настоящие профессионалы, всякие клубные сплавщики с супер-пупер снаряжением, касками, спасжилетами и всё вот это вот, ну вы понимаете... а кто мы? Мы так, любители этого дела, забредшие путники, потерянные души в этом забытом всеми крае, приехавшие сюда вовсе не за фотокарточками (хотя, кого мы обманываем, за ними тоже), не за этим каким-то показным тщеславием и хвастовством от прохождения маршрута... мы приехали сюда, нет, даже не приехали, а сбежали (!) сюда для отчуждения — для полного отчуждения — в попытках уйти от реальности и отстраниться от привычного... и это удаётся нам сполна — красавица Лидь не жалея окунает нас в эту атмосферу...

В этот день прошли урочище Тресно, по имени которого и была названа та плотина выше по течению. Когда-то это урочище, видимо, было деревней, а сейчас — один полузаброшенный домик с хорошим выходом к воде. Мы, повинувшись сильному течению, проплываем мимо — причаливать нет желания... да и не ясно — жилой ли дом или просто это временное пристанище для рабочих, лесорубов или лесников.

Мы рвёмся вперёд и вскоре нашему взору открывается преграда... деревянный мост, положенный на бетонные трубы большого диаметра. Течение ускоряется и грозит бедою! Как проходить этот мост — не ясно. Видны завалы в трубах. Мы аккуратно зачаливаемся у правого берега, в зарослях какой-то прибрежной травы. Вылезает все без

исключения на берег и идём в разведку. Мост широкий, деревянный сверху, в приличном состоянии, способном выдержать прохождение лесовозов — для чего он, скорее всего, тут и сделан — видны следы протекторов шин грузовых автомобилей и тракторов. Обносить байдарки по берегу дико не охота, ведь придётся разгружаться. В двух бетонных трубах моста нет завалов из плавника и можно попытаться пройти там, но вход перегораживает прибитое течением бревно.

Пока Паша ведёт разведку у трубы близ правого берега, мы с Олегом спускаемся к трубе у левого берега. Если подвинуть прибитое течением бревно — можно пройти! Но бревно прижимает сильным течением — сделать это будет очень нелегко... да и неизвестно, вдруг там что-то на дне лежит в этой трубе? Чтобы развеять сомнения, я спускаюсь с моста вниз, ниже по течению, к трубе у левого берега и аккуратно, против приличного течения, захожу в неё, держась сверху за деревянные перекрытия. Прохожу практически до середины пролёта — всё нормально — камней нет, острых деревяшек тоже. Решаю, что точно надо идти тут, только избавившись от того бревна на входе.

Паша возвращается от соседней трубы и настаивает идти там, а С.Ю. колеблется. Олег ждёт, пока мы с С.Ю. как Капитаны байдарок, определимся. Я тоже иду оценить вторую трубу и понимаю, что там идти вообще не вариант — в первой глубже, по моему мнению. Остаётся единственно верное решение — оттолкнуть то бревно, как я и хотел, и проходить в трубе у левого берега. Так и поступаем. Находим с Олегом оглоблю прямо тут, на настиле моста, и, спустя несколько минут, используя её как огромный рычаг, с трудом вдвоём отодвигаем бревно от прохода в сторону. Теперь можно идти!

Первыми снова пускаем экипаж С.Ю. Они у нас в роли разведчиков. Заходят нормально в створ трубы только со второй попытки — сначала их относит к опоре моста и приходится резко уходить назад обратными гребками, выравниваться, а затем пробовать снова. И вот — новый заход... выравнивание... уф!!! Прошли нормально, слегка пригнув головы в трубе. Теперь наша очередь — мой экипаж занимает места в байдарке. Мы тоже сперва заходим против течения подальше, а потом, выравнивая байдарку обратными гребками, предельно аккуратно, если не сказать ювелирно, заходим в эту трубу. На выходе нас уже ждут С.Ю. и Паша... и опять отчего-то не засняли на фото ни мост, ни трубы, ни прохождение... что такое? Эмоциональный перегруз, не иначе. Всё это останется только в нашей памяти. Жаль, очень жаль! Но мы идём дальше.

В этот день больше никаких препятствий не встретилось, и мы размеренно плыли в поисках стоянки. Крайняя точка на сегодня — это село Лидь, поэтому надо было найти стоянку до него. Но найти хорошее место как раз не выходило — все берега чересчур лесистые и заболоченные или травы по пояс... наконец, когда уже из-за очередного поворота реки показался дом села Лидь (а другого ничего тут по карте и нет), мы заметили выход к воде на правом берегу. Естественно, причалили и пошли на разведку. Место было так себе — и близко к деревне, и следы старой стоянки рыбаков с мусором... но, при этом и поляна большая по соседству и сход к воде более менее приличный. Да и хотелось уже встать лагерем, потому что если идти дальше, то километров 5 точно — надо пройти село тогда и вставать за ним...

В итоге решили оставаться, примерные координаты — $N\ 59.64044^\circ\ E\ 35.06237^\circ$. Перетаскали вещи, вытащили

байдарки, разбили лагерь. Костёр развели около поваленного дерева, чтобы использовать его как лавочку. Комары не дремали и жадно принялись за кровопускания свежей партии человечинки... репелленты закончились. Стало ясно — или завтра мы купим в этом селе репелленты, или нам ещё двое суток терпеть эти отнюдь не повышающие боевой дух укусы кровососущих — до магазина в Заборье.

Над быстро вытоптанной поляной возник наш тент — продукты и снаряжение, как всегда, сложили под ним. Между часто росшими соснами на окраине поляны растянули веревку и развесили сушить промокшие вещи. Олег с Пашей быстро поставили палатки и удалились на берег реки рыбачить. Мы с женой и С.Ю. потихоньку начали кашеварить и сделали сперва чаёк. Этот день принёс немало экстрима — одна плотина чего только стоила, а разведка и прохождение моста заняли не менее часа наверно.

Комары снова просто одолевают. Репелленты закончились окончательно и бесповоротно... Я вспоминаю, что у меня есть в аптечке вьетнамская «звёздочка»... она же пахучая, ведь так? А что, если этот адский запах эфирных масел отпугнёт насекомых? Надо проверить — быстро к палатке, лезу в герму. Вот и мой подсумок с аптечкой — нахожу эту крохотную баночку, мучительно открываю её ногтями и немедленно смазываю свои кисти рук и лоб, а также шею... и тут понимаю, что если шее и рукам — нормально такие издевательства, то напрочь искусанный лоб был к этому явно не готов — ощущения те ещё! Просто адски бодрящая свежесть! Но это не главное. Как поведут себя комары? Наблюдаем... держатся на почтительном расстоянии в несколько сантиметров и садиться не хотят явно!!! Ура! Кратковременная победа! Все желающие

немедленно пользуются возможностью хоть немного облегчить участь своих открытых участков тела...

Наши рыбаки потихоньку приносили с берега добычу — некрупных рыбёшек, которых мы решили на завтра зажарить на чугунной сковородке, запасливо взятой с собой. У нашей стоянки было мелко — дно просматривалось, из воды торчали несколько камней, но удача была на стороне наших рыбаков — то и дело они срывались на звук колокольчиков, вытаскивали рыбёшек. Провиант и горючее планомерно уничтожались у костра, и комары как-то снова отходили от этого на второй план... Олег, как и все, притомился за сегодняшний день, поэтому гитару даже не расчехляли — они с Пашей не приминули воспользоваться возможностью оттянуться — порыбачить.

Сегодня прошли около 16 километров, как я примерно прикинул по бумажной карте — немного, казалось бы, зато впечатлений — хоть отбавляй, одна плотина ГЭС чего стоит. Завтра нас ждало прохождение села Лидь и бросок до окрестностей Заборья, а пока — сплавное братство гуляло, щедро разливая из канистры. Походный быт к этому дню был окончательно налажен, и всё было как надо. Спать все завалились не очень поздно в надежде, что хоть завтра комары умерят свои таёжные аппетиты.

Глава 6

Лидь икс-одовая

С утра сворачивались не торопясь. Олег пожарил вчерашнюю рыбу на сковородке — вышел прелестный завтрак. Параллельно, как всегда, наварили походной овсянки и изволили позавтракать уже наверно часу в десятом. Лениво собирались, тщательно осматривая поляну на предмет забытых вещей — примятая трава и мох моментально скрывали в себе что-то невзначай уроненное.

Как только отчалили, началось село по обоим берегам. Но народу — никого не видно, никто не купается, белье не полощет, и всё в таком духе. Ни души, а домов много. Причалили на правом берегу недалеко от моста, что посередине села. Рядом имелся деревянный трамплин, видимо для прыжков местной ребятни в воду. Подойдя к берегу, вылезали долго и аккуратно — глубина была существенной, а дно топким с вязкой грязью и илом. Все перепачкали ноги и чуть не потеряли шлёпанцы. Пришлось присесть на трамплинчик и с него ополаскиваться.

Когда с этим было покончено, Паша остался караулить байдарки, а остальные пошли вести разведку местности в поисках магазина. С.Ю. нашел местную жительницу, которая косила траву, и спросил у неё про магазин. Так мы узнали, что магазина в селе как такового нет, но лавка, конечно же, имеется. Однако сейчас она, скорее всего, закрыта, потому что хозяева уехали за товаром. Расспросили также про церковь и узнали, что её ремонтирует энтузиаст из Заборья...

Пока стояли и получали весьма ценную развединформацию про магазин, мимо нас проехала «буханка» защитного цвета — это оказались хозяева лавки. Мы скорее пошли к сараю, указанному местной жительницей. Сарай оказался импровизированным магазином. Оказалось, что репеллентов у них в продаже нет! Катастрофа!!! Пока мы немного помогали хозяевам лавки разгрузить привезенный товар, они сходили в дом и нашли-таки для нас один баллончик «Рафтамид»-а. Это было спасением! Он оказался действенным репеллентом! Стало гораздо веселее — отпугивающие свойства сохранялись надолго — комары и мошка держались на почтительном расстоянии.

Пока стояли ждали около лавки, стали подтягиваться местные жители, также отследившие, видимо, приезд «буханки». У одних была собака и её укусил клещ в нос. Мы были неприятно обескуражены тем фактом, что клещи таки есть в этих краях и даже не «где-то там далеко», а прямо вот тут рядом!

Ободрённые долгожданным приобретением репеллента, мы пошли обратно через луг около церкви, заправив штаны в носки, и постоянно осматривая друг друга во время движения, а также по прибытию на берег — очень не хотелось получить укус такого неприятнейшего насекомого, как клещ.

На берегу немедленно устроили санобработку нашей верхней одежды из прикупленного баллончика:

— Готов?!?!

— Ага!!!

— Команда ГАЗЫ!!! — жена неистово поливала всех из баллончика, средство имело стойкий запах ванили.

Погода стояла хорошая — солнечная. По небу плыли частые кучевые облачка. Жизнь, кажется, начала налаживаться — средство от комаров купили, погода нормализовалась! Впервые за мои походы я так прогадал с погодой в глобальном смысле — холодно, дождливо... но что делать, отпуска были уже получены, всё было приготовлено... в конце концов, у природы нет плохой погоды, просто люди могут оказаться к ней не вполне готовыми. Сейчас же мы несколько привыкли, что за день дождь может внезапно пойти раз пять и так же внезапно прекратиться, а может и зарядить на полдня.

Погрузились и отчалили, аккуратно усаживаясь в байдарки с того деревянного трамплинчика. Медленно прошли село дальше — богатых старых домов практически не заметили — может их уж и не осталось, а может просто где-то в глубине села. Церковь на берегу реки относится, вероятно, к середине XIX века. Состояние строения плачевное, требуется капитальная реконструкция для его сохранения хотя бы как памятника архитектуры. Но, кажется, все моменты упущены — косметические ремонты больше без толку, а делать что-то капитальное навряд ли кто будет. Так что осталось ей лет 5–10 как максимум... На наш век хватило увидеть остатки этого северного деревянного зодчества. Купол у церкви обвалился, колонны сбоку — доживают свой век, их каменный

фундамент тоже нуждается в капитальном ремонте. И всё это никому не нужно, потому что потому. Потому что вся реальная, живая жизнь ушла куда-то бесконечно вперёд... А что же осталось тут? Эта разваленная церковь? Похоже, что так. Так и живут тут — пользуются мобильной связью, косят траву бензиновой газонокосилкой, а церковь стоит как некий символ давно ушедшей эпохи, зачем-то оставленный потомкам на растерзание. Но находятся энтузиасты, которые где-то достают силы и средства всё это пытаться восстанавливать, ремонтировать... И не ругаю я их, не осуждаю, а риторически спрашиваю я — доколе будем мы цепляться за прошлое или делать вид, что цепляемся, когда в реальности все давно от него отошли? Где же исторический материализм и всё вот это вот? Где Эра Великого Кольца [Ефремов(2000)]? Где галактические экспедиции к далёким мирам?

Впрочем, я отвлёкся — посещение старых заброшенных мест всегда навевает какую-то тоску глубоко в закоулках души... Оставляя за спинами это старое село, превратившееся в деревню, мы проносимся дальше на своих байдарках — нас ждет река и километраж, а также странные думы по поводу бренности бытия. По плану сегодня грести около 25 километров, если, конечно, не встретим никаких препятствий, как вчера. Но, судя по карте, которую я тихонько рассматриваю в командирском планшете, их не предвидится, поэтому рвёмся вперёд!

Олег просит посмотреть, что там такое чешется на спине. Оказывается, это впившийся клещ. Мда-а-а. Я в замешательстве, а Олег, напротив, не выражает никаких опасений и говорит, что, мол, вечером вытащим, на стоянке. Район-то, говорит, не энцефалитный, да и кусали его много раз на рыбалке, так что он человек привычный. У меня

в голове такое спокойствие слабо укладывается, ибо район всё-таки энцефалитный, но я отчего-то соглашаюсь потянуть с процедурой до вечера, хотя, по-хорошему, надо было вытаскивать немедленно. . .

Проходим несколько урочищ с бывшими переправами — остатки мостов, опор. Но всё это давно разрушенное и никакой опасности для нас не представляет. Лишь рельеф местности не перестаёт удивлять — попадаются холмы, обрывы, резкие перепады высот обоих берегов. Встречается много хороших мест для рыбалки — «рыбные места», как говорит Олег. Они, Олег с Пашей, уже все извертели, сидя на носках байдарок, в поисках «хорошего рыбного места», да так, чтобы рядом была стоянка. В действительности никогда не получается так, чтобы и место для палаток хорошее, и подход к воде не крутой, и песчаный пляжик, и дрова чтобы, и сосны вокруг, а ещё чтобы рыба ловилась. . . Если хотя бы несколько пунктов из этого списка выполняются — мы думаем оставаться. А пока гребём дальше — мест для стоянок категорически нет.

Одно хорошо — погода радует, светит яркое приветливое солнышко! Дождь сегодня пока не собирается, и мы идём и жадно ищем глазами стоянку. Километров за 10 до Заборья начинаются сосновые боры. Но всё почему-то на высоких берегах, да таких, что забраться крайне затруднительно, а уж байдарку затащить — вообще дело практически невозможное. Тут в полной мере осознаешь почему произносится «Заборье», а не «Забо́рье» — потому что не от слова «забо́р», а «за бо́ром», то есть «за сосновым бором». . . сразу вспоминается насчёт этого «там за туманами. . .» и гитарные аккорды. . . Так и плывём, периодически вылезая на высокие берега для разведки и обнаруживая себя в таком прекрасном мшистом светлом

сосновом бору с оранжевыми исполинскими стволами, что душа хочет не то, что петь, а кричать!

По высокому левому берегу идёт наезженная грунтовая дорога и вставать в таком соседстве совсем не хочется. А правый берег — ещё выше левого. Ничего не попишешь, идём дальше. Погода не портится, запас времени ещё есть. Около 17 часов мы, порядком притомлённые переходом и в надежде найти хорошее место, замечаем на левом берегу остатки стоянки. Командую немедленно причаливать! Встаём на обрыв — место неоднозначное... С одной стороны, помним про дорогу по левому берегу — значит тут тоже она где-то рядом, с другой стороны места маловато — плоская поверхность, пригодная для постановки палаток, вытянута вдоль берега, а дальше от обрыва идёт какая-то канава. Надо принимать решение... Но сначала экипажи расходятся на разведку. Дороги близко не находим. Решаем, что места для палаток нам хватит. Да и столик со скамейками подкупает. Подъезда или подхода к стоянке нет — всё вокруг заросло высокой травой. Получается, что это как будто островок, а сбоку идёт канава, протока, которую по весне наверняка затапливает. Решаю оставаться на ночёвку, тем более начинается дождь, и мы устало идём разгружаться... сегодня мы прошли около 24 километров как я примерно прикинул.

К 18 часам лагерь окончательно развёрнут — над скамейками и столом натянули тент, рядом поставили палатки, притащили дров, развели костёр... усталость почему-то накатывает волной. А ещё дождь идёт мелкий. Но не время расслабляться! У нас медицинская операция по плану — надо вытащить клеща из Олега, поскольку спина — не самое удачное место, чтобы делать это самостоятельно.

Проведя консилиум, склонившись над спиной Олега, мы решаем, что вытаскивать клеща буду я:

— Паш, давай ты?

— Не, товарищ Адмирал, не могу возложить на себя такую ответственность! — отзывается тот.

— Сергей Юрьевич?

— Шутишь? Я не вижу так мелко, — говорит он.

Жена смотрит на меня красноречивым взглядом — не возьмётся. Что ж, я примерно представляю, как всё должно быть. А там уже по ходу дела посмотрим, главное не торопиться. Достаяю пинцет из швейцарского ножа, спирт, ватный тампон. Проводим дезинфекцию инструмента, потом я принимаюсь выкручивать мерзкое насекомое. А клещ, походу, того, помер. Не шевелится совсем. Это облегчает задачу. Аккуратно выкручиваю его, стараясь не раздавить и не оставить ничего в ране. Но одна ножка или клешня или что там у этого гада есть, всё же остаётся впившейся.

— Потерпи, я сделаю надрез, — говорю Олегу. — Надо вытащить остатки.

Тот хладнокровно терпит:

— Давай, я нормально.

Аккуратно делаю небольшой надрез острым ножом и вытаскиваю пинцетом небольшой чёрный кусочек — остатки мерзкого иксодового. Уф!!! Обильно промываю место спиртом. Готово! Первая в моей жизни операция по удалению клеща завершена... Сверху накладываю небольшой тампон и заклеиваю рану пластырем. Теперь можно и ужином заняться...

Вдалеке слышна железная дорога — значит мы совсем немного не дошли до Заборья. Олег расчехляет гитару, С.Ю. очень кстати вспоминает про сало и горячее, Паша уже возится с удочками, а мы с женой занимаемся ужином на команду. Вечер выдаётся шикарным как по заказу — словно вознаграждение за наше терпение — оранжевое солнышко закатными лучами нежно освещает стоянку. Сосны становятся ярко янтарными, лес залит закатным светом... и подо всем этим великолепием стоит наш тент и славно гуляет сплавная братия под звон металлических кружек и переливы гитары... это пробирает до самой глубины естества. Атмосфера спокойствия, отчуждённости, свободы — ничто не заботит, не тяготит, не давляет. Звуки природы ласкают слух, за сосновыми борами стучат поезда, добавляя романтики, а гитарные аккорды прочищают душу туриста-водника...

*Там, за туманами, вечными пьяными,
Там за туманами берег наш родной...*

До моста в Заборье отсюда всего 3 километра по реке, узнаю я, включив GPS в телефоне. Координаты — $N\ 59.53621^{\circ}\ E\ 35.19714^{\circ}$. Завтра я снова окажусь в Заборье спустя два года — когда новоиспечённый Адмирал с двумя зелёными матросами высыпался из поезда на низкую платформу посреди этого всеми, казалось, забытого места и шагнул в неизвестность, преодолевая какие-то страхи, какую-то неуверенность, будучи в твёрдом намерении совершить дерзкое путешествие по этой реке, покорить водную гладь на стыке двух областей, на стыке двух периодов своей жизни — До и После Первого Самостоятельного и по-настоящему Дикого Сплава; приблизить ту детскую мечту — сходить в поход, чтобы всё

было так, как изложено в томе номер 1 Советской Детской Энциклопедии [ДЭ(1965)]...

От нахлынувших воспоминаний становится безумно хорошо, а яблочная помогает достать из глубин сознания буквально все ощущения, все картинки и даже запахи травы и дёгтя от старых шпал, когда только выпорхнули из поезда, принёсшего нас в 2015 году на станцию Заборье, в эти заповедные и почти нетронутые человеком места... Олег играл и играл на гитаре, Паша разливал и разливал, а вокруг нас наступала тихая северная ночь. Настроение у всех было преотличным — мы много пели, отводя душу в этом самозабвенном занятии. Даже С.Ю. подключился к нам и спел из Высоцкого:

*Парня в горы тяни — рискни,
Не бросай одного его...*

Спать залегли в этот день все очень поздно — уже в кромешной темноте. Ничего, это нужно было нам. Отдохнуть душой и стряхнуть с себя лишнее. А сейчас северная природа и чистейший влажный полночный воздух, полный запахов трав и хвои, успокоят нас, усыпят и придадут сил на завтрашний день, на дальнейшую жизнь...

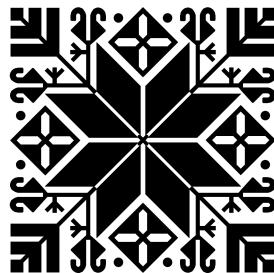
В палатке холодно. У нас с женой простенькая, но проверенная временем двускатная палатка. И хоть она номинально трёхместная, нам вдвоём с вещами тесновато. Чтобы хоть немного это исправить, я растягиваю также и бока внутренней палатки, но этого всё равно недостаточно — тесновато на уровне плеч и головы, если сидеть внутри. Из года в год всё хочу приобрести нормальную двускатную палатку, побольше размером... но их ассортимент тает с каждым годом — народ предпочитает новомодные дуговые... а мне милее старого

образца — домиком, типа «памирки». От этой формы веет тем же, чем веет от стакана в подстаканнике в поездах, от стола с зелёным сукном, от старых ламп с зелёным абажуром в библиотеке... да... но пока мечты о лучшей палатке остаются мечтами, пользуемся тем, что есть. На ночь накрываю задний торец палатки плёнкой, чтобы там не гулял воздух и не дуло в голову. И каждый год с началом сезона снова из безумной искры разгорается мысль, что, быть может, в этом году я обзаведусь хорошей палаткой, с разделкой под печку... и тогда в горы? На Алтай? Мечты...

Хотел вести судовой журнал в этом году. Но «хотели как лучше, а получилось как всегда» — только в первый день одна запись и всё. Как-то не ложится на душу ведение журнала. А все впечатления с помощью фотографий не передать. Поэтому в этом году решаю вести видеозарисовки. То есть снимаю видео, в которых рассказываю, что делали сегодня, сколько прошли, излагаю свои впечатления и т.д. Получается сносно. Большей частью перед сном, уже в палатке, собираюсь с мыслями и записываю материал до 10 минут — больше не позволяет камера. Вот и сейчас, улегшись на матрасе, подвожу итоги трёх дней сплава, а потом мгновенно погружаюсь в глубокий богатырский сон.

Глава 7

Джиу-джитсу

С утра долго копошились с завтраком. Вдалеке, как и вчера, шумели поезда. Гулким эхом их гудки отдавались в лесах этого заповедного края... утренняя леность никак не проходила. Я впал в состояние какой-то медитации. Но надо было готовить кашу, и жена тоже вскоре к этому подключилась. Паша же, видя, что готовка завтрака затягивается, удалился пока на берег порыбачить и наловил таки парочку мелких рыбёшек, а Олег улучил момент искупаться и помыться.

В этом году мы решили сделать походную баню, но места под реализацию своей идеи никак найти не могли, как, впрочем, и камней для печи. Плётка же ехала в корме байдарки и ждала своего часа. На четвёртый день похода мне тоже уже хотелось бы сделать баню, но увы. Олег же не стал ждать гипотетической бани и отправился мыться в реке. Я тоже рассудил, что это верное решение и, пока вода на кашу закипала, быстро спустился к реке и устроил

помывку в стиле «Спа-а-арта!!!», потому что утренняя водичка очень и очень бодрила. Жена также последовала нашему примеру и искупалась с визгами то ли восторга, то ли ужаса от холодной воды.

Затем продолжили варить завтрак. После вчерашнего глазомер был немного сбит, и я налил слишком много воды в кашу — ждали пока выкипит. Жена нарезала кураги, чернослива, орехов, а Олег, тем временем, наворачивал остатки вчерашнего ужина. Потом все остальные подкрепились традиционным завтраком, а после уже по-привычному, что называется автоматически, свернули лагерь и встали на воду. Даже как-то немного жаль было покидать такое неплохое место... Замечено, что практически любая стоянка по приходу кажется непригодной для обитания — высокая трава, ничего не обустроено и тэ дэ и тэ пэ, а с утра с неё не хочется уходить, потому что всё стало почти родным... и так каждый день в сплаве. Ну, кроме днёвок. Там изначально место должно «выстрелить», завоевать расположение туриста-водника. И вроде, казалось бы, совершенно неблагородное занятие — каждый день обустраивать в новом месте себе стоянку, а с утра сниматься с неё и идти дальше... но в этом тоже есть некая философия, некий смысл — смысл неостановимого движения вперед, к новым красотам реки, к новым трудностям на маршруте, к новым сосновым борам и упоительно красивым песчаным обрывам.

Отчалили поздновато, но я был спокоен и немного расслаблен — дальше начнётся ранее пройденная мной часть маршрута. Спустя совсем немного времени по левому берегу начались домики Заборья, а потом показался и железнодорожный мост. Тот самый, у которого я два года назад начал свой Первый Дикий Сплав.

Погода с самого утра стояла пасмурная, а на подходе к Заборью начался дождь, и пришлось немедленно, памятуя о внезапно начинавшихся ранее ливнях, облачиться в дождевики. Дойдя до моста, пристали к левому берегу и вылезли. Место как-то изменилось — я примерно помнил, где собирал байдарку тогда, 2 года назад, но сейчас всё поросло высокой травой.

Сразу как мы причалили, сверху с грохотом стал проноситься грузовой состав. Я успел отснять небольшую видеозарисовку, пока С.Ю. доставал деньги из гермопакета, а потом мы все вместе, кроме Паши, отправились искать магазин. Паша же остался под мостом сторожить нашу маленькую флотилию.

На станции было оживление — путейцы ремонтировали полотно, грузовые составы проносились в обе стороны, гроыхая на мосту, по громкой связи звучали разные объявления. Потом, после прохода очередного состава, всё стихало и лишь брань путейцев нарушала идиллию.

Мы шли знакомой мне дорогой вдоль железнодорожного полотна к станции мимо старой кирпичной водонапорной башни. Потом поднялись к платформе и решили спросить на станции — где, собственно, тут ближайший продуктовый магазин. Здание старой станции оказалось мёртвым — глушь и пустота внутри, хоть и открыто. С.Ю. заглянул внутрь, подивился старой дровяной печи и, никого не найдя, пошёл дальше. Мы с женой задержались на станции и платформе, пока передовой отряд — Олег и С.Ю. искали магазин. Вскоре мы их нагнали у небольшого кирпичного домика белого цвета позади станции — это и был магазин, а я его 2 года назад и не приметил.

К нашему огромному счастью мы сумели приобрести четыре или даже пять баллончиков «Рафтамид»-а. У-у-у-х, берегитесь, комары! Пощады не будет! Также обзавелись двумя упаковками спиралей от насекомых. Помимо этого, прикупили хлеба, огурцов, куриных яиц и ещё чего-то по мелочи. После, запечатлели себя на фото у этого магазинчика, и пошли обратно к Паше, который, наверно, уже заждался.

Олег и С.Ю. Пошли обратно к берегу, а мы с женой решили пройтись до здания впереди, где тоже висела надпись «Заборье» — видимо техническое здание станции. Так и оказалось — внутри был пункт управления стрелками и сидели две женщины-железнодорожницы. Я поинтересовался у них, где тут в Заборье памятник «Дорога жизни». Ведь та самая знаменитая «Дорога жизни» начиналась тут, в Заборье в отдельный период Великой Отечественной... Железнодорожницы напряглись от такого неожиданного вопроса, но вспомнили, что до недавнего ремонта стояла тут подальше в сторону Вологды стела памятная, но после ремонта она... куда-то пропала по их словам. Вот такие дела.

По пути обратно мы с женой заглянули в здание старой станции, где никого не нашли. Окошечко кассы было заколочено и весела надпись, что бумажные билеты больше не продаются — только через интернет покупать. А если нет интернета — извиняй! Внутри здания было подобие зала ожидания со старыми стульями и печкой, приютившейся у стены. Неужели до сих пор зимой тут отапливаются дровами? Вот так да. А что, вполне себе может быть. Не найдя больше ничего интересного, кроме белых стен и печки, мы вышли наружу. На стене станции висело расписание пригородных поездов Бабаево — Тихвин...

По пути обратно к мосту встретили дикую утку. Она ловко приземлилась перед нами и стала улепётывать вперёд на своих перепончатых лапках. Мы ускорили шаг и начали её нагонять. Утка ускорилась. Ускорились и мы. Утке быстро надоело это соревнование, и она улетела... Мы же подошли к остальной части команды, дожидавшейся нас под мостом, погрузились и отчалили. Вскоре после Заборья, как я помнил, должны были начаться перекаты.

Очень не хотелось получить повреждения байдарки, поэтому я зорко глядел с кормы, высоко сидя на своём гермомешке, чтобы спереди по курсу не было никаких камней и коряг, стараясь при этом выбирать место поглубже в русле. Явственно из глубин сознания вставали картины двухгодичной давности — те же узости русла, камни, торчащие из воды... и пробоины... Но в этом году значительно больше воды — и я не особо боялся получить пробоину ниже ватерлинии... Олег же достаточно быстро научился «читать» воду, и мы довольно удачно избегали встреч с подводными валунами и острыми камнями, обходя их то справа, то слева. Жена наблюдала это прохождение и, недоумевая, спрашивала:

— Как ты мог два года назад получить тут столько пробоин?

— Всё дело в уровне воды, — отвечал я. — Сейчас вода выше как минимум на полметра в данном месте. И то, при таком уровне, приходится часто резко лавировать в русле, а тогда был просто кошмар.

— Да ну?

— Ну да! На этом участке, что предстоит нам сегодня, я заработал тогда 10 пробоин! Десять!!!

Так мы и шли в постоянном спортивно-азартном напряжении, обходя валуны, изредка слегка цепляя днищем подводные камни. Погода продолжала хмуриться. В самом Заборье прошли шиверу в сужении русла, а сразу за селом начался порожистый участок, после которого дошли без приключений до Гришкино, при подходе к которому начал накрапывать дождик. Из-за поворота реки стал виден капитальнейший завал и подобие охотничьей вышки. У правого берега прижались и преодолели это место без каких-либо проблем — никто даже не зацепил днищем. Буквально за следующим поворотом нашему взору открылся вид на очередной изгиб реки и тот самый железобетонный автомобильный мост.

Пройдя его в среднем пролёте, я вскоре увидал на левом берегу место своей стоянки двухгодичной давности. Всё поросло травой, и лишь остатки костровища, да высокая тонкая сосна на берегу напоминали о той самой моей первой стоянке на этой реке... сейчас же мы шли дальше — километраж на сегодня пройден ещё незначительный, не время останавливаться. Однако, как я помнил, дальше по реке практически нет места для хорошей стоянки. Но это было два года назад, к тому же, я мог и не заметить стояночного места, только встав на воду с ночёвки. Поэтому, больше оптимизма! Мы шли вперёд и байдарка С.Ю. то и дело обгоняла нас.

Я помнил, что сегодня предстоит преодолеть ещё одну плотину бывшей местной ГЭС. Но, в отличие от Тресновской, эту я уже проходил даже по малой воде безо всяких проблем. Так что, когда перед нами вдруг возникло сужение русла и течение стало ускоряться как будто в воронке, я сразу понял — это то самое место, сомнений быть не может. Вот и остатки тела плотины показались... Мой экипаж

пришел в ужас, как мне показалось, от открывшегося впереди слива и от того, насколько уверенно наша байдарка шла прямо в самый центр этого водного препятствия. Я же был уверен в себе и мы, выровняв байдарку перед грядущим испытанием, нырнули в сливчик. Нос слегка зарылся в воду и сразу же вынырнул. Прошли на ура! Я обернулся и стал наблюдать, как наш второй экипаж начинает заходить к сливу. Вовремя сообразил и попросил жену сфотографировать их в момент прохождения плотины. Кадр вышел отличным!

После этого испытания мы немного подрейфовали, подождали экипаж С.Ю., передохнули и продолжили наше путешествие. Мне все хотелось уже где-нибудь найти место на 4+, но тщетно — берега кажутся непригодными для стоянки! Поэтому идём дальше, не забывая любоваться природой, впитывая в себя энергетику этого края.

Камни в русле по-прежнему не редкость. Приходится иногда резко менять курс, борясь с течением, которое усиливается при подходе к перекатам... Изучая после похода спутниковые снимки маршрута и сопоставляя их с пережитым, удостоверился, что дело было в точке $N\ 59.42453^\circ\ E\ 35.15822^\circ$... Река там огибает островок, разделяясь на две протоки. Причём левая протока визуалью хоть и шире, но, кажется, мельче — из воды торчали камни, были видны белые барашки... поэтому наша эскадра пошла в правую протоку, которая круто огибала небольшой густо заросший кустарником островок. Течение на перекате, как и всегда в таких случаях, ускорилося. Экипаж С.Ю. первым пошёл, лавируя от камней, в протоку. Мы же изо всех сил старались повторять их траекторию, входя, поворачиваясь изгибу русла, в левый «вираж» и отчаянно лопата с Олегом вёслами...

На доли секунды я замешкался, и нас начало сносить вправо на камень, который мгновенно образовался, казалось, из ниоткуда. Я сразу понял, что глубина осадки не даст нам пройти его. . . времени на работу веслами совсем не осталось и тут, уже ожидаемо, случилось то, чего так не любят все туристы-водники без исключения. . . мы плотно сели днищем на камень!!! Причём нас снесло на него боком, правым бортом, и очень крепко посадило.

Немедленно я стал пробовать оттолкнуться веслом ото дна, но ни справа, ни слева по борту мне это не удалось — было слишком глубоко! Ситуация стремительно начала приобретать очень и очень нешуточный характер — сильное течение начало заламывать корму прямо за моей спиной и разворачивать байдарку, вода быстро вплотную подобралась к кормовому фальшборту, стремясь залиться внутрь!!! Резвые попытки Олега оттолкнуться от дна также ничего не дали — слишком глубоко — весло не находило никакой опоры!

Я быстро понял, что наш единственный шанс избежать купания в холодной воде сейчас — это максимально поддаться течению, позволить ему развернуть байдарку поперёк русла для того, чтобы течение само стащило нас с камня — *джииу-джитсу* — поддаться, чтобы победить! Поняв, что корму не тащит дальше под воду, я стал веслом помогать течению разворачивать нас, и вскоре сила давления набегающей водной массы на борт превзошла силу тяжести байдарки, засевшей на камне — мы вновь оказались на плаву. Уф-ф-ф! Облегчение, что ещё тут скажешь!

Но река не дремлет! — впереди крутой поворот и надо его пройти, а мы почти поперёк русла. . . быстро отработали с Олегом обратным гребками по правому борту и выправили байдарку, выполнив, таким образом, при прохождении этого

участка разворот на 360° по курсу. Жена занималась непрерывным наблюдением за дном байдарки — не поступает ли вода. Выйдя из этого коварного раздвоения русла и встретившись с передовым отрядом, мы стали дрейфовать по течению и наблюдать за водой под ногами. Не прибывает! Невероятно, но, кажется, мы не пробились!

— Я выпью сегодня за эту шкуру, товарищи!!! — громогласно и радостно огласил я команду!

— Это тут ты пробился тогда? — спрашивала жена.

— И тут тоже...

Действительно, байдарочная шкура выдержала! Это просто невероятно! Но все-таки, надо на стоянке удостовериться, что пробоины нет. Может задиры или фильтрующая пробоина, но точно не сквозная — воды не поступало! Факт прохождения такого препятствия добавил уверенности, и мы ринулись дальше. Олег был под впечатлением, как мне показалось.

А дальше нас ждал небольшой перекатик на месте брода и резкий S-образный поворот русла, проходя по которому, я заметил справа в прижиме остатки фонарного столба и прожектора — видимо это с размытой плотины, что мы прошли выше по течению. Сразу по выходу из этого поворота все заметили справа отличный подъём на берег и, судя по всему, стоянчное место. Немедленно скомандовав причалить, мы стали интенсивно разворачиваться, поскольку сильное течение, вырвавшееся из своеобразного «бутылочного горлышка» поворота, гнало нас дальше по реке. Наконец, удалось подойти ближе к берегу, где было обратное течение, о чем мы судили по завихрениям пены на поверхности воды. Причалили, вылезли, поднялись по песчаному подъему наверх... место было отличным!

Ровная широкая поляна, кое-какие дровишки валяются, вид с обрыва на реку был очень хорош! У меня в голове промелькнуло, что это, кажется, да-да, постойте-ка! Ведь это место на Днёвку!

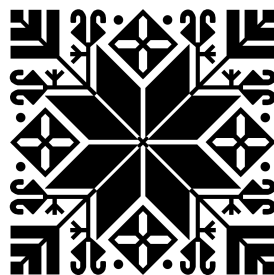
Но разведка продолжалась — за поляной обнаружили дорогу, впрочем, давно не езженную, уходящую в редкий сосновый лес и там обрывающуюся. Видимо, кто-то давно заготавливал тут древесину. Вспомнил карту — тут близко деревня Забелье... ну как близко... километра два-три по прямой. Несмотря на такое соседство с деревней и наличие дороги, мы решили остаться, а уж днёвка или не днёвка — решим позже.

Как обычно разгрузились, перетаскали вещи, выбрали места для костра, палаток, тента. Словом, всё как всегда. Место очень нравилось. С.Ю. разведаль дальше по дороге в редком лесу немного сухостоя и, самое главное, отличный ракурс для фотоохоты. А вот Олег и Паша расстроились — стоянка была, по их словам, «не рыбная». Впрочем, это не помешало им попытаться счастья с удочками чуть ниже по течению, предварительно напилив дров для готовки ужина. Пока Олег и Паша рыбачили, остальная часть команды приготовила зажарку и суп.

И тут Олег извлёк из гермы подарок от М. специально для нас — крымский трёхзвездочный. У-у-у! Ай да М.! Вот молодец, подумал о товарищах! Знал как порадовать продрогших туристов-водников! Появление трёхзвездочного вызвало бурные овации среди команды. Мы, не медля, откопали в гермах лимон и приступили к уничтожению и великолепного ужина и не менее великолепного крымского... гитара в тот вечер скромно стояла в сторонке, плотно запакованная в полиэтилен.

Сегодня прошли около шестнадцати километров, что совсем уж скромно. Но зато разжились репеллентами, а также прошли шиверы. Координаты стоянки — $N\ 59.42332^\circ\ E\ 35.15214^\circ$. Вечер выдался холодным, так что пришлось нацепить шапки и держаться поближе к костру. Сидели у огня долго, сыто и разгульно. С каждым поднятием железных кружек я убеждался в правильности решения — завтра устроим тут днёвку. Пора. Душа требует.

Глава 8

Борщ

Утро выдалось почти безоблачным — разгорался хороший денёк! Утреннюю кашу готовили как-то лениво-размеренно, однако мы с этим справились, а после окончательно утвердили решение — остаёмся тут на днёвку. В честь этого решения гордо поднимается на флагштоке из берёзы флаг Советского Союза над нашей стоянкой — неперенный атрибут нашего днёвочного быта...

Олег и Паша, расстроенные вчера отсутствием под берегом «рыбного места», решили сплавать на байдарке выше по течению, к перекату. С.Ю., скрепя сердце, доверил им свою ласточку и они, набрав удочек и разных снастей, стали готовиться к отплытию. Остальная часть команды с интересом наблюдала за ними и вела видеосъемку процесса спуска байдарки на воду...

Мне было интересно как они пройдут тут в «бутылочное горлышко» против течения, притом что удочки, торчащие из байдарки в разные стороны, мешают грести как следует —

с широким размахом. Как все и предполагали, сначала у них ничего не получилось и течение сносило назад. Потом Паша сел поудобнее, поправил удочки и подналёг на весло — дело стало спорится. Так, потихоньку выправляя курс и упираясь веслами, наши рыболовы успешно преодолели самую узкую часть русла и скрылись за поворотом.

Денёк разгорался жаркий. Частые белые кучевые облачка ползли по северному небу, дождя не предвиделось. Урвали днёвку, не прогадали, подумал я. Может, место и не самое удачное в плане рыбалки и вообще, но это лучше, чем вовсе идти без днёвок.

Остальная часть команды занялась лесозаготовкой. Мы с С.Ю. сходили дальше по заросшей дороге и нарубили там сухостоя. Потом притащили дрова в лагерь и свалили у костра. Пилить будем потом — когда наши рыбаки вернутся, а пока пьем чаёк, болтаем о том, о сём, отдыхаем. С.Ю. просушивает и ремонтирует свой надувной матрас, а мы с женой сушим постиранные вещи — полотенца и штаны. Также я решаю, что неплохо бы просушить бахилы химзащиты. Сказано — сделано. Промываю бахилы в реке от песка и надеваю их сушиться на колья, вбитые тут же неподалёку.

С.Ю. внезапно цапнул клещ в ногу, и он немедленно занялся его извлечением. «Везёт» нам что-то в этом сплаве и с погодой и с насекомыми... но что поделать, год на год не приходится, однако. Место укуса на ноге покраснело и припухло. Прижигаем спиртом. После проводим обильную санобработку штормовок и прочей верхней одежды средством от клещей...

Потом я снимаю утреннюю видеозарисовку и тут, прямо во время съёмки, замечаю, что по рукаву моей штормовки

ползёт клещ! Абсолютно машинально и инстинктивно смахиваю его свободной от камеры рукой в сторону! И сразу же осознаю, какую я глупость сделал — ведь теперь он тут где-то в траве!!! И всё это около нашей с женой палатки. Бр-р-р! Беру флакон средства от клещей и поливаю обильно вход нашей палатки, особенно нижнюю часть. На этом первый баллончик заканчивается — у нас есть ещё три. С.Ю. аккуратно пробивает закончившийся баллон топором, и мы сжигаем его в костре.

Настроение — какое-то упадническое. Сходили, понимаешь, в лес за дровами... притащили двух клещей! С.Ю., похоже, не сильно расстроился от укуса, по крайней мере не подал виду, и удалился на берег мыть котелки после завтрака... А мы с женой у костра подводим итоги наших четырёх дней похода — сегодня пятый. Кипятим воды в котелке, приходит С.Ю. и мы чаёвничаем.

Потом ещё раз предпринимаем вылазку в лес — хочется отснять панораму залитого лучами солнца редкого сосняка, сплошь устланного черничником и брусничником. Идём аккуратно, регулярно проверяясь на клещей — вроде бы всё чисто. Сделав исключительной красоты кадры, возвращаемся назад, в лагерь, снимая параллельно прокопанную кем-то канаву для осушения верхового болотца, заполненного тёмной торфяной водой.

С.Ю. находит неподалёку нестрелянный охотничий патрон двенадцатого калибра в цельнолатунной гильзе, на дне которой выбиты цифры 12 и 73. Он что, 73 года?! Невероятно! Выглядит вполне себе целым и неповреждённым... проверять, правда, его боеготовность, скажем в костре, никто не стал, а посему прикопали от греха сию находку.

Тут мне приходит в голову — как жаль, что нет с собой хотя бы радиоприёмника — сейчас бы сводки погоды послушали. Сделали бы из проволоки антенну, закинули бы на ближайшую берёзку и приняли бы позывные «Маяк»-а: «Широка-а-а страна моя родна-а-ая»... но, во-первых, приёмника у нас нет, а во-вторых, на УКВ тут в глуши ловить нечего, а СВ вещание давно почило в нашей стране, как, впрочем, и КВ...

Возвращаются наши рыбаки с переката. Добыча их невелика — крупная рыба не ловится. Они решают сделать приманку из пшёнки или перловки и пойти попытать счастья уже с берега, чуть ниже по течению. С байдарки не особо вышло наловить...

Днёвка проходит в ленности, как и положено, если нет никаких задач для «дивизиона борьбы за живучесть» — ремонт байдарки, поиск дров и т.д. Я подымливаю трубочкой и весь день глушу ароматнейший чаёк с травами. Вернувшиеся рыбаки выражают желание немного согреться канистрой, и мы немедленно нарезаем сало и реализуем сие полноправное веление души.

Поскольку сегодня не сплавной день, то ужин решаем приготовить раньше — начинаем где-то в половину четвёртого. Напиливаем с Пашей и Олегом дров побольше и разводим хороший костёр. Итак, днёвка же! Нас ждут гастрономические выкрутасы! У нас с женой припасена свекла, морковь, лук, картошка, капуста. А также томатная паста, чеснок и специи. Ну-у-у? Все понимают??? Мы будем варить настоящий походный бо-о-орщ! Ну, не на свежем мясе, а на тушёнке, но всё же! На второе изволим готовить кус-кус с поджаркой из тушёнки и лука. Гвоздём программы будет салат с тунцом, свежими огурцами, варёными яйцами, кукурузой и жареным лучком! Кто после этого скажет, что

в походах бедные несчастные туристы едят одну тушёнку и макароны? М-м-м? Так-то!

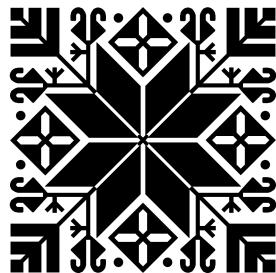
Кус-кус и салат пока откладываем, надо заняться борщом — чистим все составляющие, режем на байдарочном сиденье, а потом ещё и обжариваем на сковородке в масле. Всё как положено, никаких тут «левых» технологий! Вскоре зажарка и бульон готовы, соединяем их вместе, продолжаем варить, добавляем нашинкованную капусту. Народ восхищается нашими кулинарными ухищрениями и помогает по мере сил — Олег начинает готовить зажарку для второго блюда и параллельно варим кус-кус. Это крупа по виду вроде пшёнки, но имеет немного другой вкус. Паша возвращается с берега с небольшим уловом — маленькая рыбёшка бьётся в руках. Поступающие шутливые предложения усилить готовящийся борщ рыбой отвергаем.

Варим яйца для салата, я достаю консервированного тунца, а также кукурузу и всё это, наряду с уже готовым лучком и огурцами, «ассемблируется» в салатнике в обалденное лакомство. Вскоре, все три блюда готовы и чаёк тут как тут! Садимся трапезничать. Под кружки, полные яблочной, произносятся речи и мы, не торопясь, вкушаем приготовленные яства, не забывая потчевать себя солидными кусками сала с хлебом.

Что это? Впадение в какое-то излишество, варварство или первобытность? Пробуждение чего-то животного, давно забытого? Никто не скажет. Всё проще — вкусно поесть, да сладко поспать на свежем воздухе. Не для этого ли есть отпуск? Наедаемся от пуза и валяемся у костра на туристических ковриках, а под берегом течёт наша Лидь. Разговоры и пересуды увлекают нас, и мы сидим под звёздным северным небом, которое начинает затягиваться серыми облаками, и болтаем о разном: о сплавах и случаях

из жизни, о рыбалке, о каких-то моментах, объединяющих наши общие интересы... словом, мы отдыхаем душой и телом, наслаждаемся моментом, восстанавливаемся от города — северная природа смывает городскую шелуху, открывает глаза на красоты, окружающие нас, и принимает такими, какие мы есть — туристы-водники, забравшиеся в этот безразмерный скит отчуждения от городской суеты...

Глава 9

Дубль два

Глаза с утра никак не хотели раскрываться и, хотя по времени я должен был уже выспаться, организм требовал ещё покемарить полчаса. Я попытался, насколько это возможно, дистанцироваться от утренней готовки на костре и налегал на подоспевший чай. Бригада неспешно приготовила завтрак и свернула лагерь. Сегодня нас ждал длинный переход, думалось мне — до Тургощи совершенно точно. На воду мы вышли не поздно, хорошо.

Минула половина сплава... стало слегка грустно, как и обычно в середине похода... так и крутилось в голове дать на работу телеграмму в стиле: «нахожусь глухой тайге зпт причине невозможности взять обратный билет зпт прошу продлить отпуск тчк» и пусть думают что хотят. Какие телеграммы, ХХI век... Эх, но ведь как хочется плюнуть вообще на всё и пойти дальше — не до Чагоды, а до Лентьево, как уже ходили, и дальше — до Вёсегонска по Мологе. А может и вовсе до Рыбинска. Но это всё мечты,

мечты... надо месяц отпуска разом при таком раскладе по километражу, или по крайней мере недели три.

Итак, мы отчалили и пошли дальше по этой петляющей речушке бассейна Верхней Волги. Погодка выдалась снова пасмурной. Как хорошо, что вчера был солнечный теплый день, и мы сделали днёвку, подумалось мне. Шли без особых приключений, но реку я вообще не узнавал. Уровень воды обладает каким-то совершенно удивительным свойством менять облик реки — всего полметра-метр разницы и это уже совершенно другая река! Так и сейчас — я не узнавал вообще ничего. Мне помнилось, что уже тут начались поворотики с песчаными пляжами, но нет — берега, проходимые нами, были сплошь заросшими и затопленными. Лишь временами виднелись желтеющие сквозь прозрачную, с коричневым оттенком, воду затопленные песчаные косы.

Почти сразу как снялись со стоянки, прошли устье Белой. И я мысленно передал ей привет от Башкирской тёзки. В одном из лучших описаний маршрута по Лиди есть вариант с заходом по Белой против течения до места бывшей мукомольной мельницы, обозначенной на картах как сарай в километре южнее деревни Забелье [Плечко(1974)]. Как утверждает, место там очень красивое и тихое (и, скорее всего, открытое по ошибке, поскольку о GPS можно тогда было только мечтать) Проверить нам этого, к сожалению, не удалось, поскольку против течения в Белую заходить как-то не хотелось. Но я искренне надеюсь, что эти красоты Лидь ещё откроет мне в будущем...

Спустя примерно час прошли устье небольшой речушки Межницы. Теоретически, можно подняться по ней против тихого течения сначала до озера Межнинского, затем пересечь железнодорожную ветку Подборовье — Кабожа и оказаться там в озере Карасинском, а потом и в озере

Великом, на западном берегу которого, как также утверждают в [Плечко(1974)], можно найти неземных красот стоянку. Проверять это мне почему-то не захотелось — во-первых, против течения идти как-то совсем грустно, а во-вторых, устье было также слегка заросшим и не внушающим доверия. Поэтому мы пошли дальше, хотя может быть и зря.

Так, неспешно гребя ещё около часа, мы добрались до весьма интересного места — на левом берегу открылся вид на большой воронкообразный песчаный подъём. У меня эта стоянка никак не отложилась в памяти со сплава 2015 года. Естественно, мы причалили. Экипаж С.Ю. вылезать не захотел. Наш же экипаж, привязав байдарку чалкой за корни растущих на берегу сосен, поднялся на высокий берег. Картина наверху была шикарна! Стоянка что надо! Есть незамусоренное костровище, брёвна вокруг него на манер лавочек, чисто, много места для палаток — хорошая ровная лужайка! Отчего я её не приметил 2 года назад — непонятно. Ну, ничего, зато теперь буду знать. Координаты места — $N\ 59.38460^\circ\ E\ 35.17379^\circ$. Оставаться тут не входило в наши планы, хотя и было заманчиво, во-первых потому что стоянок на данном участке практически нет, а во-вторых рядом, в нескольких километрах на восток, в глухом лесу, раньше находилась деревня Тургошь, а потом она плавно перекочевала километров на восемь южнее, к железной дороге. На её месте позже якобы располагалась какая-то радиолокационная станция. И хотя понятно, что всё там давно брошено и растащено, такие места почему-то обладают каким-то особым притяжением для меня. Как бы там ни было, мы передохнули немного, отчалили и продолжили наш путь дальше, заметив себе, что место было очень даже стояночным.

Река начала приближаться к железнодорожной ветке Подборовье — Кабожа. Берега стали ниже и по-прежнему были покрыты сплошными зарослями растительности. Скоро должны были начаться перекаты. . . так и произошло. Стали аккуратно проходить препятствия, вовремя лавируя в русле. Каких-то особых проблем это не вызывало — нам удавалось вовремя наметить более глубокое место в русле и избежать встреч с большими подводными камнями. Вообще, надо сказать, прохождение было намного, намного проще, чем 2 года назад. Тогда нам несколько раз приходилось вылезать в холодную воду из байдарки, севшей на камни, вытаскиваться. . . тут такого не было — всего несколько раз камни неприятно прошелестели по днищу и всё обошлось.

Но длилось такое счастье недолго. Я помнил, что где-то на этом участке, к которому мы сейчас подходили, был суровый перекат, на котором мы по неопытности заработали тогда, в 2015-м, десять пробоин. . .

Поскольку постоянно сверяться с навигатором в этом сплаве у меня возможности не было — доставать телефон из гермокоробки во время прохождения поворотов, постоянно требующих от капитана байдарки активных действий — тот ещё фокус, то я плыл практически вслепую, полагаясь на опыт и воспоминания двухгодичной давности. Так, при подходе к очередному перекату, при просмотре с воды я не смог наметить более-менее приемлемый путь прохождения. В голове успело мелькнуть — это он, тот перекат. . . быть пробоинам.

Так и вышло. . . ускорившийся поток начал сносить нас на камни. Передовой отряд прошёл нормально, и мы силились повторить их траекторию. . . Олег старался выправить курс, я вовсю лопатил веслом, но поздно — момент упущен! Мы не погасили скорость заранее,

и теперь что-либо исправить было поздно — сильный толчок в днище! Папа и С.Ю. проскочили это место буквально в полуметре правее — их каркасно-надувная байдарка плавно проскользила по камню и не получила повреждений. Мы же здорово получили хороший удар в районе первой трети кильсона... Вода вроде бы стала прибывать, но не сильно. Ладно, впереди небольшой поворотик и... песчаная коса. Да, история имеет свойство повторяться — теперь я окончательно узнал это место. Дубль два — тот самый перекал и та же самая песчаная коса, на которой в 2015 году новоиспечённые сплавщики, рискнувшие покорить эту речку, терпеливо заклеивали свою байдарку... Координаты места — $N\ 59.36837^{\circ}$ $E\ 35.16657^{\circ}$.

Наша эскадра причалила к песчаному островку, который, естественно, был в этом году меньше из-за высокого уровня воды. Вылезли, начали осмотр днища байдарки. Настроение как-то резко упало. Пробоину найти смог не сразу — оказалось что это ма-а-аленькая дырочка сразу около леи. Подумав, решил ничего с ней не делать и просто положить поверх кусочек туристического коврика, потому что сейчас клеиться — не вариант. Погода не располагает, берега тоже. Да и ради одной маленькой дырочки разгружать байдарку, доставать клей, разводить костёр... что-то как-то лениво. Поэтому мы просто передохнули, попили чая из термосов, перекусили бутербродами и снова встали на воду.

Дальше прошли крутой поворот и завал по правому берегу в старице. Перекалы стали проще и вскоре совсем прекратились. Зато речка сузилась, а лес как бы нависал над ней — красота сумасшедшая! И берега вновь стали выше — мы приближались с каждым поворотом русла к Тургощи — станции на железной дороге. Там я планировал пройти

чуть ниже по течению и встать на стоянку сразу после железнодорожного моста.

Начался дождик. Уже привычно мы облачились в дождевики, а Паша в свой плащ химзащиты... погода испортилась. Шли и искали место, чтобы встать. По километражу получалось, что район Тургощи как раз подходит под дневную норму...

По пути прошли мимо урочища Чаща, обозначенного так на старой карте. Там на правом повороте реки и высоченном левом берегу стояла капитальная беседка со скамьями из брёвен, с навесом из плёнки. Естественно, причалили. Навес со столом — да, были, но вокруг многовато мусора, крыша навеса из разодранной плёнки... тот ещё видок, да и вокруг высоченная неуютная трава. Подъезд к стоянке был, но проходимый, разве что, только на «Урал»-е или чём-то схожим по проходимости — грязюка и глубокая колея. Обзор на реку, конечно, красивый, беседочка к тому же... но обрыв высоченный, вещи таскать просто кошмар и байдарки не затащишь. Хотя и очень хотелось уже встать лагерем, обогреться и сварить какую-нибудь похлёбку... сели в байдарки, пошли дальше.

Вскоре показалась и Тургощ. Та же турбаза на берегу и пляжик. Завал разрушенного моста разметало как щепки и снесло ещё ниже по течению. Место моей стоянки было обжито и замусорено, что огорчало. На берегу были немногочисленные отдыхающие... Я силился вспомнить, какой же сегодня день недели — почему так много народу на берегу — вспомнить не смог.

Мы плыли дальше — места не нравились, и даже на разведку вылезать не хотелось... так потихонку и подошли к железнодорожному мосту. С небес лились

капитальные потоки воды, вылезать и фотографировать табличку «р. Лидь» у железнодорожного полотна совершенно расхотелось, хотя я и планировал. Настроение было отвратительным, команда тоже была подавлена отвратной погодой и неизвестно какими перспективами стоянки...

Небо густо затянуло тучами. Дождь то прекращался, то снова налетал неистовыми порывами. Ветер тоже доставлял массу впечатлений. Жена стала замерзать и чтобы согреться стала время от времени брать у Олега весло и тоже грести. Так мы прошли довольно долго. Вода, которая скапливалась в складках дождевика, временами переливалась в байдарку, а иногда и мне на штаны, отчего спина и район пояса слегка промокли. Ноги тоже уже были замочены к этому времени... словом, спустя час проливного дождя не осталось ни единого сухого места в байдарке... Жена стала переживать или даже паниковать по поводу полного отсутствия стояночных мест и даже намёков на них. То, что все мы основательно промокли, несмотря на предпринятые меры в виде дождевиков, тоже не добавляло радости.

Далее ещё в течение нескольких часов мы часто останавливались, вылезали на разведку, но места категорически не подходили под наше понимание о нормальной стоянке. Отчаяние нашло на наши экипажи. Мы плыли и жадно высматривали место для причаливания. Казалось, вот-вот очередной поворот принесет нам хорошее стояночное место, но нет. Заросший берег, отсутствие схода к воде и большая глубина сразу под берегом. Я чувствовал по начавшим ныть мышцам, что километраж мы опережаем значительно... Идея пристать к берегу где попало и провести широкомасштабные шанцевые работы по выравниванию местного ландшафта уже не казалась такой бредовой.

Стало холодно, все подмёрзли. Паша кутался в зелёный плащ химзащиты, но даже такая суровая защита не слишком воодушевляла. С.Ю. поглубже нацепил свою коричневую фетровую шляпу. Жена тихонько проклинала всё и вся и погоду в особенности. Олег дымил сигаретой и стойчески переносил погодные условия. Я же был относительно спокоен — до темноты ещё много времени, мы где-нибудь да найдём место. Однако промокшие штаны и мокрая штормовка не грели меня совершенно.

И вот, на выдавшемся прямом участке реки мы заприметили место на правом берегу и немедленно жадно причалили для осмотра. Старое стоянчное место. Есть небольшой полусгнивший навес и разваливающийся столик из досок. Местность не слишком ровная — бывшая колея, но что поделать. Надо вставать лагерем — лучше мест может и не быть — Законы Лучших стоянок тоже, бывает, не срабатывают.

Разгрузились, перетаскали вещи, поставили тент первым делом. Сразу же натянули веревку и развесили на ней по максимуму мокрые вещи. Поставили палатки и сразу же переоделись в сухое. Ка-а-айф. Нет не так. К-а-а-а-а-а-айф!!! Сухая одежда!!! Теперь костёр. Все дрова сырые и мокрые. Разгоралось очень долго и мучительно, даже при помощи газовой горелки. Но мы бы не были туристами-водниками, если бы не смогли совладать с костром. И вот вскоре уже поспевают чаёк и все единогласно поддерживают идею сварить макароны с тушёнкой. . .

Поразительно как тёплая сухая одежда и обувь, горячая еда и чай мгновенно ободряют человека — понимаешь, что большего тебе сейчас, вообще-то и не надо. Ан нет, надо! Где там наша канистра? Только при её помощи и уже прилично распалённого костра удаётся нормально согреться.

Вот тебе и лето, так и раз эдак! Но лишний раз напоминаем себе, что у природы нет плохой погоды и активно греемся всеми доступными способами.

Процесс приготовления ужина запущен, и я немного отлучаюсь со стоянки провести доразведку местности — Паша сказал, что близко дорога. Так и есть — причём слегка оживленная, что неприятно. При мне по ней проехала пара машин. Ладно, мы тут не на днёвку, а только переночевать. Лес редкий, видно всё очень далеко. Всё устлано разноцветными мхами — зелёным и белёсым, а также опавшей хвоей. Запах стоит — сногсшибательный. Аромат влажного настоящего хвойного леса... Красота!

Ужин, тем временем, уже поспел и мы, приютившись у старого стола, быстро и жадно его поглощаем, обильно заедая салом, чтобы согреться — вечер выдаётся далеко не самым теплым, спасибо, что без дождя. У костровища лежало несколько брёвен на манер сидений и мы подвинули их ближе к огню, расселись. Хорошо! Я полез за телефоном, включил GPS и не поверил своим глазам! Мы проплыли сегодня по грубым оценкам не меньше 40 километров! Примерные координаты — $N\ 59.19729^\circ\ E\ 35.17220^\circ$. Позднее, уже дома после похода, я точно высчитал километраж — в этот дождливый и пасмурный день с пробойной в борту мы прошли 41 километр. Вот это да! Этот показатель стал рекордом моих шести сплавов. Столько я за один дневной переход ещё ни разу не проходил. Что там про пробойну? Точно же!

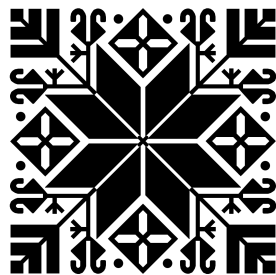
В Кейптаунском порту, с пробойной в борту...

Настало время подумать об оставшемся километраже и прикинуть дальнейшие перспективы. Фактически, нам остаётся один дневной переход до Чагоды, нашего конечного

пункта. Днёвку на этой стоянке мы устраивать не хотим — место не глухое и вообще не днёвочное, никакое. Значит, решаю я, план таков — идём завтра до уже разведанной в прошлых годах стоянки под Чагодой, там устраиваем полуднёвку, ночуем, а послезавтра символических пару километров и антистапель. Обильно закрепляем решение яблочной, и я блаженно набиваю трубочку, привалившись к бревну у костра... хорошо!

Дождь прекратился, и чуть попозже мы натянули ещё одну веревку для просушки вещей, потому что первой не хватило — промокло очень много всего. Гитару опять не расчехляли — что-то было не до того, да и как-то настрой был не тот после тяжелого дня. Позастольничали и завалились спать не слишком поздно — сорокакилометровый переход нас сильно вымотал.

Глава 10

Третий раз под Чагодой

С утра все проснулись в отличнейшем расположении духа — погода способствовала. Иссиня синее высокое северное небо без единого облачка и яркое солнце! Вот они, контрасты природы этого края! Ещё вчера нам казалось, что мерзопакостнее погоды быть не может, а сегодня нам светит яркое солнышко и тёплым ветерком тянет с реки. Становится даже жарко. Завтрак готовлю, скинув штормовку и тельняшку — солнце печёт что надо! Нужно воспользоваться моментом и хоть немного подзагореть, а то как будто и на реке не был, честное слово. И тут-то понимаю — руки, оголенные закатанными рукавами штормовки, уже прилично загорели до состояния коричневатости, а остальное тело нет. Что ж, готовлю завтрак с голым торсом — надо хоть немного напиться витамином D.

Сегодня цель наша ясна — стоянка, на которой мы хотим остановиться, хорошо известна мне по двум прошлым

сплавам. Так что будем стоять там уже в третий раз. Километраж до неё тоже прикидываю за завтраком — около десяти километров. Это примерно два с половиной часа хода. Сознание этого расхолаживает — всё делаем медленно и не торопясь. Размеренно готовим завтрак — пока сварим кашу, пока чай подойдёт. . . я успеваю ещё записать несколько видеодневниковых записей. Потом неспешно сворачиваем лагерь, заливаем костёр и собираем высушенные вещи с верёвок. Не всё, кстати, высыхает полностью — придётся досушивать вечером.

Встаем на воду в этот день попозже. Нормально. 10 километров можно пройти и со скоростью течения. Поэтому в этот день совершенно не налегаем на вёсла и плывём более чем расслабленно. Характер берегов, по мере приближения к устью Лиди, как и положено, становится более пологим, крутые откосы пропадают. Вскоре впереди становится виден скат большой крыши — это ориентир — база отдыха, стоящая в месте впадения Лиди в Чагоду. Так же, как в двух предыдущих сплавах, хотим причалить на мысу и размять ноги. Плывём, переговариваемся и готовимся зачалиться, но... с базы нас неодобрительно прогоняют, мол вставайте не стоянку дальше, а тут база! Ну и ну! Не ожидал такого отношения, тем более, что в прошлые года мы нормально причаливали и даже общались со смотрителем. Но что делать — придётся разминать ноги в другом месте.

Переката в устье Лиди не было — слишком высок уровень воды. Дальше по Чагоде тоже от перекатов осталось лишь подобие — ускорение течения, да и всё. Мы без каких-либо опасений прошли эти участки и не спеша приблизились к первому островку на Чагоде. Встать на нём лагерь снова не представлялось возможным, как и в прошлые года.

Не знаю почему это упорно советуют в отчетах с этого маршрута... Острова на Чагоде и Чагодоше сплошь заросшие и не слишком пригодные для стоянок, даже для такой маленькой эскадры, как у нас.

Ширина реки стала больше, течение замедлилось. По Чагоде я шёл уже в третий раз — ощутил себя почти что дома. И хотя рельеф местности был слабо узнаваем из-за высокого уровня воды, всё же отдельные участки реки ярко вставали перед глазами из воспоминаний по прошлому опыту. Мне уже в который раз подумалось — как же хочется пройти дальше — ниже по течению, чтобы не думать об антистапеле вообще! Пройти ниже по Мологе, добраться до Волги, чтобы отпуск был на 4 недели, чтобы вообще ни о чём не думать, чтобы предаться созерцанию природы, фотоохоте и астрофотографии... всласть дымить самодельной трубочкой и купаться в освежающей воде... но не в этот раз, снова не в этот. Должна же быть у человека какая-то немного нереальная мечта, иначе как жить без мечты? Пусть такой поход-отрыв длиной в месяц будет для меня такой мечтой. Но я верю, что рано или поздно, мне удастся её осуществить. Пусть через 5–10 лет, но осуществить. Главное, чтобы огонь странствий не погас в душе, а глаза загорались диким пламенем от одной только мысли о таком мероприятии. Эх... в груди отчего-то появилось такое знакомое щемящее чувство конца похода.

Вскоре впереди показался будто бы хорошо знакомый участок реки с высокими соснами на левом берегу... так и есть — это та самая стоянка! Именно тут мы зализывали раны после шивер в 2015 году и хорошенько оттянулись чуть ниже по течению в 2016-м. Мы причалили сразу за левым поворотом реки, у хорошего пляжика. Сходили на мою стоянку 2015 года — я показывал жене где мы стояли, как

был разбит лагерь и всё в таком духе. Моё костровище и костровые палки всё ещё были на месте — поразительно!

Экипаж С.Ю. и Паши, тем временем, решил пройти ниже по реке и разведать прошлогоднее место, 2016 года. К берегу подъехали местные на машинах — мы дружелюбно поболтали, выяснив, что они хотят порыбачить. Потом наш экипаж занял свои места в байдарке и пошли догонять наш передовой отряд, который к этому времени уже высадился у стоянки, разгрузил байдарку, и теперь втаскивал её на крутой подъём.

Времени было около 13–14 часов. Мы, как и хотели, устроили себе полуднёвку. Привычно и быстро разбили лагерь — поставили палатки, добыли дров, развели костёр. Надо было поставить тент. Я решил сделать это по новой технологии — натягивать тент не к земле оттяжками, закрепляя их колышками, а делать оттяжки к деревьям, растущим вокруг поляны. С самого приобретения этого тента я хотел попробовать так сделать, но всё не подворачивался случай. И вот теперь всё сошлось. Оттяжки тента, и без того не короткие, были изначально мною сделаны так, чтобы их можно было удлинить в 2 раза — ведь до ближайших деревьев может быть далеко. Далее — самое интересное. Способ крепежа — никаких узлов! Я заказал себе шикарные алюминиевые карабины, позволяющие крепить веревку хитрым способом без узлов. Утверждалось, что такая конструкция выдерживает до 150 кг. Проверим! Немного поколдовав над расположением тента относительно деревьев, мы с ребятами стали оттягивать его углы к ближайшим соснам. Оборачивая оттяжки вокруг стволов деревьев, туго натянули их при помощи карабинов — вышло на отлично!

Когда покончили с тентом, С.Ю. уже поставил кипятиться воду на чай, а ребята приготовились к рыбалке.

Олег колдовал с приманками, пробуя разные изыски в попытках выловить под конец похода что-то достойное. Они с Пашей облюбовали бережок под обрывом прямо у нашей стоянки и вскоре уже закинули там удочки. Пока они ходили туда-сюда по лагерю к удочкам и обратно, Олег нашел куст чёрной смородины. Вот так да! Это сказка какая-то просто! Нарвав немного веток смородины, он решил добавить всё это в кипяток:

— Будет обалденно! — заявил Олег.

— Но там же листва прямо с веточками! — парировал было я, — Давай только листья добавим?

— Нормально!

Мы проварили смородиновые ветки с листьями в котелке и стали пробовать:

— Хм-м-м! — отхлебнул было Олег. — Терпко!

— Дай заценю... — взял я протянутую мне кружечку.

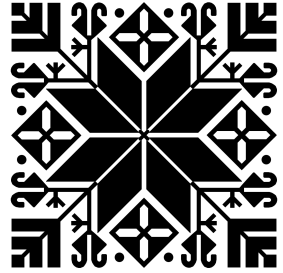
Что сказать... вышло кисло, даже очень. Пить это было совершенно невозможно. Точнее, в лекарственных целях может и можно по чайной ложечке, но точно не вместо чая. Разочаровавшись в таком способе, вылили варево и решили просто сделать чай с добавлением одних только листьев смородины, без веточек. Спустя ещё минут 20 вкус нового напитка удовлетворил, надо полагать, всех — приятная терпкость смородины добавила немного кислинки и травянистости в душистый чай на и без того тёмной торфяной воде.

Меня охватила невозможная ленность. Видимо на подсознательном уровне я уже ощущал скорое окончание нашего мероприятия, нашего отчуждения. И оттого-то

и хотелось как-то растянуть что ли остаток похода... Мы с женой и С.Ю. разместились под тентом и блаженно потягивали душистый смородиновый чаёк с печеньем и мёдом, а наши рыбаки, Паша и Олег, всю сновали от тента к удочкам, пробуя применить разные наживки для вылова рыбы, которая, по их словам, «плескалась, но не клевала».

Наши рыбаки провели тотальную разведку по берегу и нашли, по их мнению, «рыбное место».

Глава 11

Антистапель

Антистапель

Глава 12

Автовыброска

Выброска

Глава 13

Заключение и выводы

Заключение и выводы

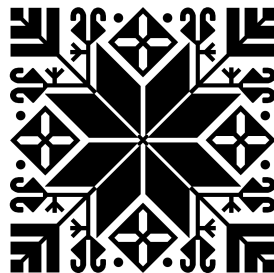

Часть IV

**Песнь 2018 или во все
тяжкие**

В повести рассказывается об очередном сплаве флотилией из трёх байдарок по участку маршрута №58 [Рыжавский(1981), Рыжавский(2000)] на границе Новгородской и Вологодской областей от Ракитинского озера до п. Чагода. Путешественники пройдут всю реку Песь от её начала в Ракитинском озере до впадения в Чагodu и образования, таким образом, в месте слияния Лиди и Песи, реки Чагодыщи.

Глава 1

Покрась это в чёрный!

*I see a red door
And I want it painted black.
No colors anymore,
I want them to turn black!*

The Rolling Stones,
Paint It Black, 1966

абзац.

*I wanna see it painted,
Painted black
Black as night!
Black as coal!
I wanna see the sun
Blotted out from the sky*

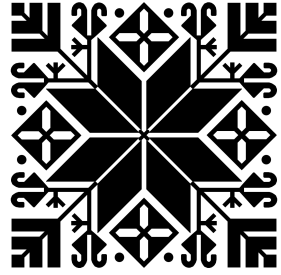
I wanna see it painted, painted, painted!
Painted black!!!

Часть V

**Чагодоцца 2019 – что
такое чилить**

В повести рассказывается о первом длительном самостоятельном сплаве автора одной байдаркой по участку маршрута №57 [Рыжавский(1981), Рыжавский(2000)] на границе Ленинградской и Вологодской областей. Даётся развёрнутое описание каждого дня похода с личными ощущениями и переживаниями руководителя, оказавшегося на реке с двумя малознакомыми матросами. На долю путешественников выпадают испытания, которые придётся преодолеть вдали от цивилизации один на один с природой, и с этой задачей они успешно справятся. Также вашему вниманию предлагается предыстория этого похода и множество отвлечённых рассуждений.

Глава 1

Cold as ice

*I see a red door
And I want it painted black
No colors anymore
I want them to turn black*

The Rolling Stones,
Paint It Black, 1966

абзац.

*I wanna see it painted
Painted black
Black as night!
Black as coal!
I wanna see the sun
Blotted out from the sky
I wanna see it painted, painted, painted
Painted black!!!*

Эпилог

Весь поход 2019 года был пронизан какой-то незримой тоской осознания, что такое путешествие, в прежнем формате, больше не повторится. Причин тому много. Во-первых, у меня появился сын, требовавший много внимания, и оставлять жену на 10 дней с маленьким ребёнком, а самому уходить в беспробудный загул на реках любимого края стало морально невозможно. Во-вторых, наиболее интересные реки региона мы прошли — Лидь, Чагода, Чагодоца, Горюн, Песь. Оставалась только Кабожа, да Молога, но первая течет в лиственных большей частью берегах, а вторая уже все-таки великовата для байдарки — ширина её более 100—150 метров. Кроме того, мне жутко хотелось сменить работу, что означало смену размеренного темпа научной деятельности на что-то иное, быть может не столь благоволящее подобному виду отдыха...

На последней нашей стоянке 2019 года (у двух островков в русле Чагодоци) я вырезал ножом на находившейся там беседке с крышей и скамейками надпись:

В ПОСЛ.

РАЗ

2019

Кто знал, что это окажется до того пророческим изречением? Но ощущение такое — было. Потому что, во-первых, хотелось сменить работу, хотелось чего-то нового, а во-вторых — семья моя пополнилась новым маленьким человеком, требующим внимания, заботы о себе каждую минуту и, естественно, жена больше не могла подумать

и мысли, чтобы пойти куда-то в глушь вологодских лесов вместе с маленьким ребёнком.

Но это ещё, как говорится, полдела. Наступил 2020 год и вокруг стала твориться сюрреалистическая дичь вроде сталкера и сюжетов из кино про постапокалипсис — пандемия. 2020–2021 года пролетели как в каком-то кошмарном сне из-за мировой обстановки, постоянного страха за здоровье, новых забот с маленьким ребёнком и новой работы, не доставлявшей ничего, кроме неудовлетворения. Вдобавок, в 2020 году ещё были введены временные ограничения на перемещение между областями из-за пандемии — в Вологодскую область нас бы не пропустили. В последующие года походы тоже не состоялись — то болезни, то проблемы со сбором команды, то изложенные выше причины, то печальные события 2022 года... Много раз клял я себя за ту вырезанную ножом надпись!

Но, быть может, нет худа без добра — эта «передышка» дала время подумать, переосмыслить прошлые походы и жизнь в целом. Кроме того, я всегда теперь знаю, что есть на Земле моё *место силы*, где всё будет так, как я хочу, где вокруг будут такие сосновые леса, как я хочу, где всё будет привычно и сладко-приятно моему сердцу, как я хочу, где меандрирующие в песчаных берегах реки и чистейший воздух сосновых боров всегда очистит моё сознание ото всего лишнего и напускного.

5 лет, 5 разных жизней прожито на реках Лидь, Чагода, Чагодоша, Горюн, Песь. Каждая оставила в душе такие схожие и в то же время такие разные приятные воспоминания. Эти года, несмотря ни на что, навсегда засели в моём сердце — камерная Лидь с таинственными зарослями лесов в верховьях, узкий Горюн со своими

разрушенными шлюзами, полноводная Чагода, прекрасная каменистая Песь, многократно воспетая в туристической литературе, а также величественная красавица Чагодоша. Я всегда буду вспоминать о сплавах в этих краях с особенной теплотой и даже, можно сказать, любовью.

Много всего произошло за эти 5 лет — мы с женой постепенно встали, что называется, на ноги: обзавелись недвижимостью и движимостью, мы немало попутешествовали по родной стране, у нас появился долгожданный ребёнок. И как невозможно любое время однозначно отнести к плохому или хорошему, так и эти года — тоже. Всякое бывало, но в нас всегда находился огонёк, разгорающийся из искры (прямо как у Бога Огня [Куваев(2021)]), попавшей в наши сердца тогда, на Башкирской реке Зилим в нашем первом с женой сплаве — чувства, наполнившие нас с ней тогда, мы надеемся пронести до конца наших дней в своих сердцах.

Эта летопись подошла к концу, а будет ли другая? Ведь нас ждёт ещё Карелия...

Соболев А.А., 2023 г.

Координаты стоянок

Я долго думал, стоит ли публиковать координаты стоянок в книге? Имеет ли это хоть какую-то ценность, значение? Пришёл к выводу, что даже если 1 человек, водник, байдарочник, сможет этим воспользоваться, это поможет ему в пути, поможет получить максимум от отдыха на реке — почему нет? Об одном только прошу, просто слёзно умоляю вас, друзья — даже на отдыхе, даже в состоянии «подогретого сознания» будьте людьми и не оставляйте после себя мусор на стоянках, уважительно и с должным почтением относитесь к природе нашей необъятной Родины!

Координаты приводятся в системе WGS-84, субъективно в скобках дана оценка стоянкам по 5-бальной шкале, где 5 — лучшая, 1 — худшая. Там, где оценка в скобках не приводится, дана просто справочная информация. Сокращения л.б. и п.б. — левый и правый берег соответственно.

Отдельно хочется предупредить вас, друзья, что за несколько лет всё может очень сильно поменяться — как из-за человеческого фактора, так и природного (много раз мне приходилось видеть подмытые и обвалившиеся берега), поэтому не стоит воспринимать эти данные как истину в последней инстанции, а лишь как информацию, могущую оказаться полезной. В частности, многолетние завалы на Песи в ближайшее время точно никуда не денутся.

р.Лидь

- N* 59.77112° *E* 34.87456° — стапель, п.б., 2017 г.
N 59.68915° *E* 34.89413° — ночёвка, л.б., 2017 г. (4)
N 59.68745° *E* 34.92153° — разр. пл., высадка л.б., 2017 г.
N 59.67229° *E* 34.94233° — высадка п.б., 2017 г.
N 59.64044° *E* 35.06237° — ночёвка, п.б., 2017 г. (4)
N 59.53621° *E* 35.19714° — ночёвка, л.б., 2017 г. (2)
N 59.51290° *E* 35.21290° — стапель, л.б., 2015 г.
N 59.46437° *E* 35.17958° — первая стоянка, л.б., 2015 г. (3)
N 59.42453° *E* 35.15822° — проход в правой протоке
N 59.42332° *E* 35.15214° — днёвка, п.б., 2017 г. (5—)
N 59.38460° *E* 35.17379° — супер-место, л.б. (5)
N 59.36837° *E* 35.16657° — островок
N 59.32765° *E* 35.17302° — ночёвка, п.б., 2015 г. (3)
N 59.19729° *E* 35.17220° — ночёвка, п.б., 2017 г. (3)

р.Горюн

- N* 59.29726° *E* 34.92587° — стапель, л.б., 2016 г.
N 59.27053° *E* 34.91910° — разр. пл., высадка л.б., 2016 г.
N 59.21645° *E* 34.92776° — высадка на мысу, л.б., 2016 г.

р.Чагода

- N* 59.21645° *E* 34.92776° — ночёвка, л.б., 2016 г. (4—)
N 59.21520° *E* 34.95573° — стоянка, л.б.
N 59.15709° *E* 35.23621° — днёвка, л.б., 2015 г. (4)
N 59.15804° *E* 35.24190° — ночёвка, л.б., 2017 г. (4)

р. Чагодоша

- N* 59.15379° *E* 35.30460° — семафор, л.б.
N 59.15912° *E* 35.32931° — высадка в магазин, л.б., 2015 г.
N 59.15858° *E* 35.32970° — высадка в магазин, п.б., 2016 г.,
антистапель 2017 г, 2018 г.
N 59.16139° *E* 35.37266° — стапель, л.б., 2019 г.
N 59.13567° *E* 35.61832° — ночёвка за Мегрино, л.б., 2015,
2016, 2019 гг. (5)
N 59.06962° *E* 35.86246° — ночёвка, л.б., 2019 г. (4—)
N 59.08257° *E* 35.94123° — ночёвка, л.б., 2015 г. (3)
N 59.08569° *E* 35.94522° — ночёвка, л.б., 2016 г. (4)
N 59.12318° *E* 36.03306° — днёвка, л.б., 2019 г. (5)
N 59.18169° *E* 36.11501° — днёвка, л.б., 2015 г. (5)
N 59.19177° *E* 36.15595° — экстр. ночёвка, п.б., 2016 г. (1)
N 59.18664° *E* 36.22300° — высадка, л.б., 2015 г., 2016 г.
N 59.19248° *E* 36.23246° — антистапель, л.б., 2015 г.
N 59.16482° *E* 36.28046° — днёвка, л.б., 2016 г. (5)
N 59.15593° *E* 36.32325° — ночёвка, л.б., 2019 г. (3)
N 59.05216° *E* 36.40635° — ночёвка, антистапель л.б.,
2019 г. (5)
N 58.99856° *E* 36.52885° — ночёвка, л.б., 2016 г. (3)
N 58.97235° *E* 36.58830° — антистапель, л.б., 2016 г.

р.Песь

- N* 58.93065° *E* 34.15118° — стапель
N 58.92815° *E* 34.20071° — завал без обноса
N 58.92943° *E* 34.23585° — ночёвка, л.б. (4)
N 58.92517° *E* 34.27858° — завал с обносом, п.б.
N 58.89480° *E* 34.35690° — ночёвка, л.б. (5)
N 58.84678° *E* 34.44593° — ночёвка, л.б. (5)
N 58.90267° *E* 34.60336° — днёвка, л.б. (5)
N 58.96410° *E* 34.84470° — ночёвка, л.б. (5)
N 58.94978° *E* 34.87727° — завал без обноса
N 58.93968° *E* 34.88977° — завал с обносом, п.б.
N 58.96258° *E* 35.12499° — ночёвка, л.б. (4)
N 59.02471° *E* 35.21774° — ночёвка, п.б. (4-)

Литература

[Анхимова(2021)] А. И. Анхимова.

Карельская, финская и заонежская вышивка: народный орнамент, схемы. Петрозаводск: Издательский центр музея «Киж», 2021.

[Башенькин(1999)] А. Н. Башенькин.

Археологические памятники Чагодощенского района / Чагода: Историко-краеведческий альманах. Вологда: Ардвисура, 1999. ISBN 5-88459-029-6.

[Башенькин(2007)] А. Н. Башенькин.

Финны, угры, балты, славяне и скандинавы в Молого-Шекснинском междуречье. *Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / Гл. ред. Г.В. Судаков. Сост. С.А. Тихомиров,* 2007. Вологда: Книжное наследие.

[ДЭ(1965)] ДЭ. *Детская энциклопедия: В 12 томах / Академия педагогических наук РСФСР.* М.: Просвещение, 1965.

[Ерофеев(2020)] В. В. Ерофеев.

Москва — Петушки. М.: Азбука, 2020. ISBN 978-5-389-03119-7.

-
- [Ефремов(2000)] И. А. Ефремов.
Туманность Андромеды. М.: ОНИКС, 2000. ISBN 5-249-00490-3.
- [Иванов(2005)] А. В. Иванов.
Географ глобус пропил. СПб.: Азбука-классика, 2005. ISBN 5-352-01576-9.
- [Исанин(1986)] Н. Н. Исанин.
Морской энциклопедический справочник: В двух томах / Под ред. Н.Н. Исанина. Л.: Судостроение, 1986.
- [Квадригин(1985)] Ф. Квадригин.
На байдарке. М.: Физкультура и спорт, 1985.
- [Королькова(2016)] Л. В. Королькова.
Традиционная вышивка народов Ленинградской области. СПб.: ООО «Издательский дом „Инкери”», 2016. ISBN 978-5-903562-80-0.
- [Кротов(2015)] А. В. Кротов.
Практика вольных путешествий. М.: Лабиринт, 2015.
- [Куваев(2021)] О. М. Куваев.
Территория. М.: Омега-Л, 2021. ISBN 978-5-370-04743-5.
- [Кузнецов(1999)] А. В. Кузнецов.
Топонимы помостья / Чагода: Историко-краеведческий альманах. Вологда: Ардвисура, 1999. ISBN 5-88459-029-6.
- [Ленин(1974)] В. И. Ленин.
Полное собрание сочинений, Т. 35. М.: Издательство политической литературы, 1974.
- [Плечко(1974)] Л. А. Плечко.
По рекам Лидь, Чагодища и Молога. *Катера и яхты*, 4 (50):28–30, 1974.

[Рыжавский(1981)] Г. Я. Рыжавский.

Бассейн верхней Волги. М.: Физкультура и спорт, 1981.

[Рыжавский(2000)] Г. Я. Рыжавский.

По рекам и озёрам Средней России. М, 2000.

Литературно-художественное издание

А.А. Соболев

Вепсская летопись

Сборник повестей о сплавах на байдарке

Текст публикуется в авторской редакции.

В оформлении использованы фрагменты народного
орнамента [Анхимова(2021), Королькова(2016)].

Сдано в набор 00.00.2023.
Гарнитура New Computer Modern.
Формат А5. Бумага офсетная.
Тираж 20 экземпляров. Заказ 0.

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»
Москва, ул. Малая Юшуньская, д. 1, корп. 1.
Тел. (495) 510-32-98
www.maska-print.ru